

RUDOLF STEINER

Die Wirklichkeit der höheren Welten

Acht öffentliche Vorträge
gehalten vom 25. November bis 2. Dezember 1921
in Kristiania (Oslo)

GA 79

1988
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH/SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ВЫСШИХ МИРОВ

Восемь публичных лекций,
прочитанных с 25 ноября по 2 декабря 1921 года
в Христиании (Осло)

GA 314

Библиотека
духовной
науки

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2022 год

1989
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ. 25 ноября 1921 года

Действительность высших миров. Свободная духовная жизнь и духовная ситуация современности.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ. 26 ноября 1921 года

Пути к познанию высших миров.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ. 28 ноября 1921 года

Основы антропософии.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЁРТАЯ. 29 ноября 1921 года

Человек в свете антропософии

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ. 1 декабря 1921 года

Развитие мира в свете антропософии

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ. 2 декабря 1921 года

Необходимость культурного обновления

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ. 29 ноября 1921 года

Иисус или Христос

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ. 30 ноября 1921 года

Кардинальный вопрос хозяйственной жизни.

Действительность высших миров.
Свободная духовная жизнь
и духовная ситуация современности

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ
25 ноября 1921 года

Прежде всего позвольте мне выразить сожаление по поводу того, что я не в состоянии сказать то, что я позволю себе вам сказать, на вашем языке. И, поскольку это невозможно, я вынужден просить вас принять представляемое на немецком языке.

Вначале я хочу от всего сердца поблагодарить вас за исключительно дружеские, добрые слова приветствия, которые только что были сказаны. Я только надеюсь, что мне удастся выполнить хотя бы часть из того, что предполагается. Я сердечно благодарен собравшимся здесь студентам за предоставленную мне возможность сказать что-то об антропософской духовной науке. Как раз, исходя из долгих лет занятости этой духовной наукой, я знаю, какие необычайные трудности возникают в том, чтобы сделать её хоть немного понятной для нашей современной цивилизации и культуры, и как легко поначалу понять её неправильно. По этой причине я хотел бы выразить особую благодарность пригласившему меня студенчеству и заверить, что мне представляется очень ценным, особенно со стороны студенчества, в кругах которого антропософская духовная наука сегодня привлекает некоторое внимание также в других странах, то, что оно находит возможность уделить ей своё внимание и здесь.

Ну, что же, на сегодняшний вечер по вашему желанию была запланирована тема «Действительность высших миров». Поскольку всё, что я писал на протяжении десятилетий, было, по сути, попыткой ответить на один большой вопрос о действительности этих высших миров, вы поймёте, что в короткой вечерней лекции мы с самого начала я обречён на то, чтобы дать лишь нечто недостаточное и неполное. Я должен попытаться выявить некоторые установки, указать на то, как прийти к этой действительности высших миров. Разумеется, сегодня я не смогу предложить вам нечто полностью и без остатка доказательного, - ведь, у нас ещё будет возможность сделать кое-что и в последующие дни, - а я смогу указать только пути и направления к тому, где лежат эти доказательства. Антропософская духовная наука не может говорить о действительности высших миров, не указывая путей, ведущих к этой действительности, и пути эти совсем не те, что хотят встать в оппозицию к тому, что таким достойным восхищения образом создано научным стремлением человечества, посредством научного духа последних столетий.

Если с той или иной стороны возникают сомнения в научности антропософского исследования, то само это исследование полагает, что эти сомнения полностью основаны на недоразумениях. Поскольку антропософия хочет быть не просто дилетантской болтовней, а чем-то таким, что приближается к высшим мирам, к сверхъестественным мирам, с той же научной добросовестностью, с внутренней научной дисциплиной и методологией, с какой уже издавна надёжный, научный образ видения приближается к закономерностям природы. Только, если кто-то хочет достичь сверхчувственных миров с той же строгостью, с которой пытается достичь своих результатов естествознание, необходимо выйти за пределы того, что сейчас общепринято как научное как в отношении результатов, также и в отношении методов исследования. Антропософская духовная наука целиком построена на той базе, на которой вживаются во всё то, что делает великой современную науку. Эта современная наука выросла, благодаря добросовестному наблюдению за чувственным миром, через эксперимент и через понятийное рассмотрение того, что получается из чувственного наблюдения и эксперимента. Всё, чему можно научиться из этого исследования, когда отдаёшься ему сам,

антропософская духовная наука хочет взять с собой, пусть она и выходит за рамки как результатов, так и типа исследования сегодня уже признанных наук.

Этот выход за пределы, прежде всего, сильно опирается на знание того, что исследовательские способности человека, насколько они развились в естественных науках, достигают определенных границ. Тот, кто разбирается в научных исследованиях, очень хорошо знает, что великий вопрос человеческого бытия о вечном значении человеческой души, вопрос, который обычно называют вопросом бессмертия, вопрос, который называют вопросом судьбы, то есть, вопрос, который в самом широком охвате называют вопросом о высших мирах, - что этот вопрос лежит поначалу за границами современных научных исследований. Он знакомится с тем, что весь образ мышления, возможность познавать, сама способность познания развились, благодаря исследованиям с помощью органов чувств, и что они достигают границы в тот момент, когда хотят выйти за пределы чувственного мира. Антропософия полностью согласна с признанными исследователями современности, когда речь идёт об установлении того, что для обычного человеческого сознания такие пределы существуют.

Ведь, прилагается много усилий, чтобы выйти за эти границы философским путём. Только всё, что придумывает человеческий разум, а может быть, и человеческая душа (Gemüt) о том, что лежит за пределами чувственного мира, всё это не выдерживает определённой строгой критики, и оказывается неудовлетворительным прежде всего потому, что оно, как бы, устремляется в пустоту, потому что разум может чувствовать, насколько он зависит от того, что дают ему чувства, и как, когда он хочет прорваться сквозь расстилающееся вокруг нас поле чувств, когда он предоставлен самому себе, как он тогда, собственно, больше не имеет содержания, если оставаться в обычном сознании.

Более глубокие умы (Gemüter), которые сегодня всё же пытаются оправдать свои душевные и духовные потребности перед наукой, и не хотят просто останавливаться на том, чтобы поддаться какому-то верованию, а хотят нечто знать о вещах, лежащих за пределами временного, - такие более глубокие человеческие умы сегодня очень часто находят убежище в некоем мистицизме. Они верят, что то, что им не может дать внешняя наука, сможет им открыться, если они углубятся в глубины душевной жизни. Они верят, что из глубины их души (Gemütes) может излиться то, что может дать им знание о вечной ценности, о вечном значении человеческой души, о связи человеческой души с божественно-духовным миром.

Но, как раз, более глубокое душеведение не может согласиться с таким мистицизмом в обычном смысле. Поскольку более глубокое душеведение знает все потаенные пути способности человеческой памяти. Ведь, обычное сознание, определённо, имеет свои воспоминания, сокровища своей памяти, которые оно вновь и вновь извлекает из себя, поскольку это необходимо для здоровой душевной жизни. Но в глубинах души покоится многое из того, что примешано к этим воспоминаниям, и что в своей сущности обычное сознание не может обозреть. Поэтому многие мистики выкапывают из глубины человеческой души нечто такое, в чём они видят высказывания высших миров, но для настоящего знатока души это, возможно, лишь впечатления чувственного мира из давно ушедшего раннего детства. Исследователь души знает, какие метаморфозы может претерпеть то, что мы неосознанно принимаем в свою душу в самом раннем детстве, и как оно может вновь проявиться в изменённом виде в более позднем возрасте. Некоторые надеются мистическим путём найти божественную искру в своей душе, но не черпают из глубины души ничего, кроме преобразённых детских переживаний.

Вот те две трудности, которые стоят перед нами, когда мы, стремясь исследуя, серьёзно и честно подступаем к действительности высших миров. Серьезный духовный исследователь должен уберечь себя как от спекулятивной философии, которая хотела бы в чисто интеллектуальных рассуждениях прорваться через внешний чувственный мир и прийти к некоему потустороннему миру, так и от такого мистицизма, который, по сути, всё же лишь извлекает преобразованные воспоминания из глубин человеческой души (Gemütes). С обеих сторон он наткнётся на непреодолимые барьеры: с одной стороны, мир чувств, который он не

может пробить обычным сознанием, с другой стороны, со стороны человека, мир воспоминаний, который должен существовать для здоровой душевной жизни, и который образует границу в направлении внутрь, которая, собственно, также может быть преодолена обычным сознанием только посредством иллюзий и фантастики.

Через обе эти преграды антропософское духовное исследование хотело бы пройти к действительному познанию высших, сверхчувственным миров. Поэтому она совершенно честно и открыто признается себе, что познавательные способности, привычные в обычной жизни и в обычной науке, должны подойти к этим двум границам, что, как раз, с этими познавательными способностями нельзя проникнуть в высшие миры. Поэтому антропософская духовная наука направлена на то, чтобы поднять в сознание такие дремлющие в душе способности, о которых обычное сознание просто не знает, и вначале развить их, чтобы затем уже с этими развитыми способностями приступить к исследованиям высшей действительности. Это духовное исследование исходит не из какой-то туманной мистики, оно целиком исходит из способностей обыденной жизни, но оно не только преобразует и развивает эти способности обыденной жизни, а делает из них существенно другие способности.

Первое, на что должно быть направлено внимание честного духовного исследователя, - это человеческая способность воспоминания, об ограниченности которой уже было сказано. Эта способность воспоминания позволяет нам в повседневной жизни постоянно вольно или невольно вызывать перед душой в образах то, что мы проделали, пережили, с момента своего рождения или с чуть более позднего момента времени. Этот факт, который перед душевным исследованием обычно не ставится в своём полном объёме, теперь в полном объёме ставится перед человеческой душой антропософией. И точно так же, как иначе происходит только в случае с воспоминаниями, со способностью памяти, когда мы намеренно перемещаем представления, понятия, короче, мысленное, в центр человеческого сознания, она пытается таким же образом формировать первые высшие способности познания, посредством определённых упражнений, которые используют, как раз, силу мышления. Они не останавливаются на той силе мышления, которая выражается в обычном воспоминании. Они продвигаются вперёд, - не к той произвольной медитации, о которой часто говорят в туманной мистике, а к внутренне совершенно урегулированной, систематической медитации.

Я подчеркну здесь вначале принципиальное этой вещи. Все подробности вы сможете найти в различных моих книгах, к тому же некоторые детали я объясню здесь в ближайшие несколько дней. Мои книги, в которых обсуждаются эти детали, - это, прежде всего, «Как достичь познаний высших миров?», «Тайная наука». То, что является исследованием, длившимся десятилетия, может быть объяснено здесь только в принципе, в виде некоторых методических рекомендаций. Речь идёт о том, чтобы развить мыслительную силу человека до состояния большей силы, большей интенсивности, по сравнению с тем состоянием, которую она имеет в обычной жизни и в обычной науке. Когда какая-то мышца во время работы особенно напрягается, сила этой мышцы увеличивается. То, что здесь выполняется внешней частью тела, духовный исследователь выполняет в отношении душевных сил. С полным осознанием, с полной свободой воли он помещает в центр своего сознания легко обозримое представление, или легко обозримый комплекс представлений, и некоторое время - кому-то нужно больше, кому-то меньше времени, в зависимости от способности концентрироваться - пребывает в этом сознании.

Я прошу вас обратить внимание на то, что я говорю об обозримом представлении. Это чрезвычайно важно. Если бы для медитации, для нашего мыслительного упражнения, мы просто вытащили что-то из нашей обычной сокровищницы воспоминаний, то мы бы с этим не справились. Поскольку в том, что мы выносим из нашей сокровищницы мыслей, содержится множество реминисценций, бессознательных жизненных впечатлений, которые тогда влияли бы на наше мысленное упражнение. Ничего из бессознательного не должно вторгаться в правильную антропософскую медитацию. Всё должно быть обозримым. Всё полностью должно быть подчинено разуму (Besonnenheit). По этой причине иногда, и

справедливо, требуют, чтобы тот, кто сам хочет стать исследователем в этой антропософской духовной науке, обратился к опытному исследователю и получил бы упражнения от него. Когда мы практикуем такие вещи, которые тем или иным образом находим для себя сами, или получаем от кого-то, они входят в наше сознание как нечто новое, как некий чувственный опыт, с которым мы сталкиваемся, и который не выходит из глубин нашей души, а, именно, входит в нашу душу как нечто новое. Речь идёт не о том, что мы что-то выигрываем от содержания такого представления, а о том, что она входит в наше сознание с новизной чувственного опыта, и что мы затем фиксируем на ней свои душевные силы. Как мы работаем мышцами, точно так же мы работаем и силами души, когда с внутренним сосредоточением останавливаемся на таком представлении. Если мы будем соблюдать все детали этой практики, которые я описал в своих книгах, мы не подвергнемся никакому внушению или самовнушению, а будем осуществлять каждое мгновение такого мыслительного упражнения с полным разворачиванием нашей воли. Но через некоторое время мы почувствуем, как мы укрепляем внутреннюю душевную силу, как мы делаем её более интенсивной. Эти упражнения не занимают много времени в течение одного дня, но их нужно повторять снова и снова. Одним нужно больше времени, другие могут добиться чего-то значительного уже за несколько месяцев, некоторым нужны годы. Но в принципе повсюду лежит одно и то же: необходимость такими упражнениями внутренне укрепить душевные силы, а, именно, силы мысли. И, наконец, достигается та точка, где начинается, так называемое, имагинативное мышление. То, что тогда формируется, я назвал имагинативным мышлением по той причине, что человек постепенно замечает, что мышление выходит из той абстрактности и того интеллектуализма, которым оно подвергается в обычной жизни и обычной науке: постепенно чисто внутреннее мышление пронизывается светом образности, прогревается жизненностью, вполне равной той жизненности и образности, что мы развиваем по отношению к внешним чувственным впечатлениям. Это чрезвычайно важно отметить, поскольку все мы знаем, что когда мы обращаем внимание на внешние чувственные впечатления, - всё интенсивно, всё насыщено. Мы всем своим человеческим существом отданы этим внешним чувственным впечатлениям. Но когда, отвернувшись от внешних чувственных впечатлений, мы затем предаемся мышлению в обычной жизни и обычной науке, это мышление бывает бледным, не прогретым. Ведь, справедливо говорят о бледности абстрактного мышления. А абстрактным является почти всё мышление, которое развивается в обычной жизни и в обычной науке. Полностью насыщены лишь те мысли, которые мы развиваем в тот момент, когда мы отдаёмся внешней чувственной реальности.

Но к этой живости, к этой внутренней насыщенности приходят при простом, поначалу внутреннем переживании, если выполнять те умственные упражнения, на которые я указал. Тогда действительно можно прийти к тому, чтобы мыслить образно, имагинативно. Только должно быть ясным, что поначалу в этом имагинативном мышлении нет ничего ни перед собой, ни внутри себя, что соответствовало бы уже какой-либо внешней духовной действительности. Но постепенно замечаешь реальное, объективное значение этого имагинативного мышления, когда совершаешь следующий внутренний опыт.

Все вы знаете, как по мере взросления маленького ребёнка, его мозг постепенно превращается в тот чудесный орган, которым он становится в течение жизни. Вполне можно сказать: мозг является, прежде всего, пластическим органом, он терпит, что формирующие силы души отпечатываются на всём его строении, на его извилинах и так далее. Этот процесс происходит в первые годы жизни ребёнка. Он останавливается в определённом пункте, к которому мы приходим посредством обычного естественного развития человека и посредством обычного воспитания. И с тем, что мы таким образом достигаем, мы пытаемся затем обходиться в обычной жизни, пытаемся развивать обычную науку. Но по мере того, как мы из года в год развивались в детстве, мы становились всё более и более способными. Это становление всё более и более способным испытывается, в свою очередь, тогда, когда мы стремимся к имагинативному познанию. Тогда мы узнаём, что посредством той деятельности, которую я только что описал как деятельность мыслительных упражнений, мы

снова работаем над чем-то в себе, что мы работаем над чем-то, что теперь является пластичным. Но мы чувствуем также, что то, над чем мы работаем, - то, что, я бы сказал, бороздится сейчас в душевно-духовном, таким же образом, как в детстве бороздился физический мозг, - является в человеке чем-то сверхчувственным, душевно-духовным, чем-то, что выделяется из физического тела. И через некоторое время мы чувствуем, что по отношению к внешним и внутренним границам познания можно вести себя совершенно по-другому. Именно как духовные исследователи мы должны согласиться с теми, кто говорит о таких границах познания. Однако мы чувствуем, что теперь, благодаря вновь развитым способностям, действительно можно постепенно выйти за эти границы.

Когда появился этот внутренний опыт, это внутреннее переживание, когда действительно чувствуешь, что тебе не надо больше просто останавливаться на чувственном мире, что ты испытываешь нечто, благодаря своему образному мышлению, благодаря своему живому мышлению, когда ты прорываешь ковёр чувств, когда ты пытаешься заглянуть в своё внутреннее, когда ты испытываешь нечто, чего не испытывает обычное естествознание, что обычная мистика может поставить перед душой лишь иллюзорным образом, - когда это честно переживается как результат внутреннего развития, тогда можно быть уверенным в том, что находишься на пути, который теперь действительно может привести к высшим мирам.

Ведь, поначалу перед собой нет ничего внешнего. Лишь укрепились, интенсивировались старые силы. Но очень скоро замечаешь, что в сознании происходит что-то существенное, что-то важное. А именно, человек постепенно получает нечто вроде внутреннего видения, которое простирается на всю вашу жизнь с самого рождения. Да, это первая сверхчувственная реальность, которую человек испытывает: свою собственную внутреннюю жизнь с рождения в одном обозримом табло. И это обозримое табло выражается посредством того, что со своим мышлением человек стоит в некотором другом отношении к тому, что он теперь воспринимает внешне, нежели он стоял со своим мышлением по отношению к внешне данному и внутреннее пережитому раньше.

В обычной жизни человек развивает мысли. Человек думает о чём-то. Эти мысли находятся в его душе, они субъективны. Другое, объективное, находится снаружи. Человек ощущает деятельность своего мышления отдельным от того, что находится снаружи. Теперь перед ним табло его собственной душевной жизни, начиная с рождения. Но, мысли, я бы сказал, входят внутрь этой ткани. Человек чувствует себя внутри этой ткани. Он говорит себе: Только теперь ты начинаешь действительно понимать (erfassen) самого себя. Ты должен отдать свои мысли тому, что объективно выступает перед твоим сознанием. - Это является даже причиной определенного, я бы сказал, болезненного опыта, прежде всего, у антропософского духовного исследователя. Такой болезненный опыт антропософский духовный исследователь должен проделать со своими переживаниями в разных направлениях. Не надо бояться проделывать определённым образом внутренне сложное, часто болезненное. Об этом я также буду говорить сегодня ещё и в другом направлении. Сейчас же речь идёт о том, что по отношению к этому табло жизни человек поначалу переживает, своего рода, внутреннюю угнетённость собственного существа. Оно ощущается не с такой лёгкостью, как иначе это происходит с мыслями и представлениями, с чувствами, волевыми импульсами, желаниями и тому подобным, оно ощущается, как нечто, что тревожит. Короче говоря, в этой угнетённости ощущается, как раз, реальность. Если такой угнетённости нет, то у человека ещё лишь мыслительные образования, реальности у него ещё нет. Но, благодаря тому, что он вносит в эту угнетённость всё то, что раньше имел в виде свободно разворачивающейся ткани мысли, он ограждает себя от развития своим имажинативным познанием чего-то вроде иллюзий, видений, галлюцинаций.

Это нечто такое, в чём так часто упрекают антропософскую духовную науку. Говорят: Своими упражнениями вы, ведь, развиваете ни что иное, как видения, галлюцинации. Вы выводите на поверхность сознания подавленные нервные силы, и никто не может доказать реальность того, о чём антропософская духовная наука говорит как о высших мирах. Но тот,

кто обратит внимание даже только на то, что я сказал сегодня, почувствует, что путь, по которому идёт антропософская духовная наука, противоположен всем тем путям, которые ведут к видениям, к галлюцинациям или даже к медиумизму. Всё, что ведёт к медиумизму, к галлюцинациям, к видениям, в конечном счёте возникает только по причине больных органов тела, которые, как бы, выдыхают в сознание своё духовно-душевное патологическим образом. Всё это лежит под чувственным восприятием. Напротив, то, что формируется как имажинативное познание, лежит над обычным чувственным восприятием, формируется, как раз, в объективности, а не в болезненном внутреннем.

Поэтому было бы полным заблуждением обвинять в такой патологии то, что характеризуется как антропософский метод духовного исследования. Напротив, благодаря тому, что человек в полной свободе сознания овладевает тем, что я назвал имажинативным познанием, ему удастся опознавать всё галлюцинаторное, всё медиумическое как таковое. Никто не станет отвергать все подобные психопатии строже, чем тот, кто не затолкал свою душу дальше в тело, как галлюцинирующий, а, как раз, извлёк своё душевное из тела описанными усилиями, кто теперь пришёл к тому, чтобы охватить свою собственную жизнь от времени рождения в таком табло.

Из того, что я только что описал как реальность, замечаешь, что теперь действительно постиг то, что в строительстве нашего организма со времени нашего пребывания на Земле принимали участие не просто мысли, а жизненные силы. То, что таким образом выступает как имажинация, есть ни что иное, как сумма сил, посредством которых мы растём, сумма сил, которые действуют также в нашем питании. Поэтому то, что таким образом открывается как действующее в человеке сверхчувственное, антропософская духовная наука называет эфирным телом или телом образующих сил (телом силы образов = Bildekräfteleib). Вы видите: полностью систематическим образом открывается более высокий член человеческого существа, тот, что как сверхчувственный член прежде всего действует в формировании нашего земного тела. И, благодаря тому, что в том, что выступает при этом как табло, движешься не так, как в обычном мышлении, а скорее так, что через угнетённость ощущаешь реальность, - благодаря этому замечаешь: то, что ты видишь внутренне, является тем же самым, что иначе бессознательно действует в твоём организме.

В том, о чём антропософская духовная наука говорит как о сверхъестественном эфирном, или жизненном теле, нет ничего фантастического, выдуманного. Это не гипотетическая старая жизненная сила, от которой наука справедливо отказалась, - это нечто такое, что возникает в совершенно реальном восприятии, что становится реальностью для развитой усиленной жизни представлений, подобно тому, как является реальностью внешний чувственный мир. И к этой реальности нас приводят не туманное мистическое развитие, а укрепление, усиление совершенно нормальной способности мыслить, которая только и выводит к свободному, чисто духовно-душевному Я. Это то, что ставит перед душой эту первую высшую реальность.

Однако, поскольку мы как земные люди поначалу охватываем взглядом, собственно, только то, что в виде табло предстаёт нам как наше собственное живое в течении времени, то на пути к сверхчувственным мирам мы должны двигаться дальше. Это происходит благодаря тому, что, опять же посредством упражнений, мы извлекаем из души следующие дремлющие силы. Как вы знаете, в человеческой жизни есть не только вспоминание, то есть, фиксирование представлений, а есть также и забывание. К нашему сожалению, забывание часто становится лёгким в обычной жизни. Но, как раз, тот, кто много времени проводит в мыслях, знает, что мысли тоже могут приносить мучение, и что для их подавления нужны усилия. Это требует особых усилий тогда, когда мы медитируем систематически, как я описал, когда мы развиваем внутреннее глубокое мышление. Когда мы таким образом ставим определённые представления в центр нашего сознания, и укрепляем силы представления, тогда эти представления не так-то легко снова подавить. Они угнетают нас. Они позволяют себя подавить, только если мы, в свою очередь, совершенно систематически в этом упражняемся. Мы должны упражняться в том, чтобы, - если мне будет позволено так

парадоксально выразиться, - как бы, искусственно забывать, подавлять представления, которые желают оставаться.

Опять же, я подробно описал в упомянутых книгах многие упражнения, с помощью которых мы увеличиваем эту силу, подавляющую представление. Затем, если мы будем делать такие упражнения по подавлению представлений в течение длительного времени, мы придём к тому, чтобы полностью опустошить сознание в состоянии полного бодрствования. Этим говорится не нечто несущественное, как можно было бы подумать. Большинство людей, стоящих внутри обычной жизни, при попытке опустошить своё сознание, через некоторое время просто засыпают. Но ещё труднее опустошить сознание, если оно наполнено представлениями, усиленными в медитации. Только в этом надо упражняться. И тогда постепенно удаётся не только подавить отдельные представления, не только очистить от них свое сознание, но, благодаря постоянным усилиям в этом направлении, постепенно вывести из сознания всё табло своей жизни, о которой я говорил. Это так, будто почти вся жизнь представляется в виде, я бы сказал, ставшего временем пространства, или в виде ставшего пространством времени. Перед нами всё табло жизни до сих пор. Постепенно, благодаря описанным упражнениям, мы обретаем способность стереть всё это табло из сознания, после того, как мы пришли к видению этого табло, полностью опустошить своё сознание, и при этом оставаться бодрствующим.

Это очень важный этап на пути к действительности высших миров. Поскольку, если нам удастся таким образом полностью опустошить наше сознание, предварительно наполнив его этим табло собственной жизни, видением своего эфирного тела, то мы не оказываемся перед неким ничто. Тогда, хотя мы и можем убедиться в том, что всего, что представляет собой чувственный мир, больше нет вокруг нас, - больше нет вокруг нас так же, как и в глубоком сне без сновидений, - перед нами возникает мир, который мы до сих пор не знали, - мир сверхчувственных существ и сверхчувственных процессов. Его мы открываем только после того, как вытеснили из сознания это табло своей собственной жизни. Это просто абсурдно, по отношению к тому, что возникает после этих усилий, говорить о том, что это могут быть просто жизненные реминисценции, просто иллюзии. Тот, кто переживает это в действительности, тот знает, - так же, как по отношению к внешней чувственной действительности он знает, что он имеет перед собой действительность, - посредством непосредственной жизни, что он имеет перед собой, как раз, такую действительность.

Но существенным во всём этом является то, что когда человек становится галлюцинирующим, становится человеком видений, он теряет свое обычное сознание. Галлюцинирующий живет в своих галлюцинациях. Его обычная разумность (*Besonnenheit*) исчезает. Тот же, кто формирует себя так, как я это описал, ничего не теряет из своего здравого смысла, он ничего не теряет из своего обычного благоразумия. Всё то, что он имел раньше, остается с ним, и от вида новых миров, сверхъестественных миров, которые теперь перед ним предстают, он всегда может обратиться назад. Как он оглядывался назад на свои воспоминания, так же он всегда может оглянуться назад и на то, что воплощено в его сознание в обычной жизни, в обычной науке. Поэтому тот, кто формирует своё сознательное мышление, может внести это сознательное мышление, это своё полностью пронизанное волей мышление, во всё восприятие сверхчувственного мира. Об этом сверхчувственном мире он может говорить так же понятийно, разумно, как говорят о физическом мире в обычной науке. И поскольку он описывает эти высшие миры с обычным пониманием, обычными научными методами, каждый может следовать ему, даже если он не стал духовным исследователем или исследующим антропософом, и просто позволять критиковать своему здравому смыслу. И так как антропософский исследователь вносит этот здравый смысл во все знания о высших мирах, то не нужно быть духовным исследователем, чтобы понять его сообщения. Когда принимаются сообщения духовного исследователя, то они должны быть представлены в такой форме, чтобы за ними мог следовать здравый смысл. Это относится не только к имажинативному мышлению, посредством которого, ведь, вначале

представляется только земная жизнь, но это относится и к той ступени познания, о которой я только что говорил, и которую в своих книгах назвал инспирированным познанием.

Такие выражения не должны вас отталкивать. Под ними не понимается ничего суеверного или привнесённого из прошлого, а только то, что сказано. Я называю это инспирированным познанием, поскольку, как воздух из внешнего мира как нечто реальное входит в наш дыхательный организм, так теперь и сверхчувственный мир входит в обычный мир души. Отдаваясь такому инспирированному познанию, как духовный исследователь мы находимся в следующем положении. Прежде всего мы выходим из обычного состояния души. После того, как мы обрели способность опустошать сознания, мы можем, там, где мы находимся в пространстве и времени, вызвать возможность вытеснить из сознания то, что мы там имеем, сделать сознание пустым. Тогда, с определённых исходных точек, нам является нечто в виде существ и процессов сверхчувственного мира. Как вдох, инспирация является этим. Духовный мир вдыхается в обычный мир. И мы снова должны иметь силы для восстановления обычного сознания, для того, чтобы, исходя из обычного сознания, выносить суждение об этом духовном мире. Это постоянное выдыхание и вдыхание духовного мира, постоянный возврат к обычному сознанию для того, чтобы человек полностью сохранял разум также и по отношению к этим духовным мирам.

То, что проявление инспирации является правомочным, может быть видно из того, что я хотел бы привести только как сравнение. Сегодняшний духовный исследователь не в состоянии проникать в сверхчувственные высшие миры так же, как это делали древние народы, а именно, человечество правремени. Способ, которым восточные народы проникали в высшие миры, передаётся и часто до сих пор, при другой телесной организации, при другой физической конституции, практикуется в упаднической форме в Азии в виде упражнений йоги. Это не то, что может быть принято в Европе для нашего блага. Это происходит инстинктивно, бессознательно, в то время как всё, что я описал, происходит в полном сознании, совершенно намерено. Тем не менее, мы всё же определённым способом можем нечто извлечь из того, каким образом хотели достичь высших миров и испытать их воздействия в те ранние инстинктивные периоды развития человечества. В практиках йоги древний индус стремился регулировать свое дыхание, то есть, не дышать обычным образом, а дышать регулируемым, упорядоченным или, скорее, перестроенным образом, дышать так, чтобы это приходило в его сознание, чтобы он всегда сопровождал его своим сознанием, в то время как обычное дыхание, ведь, протекает совершенно бессознательно как чисто органический процесс. Переживая этот ритм: вдох-выдох, вдох-выдох, ученик йоги вживался в мировой ритм, и в физическом ритме дыхания он вживался в духовный ритм вдоха духовных миров, выдоха духовных миров, как я также только что описывал как подходящее для нашей европейской цивилизации. Действительно вживаются в некий ритм. То бытие, которое иначе имеет место как земное бытие, может, как бы, постоянно инспирироваться и снова инспирироваться по отношению к сверхчувственному, высшему миру. Что же это за сверхчувственный высший мир?

До этого с помощью имагинативного видения учились опознавать то, что в продолжении земного бытия работает в человеке как эфирное тело, или тело образующих сил. Это эфирное тело, или тело образующих сил подавляется. Открывается новый мир. Когда живут в этом новом мире, чувственный мир пропадает. Он присутствует только в виде воспоминания, как я это описал. Но в этом новом мире, который теперь открывается, открывается более высокая реальность, - та реальность, которая, в свою очередь, перерабатывает, пронизывает эфирное тело, или тело образующих сил так, как это эфирное тело пронизывает физическое тело. Тут антропософская духовная наука говорит - не исходя из фантазии, а исходя из строго систематического следования путями к высшим реальностям, - об открывающемся таким образом астральном теле человека, которое пронизывает эфирное тело, или тело образующих сил, но которое живёт в других мирах. И когда проверяют миры, в которых живёт это астральное тело с Я, так же, как я живу телесно среди чувственных вещей, то обнаруживают духовно-душевный мир, из которого человек спустился, соединяясь

через рождение, или, скажем, через зачатие, с физической материей, которая даётся отцом и матерью. Человек открывает вечную, бессмертную сущность человека посредством прямого видения, которого он достиг, и которое может быть проверено здравым смыслом, благодаря причинам, которые я привел выше.

Особенно подвергаются сегодня нападкам те, кто говорит не вообще, как это делает пантеист, о неясном, всё пронизывающем духовном мире, а поднимается к особому описанию духовно-духовного мира, из которого мы спустились через рождение в физическое бытие, и в который мы снова поднимаемся, проходя через врата смерти, - то есть, которое мы открываем как действительность не через спекуляции, не через смутное мистическое ощущение, а через строго упорядоченное видение. Вызывает возмущение тот, кто описывает эти миры так, как, например, это сделал я в своём «Тайноведении». Я хотел бы пояснить то, как действительно можно описать эти миры, с помощью простого сравнения. Когда вы рассматриваете обычные воспоминания, обычную память, что вы тогда переживаете? Вы прожили в своей жизни то или это. То, что давно прошло, что давно перестало быть внешней реальностью, - это предстаёт перед вами в образах воспоминаний. На основе этих образов вы конструируете для себя эти воспоминания снова. Они, как бы, перебрались из внешнего мира в вас, стали душевным содержанием. Из этого нашего душевного содержания мы в каждый момент конструируем для себя мир воспоминаний, мир внешних переживаний, в который мы были погружены. Внутреннее становится воспринятым, захваченным и оформленным в жизни представлений, в сердечной жизни и в волевой жизни. Оформляя это внутреннее, перед душой волшебным образом возникает внешний мир переживаний. Что же оформляется в имажинации, в инспирации?

Оформляется не просто то, что воспринято в земной жизни, оформляется весь человек. Мы учимся познавать, как во всех человеческих органах работает и на протяжении всей жизни остаётся целостным тело образующих сил. Мы учимся познавать, как астральное тело в духовно-душевном мире до рождения и зачатия несёт зерно своего существа, как оно проникает в нас, как оно в нас работает. Человек становится, так сказать, прозрачным. Он учится познавать своё физическое как следствие духовного. Подобно тому, как мы вглядываемся в свою память и предконструируем нашу земную жизнь, мы можем, - если мы теперь заглянем в наше внутреннее существо глубже, - не только уловить то, что мы вложили в себя духовно-душевно на протяжении всей нашей земной жизни, но и понять, как устроены наши органы, как в это физическое тело вплетены наше эфирное, астральное тела и Я. В нашем видении мы, как и посредством воспоминания в нашем эфирном теле, можем поместить себя в великие космические, мировые переживания. Поскольку человек присутствовал при всём том, что духовно, душевно и физически разыгрывалось в мире, с которым он связан. Если он описанным образом видит самого себя, то в этом самовидении он может узнать, через какие события исторически развивался он, через какие события в космосе развивалось всё человеческое существо.

Тому, кто постиг эту мысль во всей её полноте, уже не покажется странным, что в своём «Тайноведении» я представил то, как человек в своих первоначальных формах был связан не только с Землёй, но и с планетарными мирами, которые как более древние метаморфозы предшествовали Земле, как, благодаря тому, что заложено в человеке, можно увидеть, что Земля, в свою очередь, преобразуется в другие планетарные состояния, как это, исходя из человека, можно не только увидеть, но как можно, благодаря этому, действительно проникнуть в высшие миры, и можно познавать обычные миры, миры, окружающие нас как земных людей, как результат действия высших духовных миров, сверхчувственных миров. Нужно только ознакомиться со всеми усилиями, которые предпринимает антропософская духовная наука, чтобы прийти к этим результатам. Часто бытует убеждение, что то, что антропософское духовное исследование даёт относительно действительности высших миров, исходит из каких-то абстрактных соображений, из субъективных интеллектуальных рассуждений, или даже является результатом фантазий. Это не так. Клинические исследования, обсерваторские исследования надо изучать в деталях. Это трудно. Однако то,

что таким образом достигается внутренне, так сказать, благодаря внутреннему экспериментированию, чтобы прийти к восприятию высших миров, ещё труднее. Это требует еще большей отдачи, большей тщательности, большей внутренней добросовестности и методичности. И то, что здесь в серьезном и честном смысле описывается как духовная наука, сильно отличается от того, что обычно выступает оккультизм, мистицизм и тому подобное. Как наука относится к суеверию, так эта духовная наука относится к общепринятому оккультизму, который хочет получить свои знания посредством всевозможных средств, или посредством всякого рода дилетантского сбора внешних, удивительных фактов. Эта особая форма современного суеверия преодолевается ни чем иным, как серьезным и честным духовным исследованием, которое развивает свои вполне добросовестные методы.

И когда человек таким образом приходит к инспирированному познанию и, вместе с этим, к видению того мира, который он покинул с рождением, или с зачатием, и в который он, в свою очередь, вступит после смерти, когда человек вступает в эти миры, тогда он внутренне испытывает нечто такое, что, когда отблеск этого возникает в обычном сознании, - а, ведь, всё сверхчувственное является обычному сознанию в виде каких-то очень неопределённых чувств, или чего-то подобного, - является ему как пессимизм. То, что духовный исследователь переживает посредством инспирированного познания, является ему как пессимизм. Почему - как пессимизм? Потому что духовный исследователь, когда он вступает в эти духовные миры, действительно ощущает нечто вроде глубокой боли, всеохватывающего лишения. И, как раз, с помощью тех упражнений, которые я описывал в своих книгах, надо быть вооружённым, быть подготовленным для того, чтобы достойно, мужественно вынести эту боль. Что же это за боль? С этой болью знакомятся как с реальностью. Эта боль, которая, собственно, является интенсивной тоской, представляет собой ни что иное, как переживание силы, посредством которой душа из духовных миров через рождение вступает в физическое бытие. Последнее время, которое душа проживает перед вступлением в физическое бытие, после того, как она жила в духовных мирах, душа переживает как тоску по физическому миру. Отзвук этой тоски переживается как боль. И, как раз, то, что в духовной науке нечто переживается не только абстрактно теоретически, а всем существом человека, включая чувство и волю, - это является существенным этого пути к высшим мирам.

Для того, чтобы проделать антропософский путь в сверхчувственные миры, теоретизирования недостаточно. Те методы, которые должно прожить это духовное исследование, исключительно на всех ступенях требуют моральной подготовки. И, по сути, нет лучшей подготовки к нравственному укреплению всего человека в теле, душе и духе, чем проделывание тех упражнений, которые надо проделать для достижения действительности сверхъестественных миров. Простому теоретику они недоступны. Они доступны только тому, кто включает всю свою человечность, кто оживляет в своей душе все силы воспринимающие добро, все силы прекрасного в мире, все силы религиозности, благочестивого углубления в тайны мира, кто превращает любовь к человеку и мира в силы внутреннего тепла, - только тот достигает моральной крепости, необходимой для того, чтобы таким образом проникнуть в действительность высших миров. Поэтому некоторыми людьми признаётся, что упражнения, которые я описываю для того, чтобы встать на духовно-научный путь в высшие миры, имеют нравственную сторону, которая безусловно достойна признания. Но это признаётся и теми, кто затем отклоняется от действительного пути познания сверхчувственных миров. Но всё же только этот путь, в отличие от сегодняшней тоски по науке, которую человечество уже когда-то имело, ведёт в эти высшие миры.

И только, продвигаясь вперёд посредством имажинации и инспирации, добиваются до своей собственной самости. Но эта собственная самость также должна быть отдана окружающему миру. Я уже описывал, как уже при имажинации мышление должно, как бы, вытекать в объективное. Мы повсюду берём это мышление с собой. Мы берём с собой полную рассудительность (Besonnenheit) мышления повсюду там, где мы открываем

сверхчувственные миры. Но мы также должны осознавать, что этой действительности сверхчувственных миров должен, как бы, отдаваться весь наш человек. Но после инспирации, посредством усилий, которые мы затрачиваем, посредством переживаний, которые мы имеем, мы также начинаем сильно чувствовать наше Я, центр нашего существа. И тут наступает момент, когда можно познать гармонию, соединение переживания свободы с переживанием природной необходимости. В обычной жизни мы впряжены в эту природную необходимость. Как сильно мы чувствуем, что то, что живёт в наших волевых импульсах, - даже когда уже была проделана некоторая работа на пути от греховного к доброму, - всё же поднимается из подсознательных глубин душевной жизни, из инстинктивного. Как мало мы можем охватить сознанием то, через что мы проходим в периоды от засыпания до пробуждения, так же мало мы можем охватить сознанием и то, что живёт в наших волевых побуждениях, и в чём, в конце концов, содержится многое из того, что также вторгается в нашу сознательную, ответственную, нравственную жизнь.

Однако, тот, кто проходит через инспирацию и имагинацию, благодаря усилиям, которые он приложил, достигает также усиления своего Я. Он интенсивнее переживает своё Я. Он переживает его, правда, отдаваемым, так сказать, изливающимся во внешний мир, но он переживает его так, что оно ему снова даётся. И теперь он больше не в состоянии говорить так, как это старается делать полное предвзятости естественно-научное воззрение: Та природная необходимость, которая заставляет камень падать на землю, которая заставляет его нагреваться под лучами солнца, которая живёт в электричестве и магнетизме, в акустических, в оптических явлениях, - та же необходимость проявляется также и тогда, когда я действую как человек, когда я как человек развиваю свои волевые импульсы. - И в обычной науке, и в обычной жизни, человека в этом вопросе никогда не покидает горькое сомнение.

С одной стороны, есть человеческая свобода, которую мы осознаем. Но, являясь честным современным научным исследователем и веря в сохранение силы и материи, эту свободу надо отрицать, - так пролагают. Полагают, что никакой человеческий волевой импульс, никакое человеческое действие не может исходить из свободы воли, поскольку человек подчинён природной необходимости, как и все другие существа в царствах природы. Но если теперь перед человеком стоит его истинное Я-существо в усиленном виде, он достигает некоего познания, которое ещё выше, чем инспирация и имагинация. Я назвал его истинной интуицией, истинным погружением, но теперь уже в духовную действительность. Тут то, что антропософия называет повторяющимися земными жизнями, пронизывается реальным смыслом. То, что кому-то в его собственных действиях, в его собственной воле кажется необходимым, - это проявляется как результат предшествующей земной жизни. Вечное зерно сущности человека проходит через повторяющиеся земные жизни, и между ними, между смертью и новым рождением, живёт в духовно-душевных мирах. И теперь он узнаёт: то, что тянется от жизни к жизни, является необходимым подчинением себя, - в отношении нашего Я и его волевых импульсов, - не внешней необходимости, а той необходимости, которая проходит через повторяющиеся земные жизни. Однако, в нашем мышлении, которое как обычное сознание поначалу не видит этой необходимости, которое извлекается из этой необходимости, которое развивается в себе как свободное, свободное от чувственного восприятия, мышление, как я представил это в своей «Философии свободы», - в нём мы имеем основу для нашей свободы. Пробиваясь как человек в отдельной жизни к таким нравственным импульсам, которые формируются свободной силой мышления, мы становимся здесь, на Земле, между рождением и смертью, свободными людьми.

Это также даётся нам как видение интуитивного, третьей ступени сверхчувственного познания. В прекрасной гармонии предстает перед нами то, что выступает как свобода отдельной земной жизни, и то, что мы воспринимаем как необходимость судьбы, которая, однако, не является необходимостью внешней природы и также не естественным свойством человеческой жизни, а которая излучается из более ранних земных жизней. Благодаря этому мы не становимся несвободными, как не становимся несвободными, благодаря тому, что

вступаем в новую область своей жизни и зависим от того, как эта новая область связана с прошлой областью, примерно так, как если бы мы переселились из Европы в Америку. Это наша судьба, после того, как нас переправил корабль, мы вступаем в новую область, но остаемся свободными, хотя мы переправлены из Европы в Америку. Мы можем отличать необходимость от свободы, как только мы замечаем эту необходимость в повторяющихся земных жизнях и замечаем свободу в индивидуальной земной жизни. И взгляд в высшие миры даёт нам некую человеческую уверенность, показывая нам, в чём смысл жизни на Земле. Нас захватывает не просто тоска по высшим мирам, которую мы, правда, также должны удовлетворить, если хотим уверенно стоять на земле, поскольку божественно-духовное всегда в нас, и без соединения с этим божественно-духовным мы будем испытывать неуверенность в земной жизни. Но, благодаря истинному познанию действительности высших миров в антропософском смысле, мы не будем также и убегающими от мира, чуждыми Земле людьми. Мы знаем, что мы снова и снова должны спускаться на Землю, чтобы постепенно принять в наше человеческое существо свободу. Нас пронизывает сознание свободы, хотя мы и понимаем, как вычитывать в духовном смысле из высших миров, из действительности этих высших миров, великий вопрос о судьбе.

То, что я хотел сказать, я мог лишь обозначить отдельными штрихами. Но сегодня уже имеется достаточно литературы, доступной каждому. В одной короткой вечерней лекции я мог дать только отдельные методические рекомендации. Но из того, что я сказал, вы в некоторой степени сможете понять, что эта духовная наука, это антропософское исследование сверхчувственных миров, совершенно не хочет быть чем-то чуждым миру, чем-то не практическим. Она не хочет эгоистическим образом уводить человека в пустоту заоблачных высот, нет, она бы посчитала грехом по отношению к духовному делать человека чуждым миру. Дух правильно понимается только тогда, когда мы понимаем его в его силе, когда мы проникаемся им так, что, благодаря этому, становимся практическими людьми. Дух - это нечто творческое. Его задача, его миссия, - проникнуть в материальное бытие, а не бежать от него. Поэтому антропософское познание сверхчувственных миров является в то же время совершенно реальной жизненной практикой. Поэтому антропософия стремится - я представлю это подробно в следующих лекциях, которые мне будет позволено прочесть здесь, в Христиании, - оплодотворить как отдельные науки, так и жизнь искусства, а также практические области жизни, тем, что она может сказать о чувственно-материальном мире, исходя из действительности высших миров.

Если понять, что человек имеет в своей телесной организации, исходя из эфирного тела или тела образующих сил, доступного имажинации, если понять, что живёт во временном человеке в форме легких, печени, желудка, мозга и так далее, исходя из астрального тела, которое спустилось из духовно-душевных миров, тогда будут понятны, также и внешним образом, здоровье и болезнь. Тогда посредством такого познания сверхчувственных миров может быть достигнуто не только известное удовлетворение от познания, а тогда, например, может быть пережито оплодотворение медико-терапевтического познания. В Штуттгарте и в Дорнахе в Швейцарии у нас уже есть медико-терапевтические институты, которые практически используют инициативы для медицины, особенно для терапии, а также для патологии, которые могут исходить из антропософского знания сверхчувственных миров. И также в отношении искусства антропософия стремится сделать плодотворным то, что она постигает в высших мирах.

В здании Дорнаха, в Гётеануме, в Высшей Школе Духовных Наук, исходя из антропософского видения был создан новый архитектурный стиль. Этот новый архитектурный стиль не является чем-то символическим или аллегорическим. Нет ни одного символа, ни одной аллегии, - всё вылилось в действительно художественную форму. Духовная наука - это не теория, она охватывает не только интеллектуальное. Интеллектуальное, использованное художественным образом, действительно дало бы такой аллегорический, соломенный символизм. Духовная наука ведет к реальному видению, к конкретному постижению содержания духовного мира. Это содержание может быть, в свою

очередь, отнесено к материи, какой она является в самой природе. Исследуется в высшей степени то, что Гёте требует от искусства: оно должно быть манифестацией тайных законов природы, которые без него никогда бы не открылись. - И точно так же то, что во всей человеческой организации действует в виде формообразующих сил, что действует в человеке сверхчувственно, мы пытаемся извлечь для искусства движения, которое мы позволим себе представить здесь в следующее воскресенье: для создания эвритмии. Это не искусство танца, не что-то вроде пантомимы, а это нечто такое, что переносится в чувственное человеческой природы из сверхчувственного, что действительно показывает, каким образом человек внутренне связан со всем космосом и его закономерностями, и как он может выразить внутренние тайны души и духа на зримом языке, подобно тому, как он может это делать посредством слышимого языка или пения.

Точно так же духовная наука может действовать в социальной, моральной, этической жизни. Я попытался показать это в своей книге «Основные пункты социального вопроса». То, что живёт среди людей в социальном отношении, невозможно понять внешним марксистским или каким-либо ещё материалистическим образом. Человек, согласно своему внутреннему, является духовно-сверхчувственным существом, и как социальное существо он также полагается на то, чтобы действенным образом воплощать сверхчувственное в этом социальном. Без этого нельзя прийти к какому-либо плодотворному оформлению социального вопроса, который является сегодня таким злободневным.

В конце концов, ведь, всё то, что на пути исследования, - а не только на пути веры, - ищется со стороны антропософской духовной науки как путь к высшим мирам, связано с самым глубоко внутренним, к чему стремится человек, с тем, к чему он стремится как к связи с божественно-духовной основой мира, с тем, к чему он стремится в виде самоотдачи, в виде благочестивой преданности этой основе мира. Словом, оно связано со всем тем, что человек должен развернуть в своем глубочайшем внутреннем существе, как свои религиозные ощущения, как всю свою религиозную жизнь, если он хочет достичь своего полного человеческого достоинства. Поэтому антропософское познание сверхчувственных миров означает в то же время некое оживление, оплодотворение религиозной жизни, в которой мы сегодня очень нуждаемся, что признает всякий беспристрастный человек. Поэтому мне трудно понять, почему, как раз, с теологической стороны против антропософского духовного исследования недавно прозвучали обвинения в том, что оно, якобы, убивает религиозную жизнь. Например, было сказано: «Жизнь антропософии означает смерть религии». - Но жизнь антропософии связана с той жизнью человеческой души, которая, как раз, развивает самые интимные религиозные силы. Этот антропософский поиск сверхчувственных реальностей не может означать смерти религии, - самое большое смерть того, что считается религией и что, собственно, уже мертво. Тогда антропософия могла бы указать на уже умершее, что было бы, своего рода, исследованием трупа. Но согласно своему существу, поскольку она представляет собой наполненный жизнью путь в сверхчувственные реальности, она в то же время должна быть средством, чтобы возвышать, оживлять и пронизывать теплом религиозные ощущения, всё религиозное наполнение человека в его отдаче сверхчувственным мирам.

Таким образом, антропософия хочет оплодотворяюще воздействовать на самые разнообразные, самые мирские и самые священные области жизни. Оно хочет в самом прекрасном и самом благородном смысле - это её цель, её идеал, как бы мало она ни могла его достичь сегодня, - проникать в прогрессивное развитие человечества в самых мирских и самых священных областях жизни. И каждый беспристрастный человек, в пробуждённом сознании переживший то катастрофическое время, через которое мы прошли во втором десятилетии 20-го столетия, признает, что сегодня самые разные области жизни нуждаются в освежении, что многое нуждается в возрождении. Определённо, то, что я позволил себе охарактеризовать несколькими штрихами, связано с вечными проблемами человечества. Его можно культивировать в форуме жизни, когда человек хочет осознать свою внутреннюю безопасность, которая может заключаться только в сознании своего вечного бытия, его можно

культивировать в уединении тихой хижины, когда человек удаляется из форума жизни: поскольку человек всегда должен касаться вечного в своём собственном существе, вечного в себе, если он хочет быть человеком в полном смысле этого слова. Оно, таким образом, с одной стороны, есть то, что является полностью общечеловеческим, что является общим для человека определённых интересов, поскольку оно касается вечных вопросов. Однако, в наше время, когда мы видим, как многое приходит в упадок, нужно также признать, что, в противоположность этим силам упадка, совершенно необходимы импульсы для подъема нашей европейской цивилизации. Антропософия требует сегодня внимания не только в связи с тем, что она обращает внимание на вечное, но и перед лицом великих, трудных задач времени.

Поэтому позвольте мне в конце нашего сегодняшнего рассмотрения произнести слова: Антропософия не хочет вести людей, нуждающихся в сооружении мистических заоблачных паутин, к чуждости миру, антропософская духовная наука хочет привести к действительности сверхчувственных миров таким образом, чтобы человек постигал дух для того, чтобы практически участвовать в материальной жизни. Он должен сделать это, поскольку это нужно ему для уверенности в жизни, нужно из-за его необходимого соприкосновения со сверхчувственными мирами, с природой вечного, а сегодня также для решения тех трудных вопросов времени, с которыми мы сталкиваемся в наше катастрофическое время.

Пути к познанию высших миров

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ
26 ноября 1921 года

Мои первые слова посвящены выражению моей глубочайшей благодарности за сердечный приём со стороны вашего председателя и благодарности всем вам за предоставленную мне возможность говорить перед вами об одной из глав антропософской духовной науки. Я позволю себе сказать, что это приглашение с вашей стороны имеет для меня совершенно особую ценность, поскольку, ведь, должно быть понятным, что то, что имеется в виду под следующими устремлениями для будущего, прежде всего, обращено к студенчеству, потому что духовные сокровища могут наилучшим образом сохраниться в рамках студенчества, и оттуда наилучшим образом проделать свой путь в будущее. Исходя из этого чувства, я выражаю таким образом сердечную благодарность вашему председателю и всем вам за тёплый прием.

Поступили просьбы, чтобы я сегодня говорил на тему: Пути к высшему, то есть, сверхчувственному, знанию. Я предполагаю, что вчера на моей лекции присутствовала только часть из вас, поэтому сегодня мне придется снова включить в свою лекцию некоторые наиболее важные вещи, о которых говорилось вчера.

Прежде всего, антропософская духовная наука стремится к полной гармонии с тем, что в ходе последних столетий появилось в качестве духовных достижений науки. Антропософия никоим образом не направлена против научных устремлений, как думают некоторые; наоборот, те, кто совершенно честно и серьёзно стоит в нашем антропософском движении, являются людьми, которые обладают полным суждением о том, что в новейшее время было достигнуто в области научной добросовестности, внутреннего научного настроения. Однако, с тем, чем является общепризнанная наука, как считается по праву, нельзя проникнуть в сверхчувственные миры. И в отношении этого пункта на общем основании с этой общепризнанной наукой стоит также и антропософия. Ей абсолютно ясно, что те, кто говорит о границах человеческого знания в смысле естествознания, правы. Ей также ясно, что эти

границы нельзя преодолеть обычными человеческими силами познания. Поэтому также антропософия никак не пытается с этими силами сознания и познания искать пути к сверхчувственному познанию, а она со своими методами стремится начинать там, где останавливается обычная наука не только в отношении результатов научного исследования, но и в отношении внешней природы и физической природы человека. Поэтому антропософия должна не только говорить о другом, а она должна говорить по-другому. И всё же она находится в полном согласии с научной добросовестностью и научной дисциплиной. Она исходит из того, что силы познания, с помощью которых предполагается проникнуть в сверхчувственные миры, должны быть вначале пробуждены от дремоты в человеческом существе. Антропософия не утверждает, что для познания сверхчувственных миров нужны особые качества, способности, которыми обладают только отдельные люди, а хочет полностью опираться только на те силы, которые могут быть извлечены из каждой человеческой души, но которые выходят за рамки того, что мы как люди, как бы, сохранили унаследованным в процессе обычного роста, начиная с детства, и которые также выходят за рамки того, что достигается посредством обычного воспитания, посредством обычного обучения.

Если человек хочет стать духовным исследователем в антропософском смысле, он должен, если можно так сказать, в том пункте, где он стоит в обычной жизни и в обычной науке, взять теперь своё дальнейшее развитие в свои руки. Силы, которые тогда должны быть сформированы прежде всего, - это силы мышления. Этим достигается только начало этого развития, поскольку мы увидим, что речь идёт не просто о развитии односторонних сил разума или мышления, а об обучении всего человека. Но начало должно быть положено одним особенным упражнением в мышлении. Мышление, к которому мы привыкли не только во внешней жизни, но и в науке, отдаётся внешнему наблюдению, оно, как бы, протекает по нитям внешнего наблюдения. Мы направляем наши чувства на внешний мир и присоединяем свои мысли к тому, что предоставляют нам эти чувства. Благодаря этому, в наблюдении внешнего мира у нас есть надёжная опора для соединения нашего душевного содержания, наших переживаний. И правомерным научным устремлением было, как раз, всё большее и большее развитие этой опоры, опоры наблюдения. Это наблюдение ещё и испытало особое усиление, благодаря научному использованию эксперимента, при котором действительно можно обозреть все отдельные условия, приводящие к отдельным явлениям, так что все процессы становятся, как бы, прозрачными.

Для выполнения своей задачи антропософская духовная наука должна отказаться от этой отдачи мышления внешней объективности. Для неё речь прежде всего идёт о том, чтобы внутренне усилить мышление, сделать его более интенсивным. Вчера я позволил себе сказать: Как становится сильнее мышца, когда выполняет определенную работу, так же обстоит дело и с нашими душевными силами. Если мы, систематически упражняясь, снова и снова выносим в центр нашего сознания определенные, обозримые представления и всем своим существом отдаёмся таким представлениям, то этим мы укрепляем, как раз, силы своего мышления. Однако, этого интенсивирования сил мышления надо, конечно, достигать так, чтобы во всём, что при этом предпринимается, присутствовала полностью контролируемая воля человека. Поэтому тот, кто хочет стать духовным исследователем в антропософском смысле, может, взять за образец для подражания то в современной науке, что мы называем математикой. Как бы странно и парадоксально это ни звучало, антропософский духовный исследователь, если он хочет выйти за пределы дилетантства, прежде всего соблюдает то, что как девиз было написано уже перед входом в старую платоновскую школу: что действительно духовно-научного познания не может достичь тот, кто не обладает определенной математической культурой.

Что же, собственно, такого особенного в том, что душа имеет от математики? Она имеет то, что всё, что выступает перед душой в математическом познании, внутренне прозрачно, обозримо, что в этом познании нет ничего, чему человек отдаётся бессознательно и без применения своей воли.

Конечно, духовная наука в антропософском смысле - не математика. Но значащим примером может быть, как раз, то, каким образом человек оказывается в математическом мышлении. Собственно, примером является не математика, а, если мне будет позволено так выразиться, математизирование. И если, прежде всего, посредством такой математизирующей культуры, научиться выходить за пределы всего иллюзорного, всего суггестивного, то тогда можно успешно принимать уже необозримые представления, но такие представления, которые являются для человека новыми. Они даются опытным духовным исследователем или, иначе, берутся из числа представлений, которых ещё не было в памяти человека. Они помещаются в центр сознания, и им посвящают всю свою душевную жизнь, отвлекая внимание от всего остального и стараясь сосредоточиться на таком представлении, или комплексе представлений, определенное, не слишком долгое время. Почему эти представления, или комплекс представлений, должны представлять собой нечто новое? Ну, если мы извлекаем из своей памяти какие-то реминисценции, мы никогда не можем быть уверенными в том, что тогда происходит в нашем организме, что тогда приводит наш организм во внедушевном бессознательном к определенным переживаниям. Мы можем действительно свободно двигаться с нашим познанием только тогда, когда мы стоим перед воспринятым нашими чувствами, поскольку это воспринятое нашими чувствами встречается с нами каждую минуту, поскольку мы при этом твёрдо знаем, что оно не может быть каким-то фантастическим образом извлечено из жизненных реминисценций. Точно так же и тому, чему мы позволяем присутствовать в нашем сознании, исключая чувственные восприятия, мы должны отдаваться полностью, отдаваться так, чтобы мы были такими же внутренне живыми без чувственных восприятий, как и с ними. Это является самым важным на пути к высшим познаниям, а именно то, что приводится во внутреннее движение свободное от чувственного мышление, которое захватывает нашу душу так же сильно, как внешнее чувственное восприятие. Хотелось бы сказать: То, что иначе человек переживает при внешнем чувственном восприятии, он должен научиться переживать в том мышлении, которое усилено и всё же полностью пронизано контролируемой, сознательной волей.

Уже этим воздвигается мощный барьер перед всем тем, что желает проникнуть в сознание в виде суггестии, видений, галлюцинаций. Духовно-научное познание, которое имеется здесь в виду, всегда понимается неверно, когда говорят: Ну, конечно, такой духовный исследователь, благодаря своим упражнениям, тоже может прийти только к галлюцинациям и тому подобному, ко всяческим болезненным душевным состояниям. - Но тот, кто действительно серьёзно воспринимает то, как описывается путь к высшим познаниям в антропософии, тот увидит, что именно это духовное исследование самым ясным образом демонстрирует человеку то, чем являются иллюзии, галлюцинации и вообще всё медиумическое. Всё, что уходит в сторону, в патологическую сторону, строго отвергается, и в своей никчемности проглядывается тем, что может быть достигнуто настоящим духовным исследованием. Тогда приходят к осваиванию совершенно другого мышления. Старое мышление, необходимое для обычной жизни и для обычной науки, остается полностью нетронутым. Но к этому мышлению добавляется совершенно новое мышление, если постоянно, систематически, соответствующим образом - описание этого вы найдёте в моей книге «Как достичь познания высших миров?» или в моём «Тайноведении» - выполнять такие упражнения, которые я сейчас в принципе охарактеризовал как мыслительные упражнения, - если эти упражнения осуществлять в своём сознании в виде внутреннего интимного душевного развития. То, что добавляется к этому обычному мышлению, я хотел бы охарактеризовать следующим образом.

Возможно, мне позволено будет сделать здесь одно личное замечание, которое, однако, приводится не личное в смысле, а которое, как вы, несомненно, признаете, носит объективный характер. В начале девяностых годов прошлого столетия я написал свою «Философию свободы», чтобы показать, что свобода действительно обоснована, действительно живёт в моральной, этической жизни человечества. Эта «Философия свободы» вызвала множество недоразумений, поскольку большинство людей просто не

смогло включиться в тот способ мышления, который в ней использовался. А именно, в этой «Философии свободы» уже практикуется то мышление, к которому, собственно, необходимо систематически пробиваться для познания высших миров. Было положено лишь начало, то начало, которое каждый может проделать уже в обычной жизни. Но в то же время это и начало для познания высших миров. Обычное мышление - вам нужно только поразмыслить над природой этого обычного мышления, и вы увидите, насколько оправдано то, что я говорю, - это обычное мышление является, собственно, мышлением, состоящим из пространственных восприятий. Ведь, по сути, всё в нашем обычном мышлении мы организуем пространственно. Подумайте только, что, ведь, и временное мы также сводим к пространственному. Мы выражаем время через движения часовой стрелки. В наших физических формулах мы также имеем, по сути, тот же процесс. Короче, в конце концов мы приходим к тому, что обычное мышление является комбинированным, - таким, которое обобщает разрозненные строения. Это мышление необходимо нам для обычной здоровой жизни, необходимо также для обычной здоровой науки. Однако, то мышление, которое должно быть добавленным для познания высших миров, и которое достигается такими упражнениями, - это мышление, которое я хотел бы назвать морфологическим мышлением, мышлением в образах, формах (in Gestalten). Это мышление не остаётся в пространстве, это мышление таково, что оно живёт в медиуме (среде) времени так же, как другое мышление живёт в медиуме пространства. Это мышление не связывает одно понятие с другим, это мышление ставит перед душой нечто вроде понятийного организма. Когда есть какая-то идея, какая-то мысль, какое-то понятие, тогда нельзя произвольно перейти к другому. Как в случае с организмом человека нельзя произвольно перейти от головы к любой из других форм, а необходимо перейти вначале к горлу, потом к плечам, грудной клетке и так далее, как в организме всё структурировано, как организм может быть рассмотрен только как целое, так же должно быть внутренне подвижным и то мышление, которое я называю морфологическим. Оно существует, как уже было сказано, в медиуме времени, а не пространства, но оно внутренне подвижно так, что один образ вызывает другой, так, что это мышление постоянно органически само организуется, постоянно растёт. Это морфологическое мышление и есть то, что должно быть добавлено к другому мышлению, и что должно быть обретено посредством таких медитационных упражнений, на которые я указывал, и которые усиливают мышление, делают его более интенсивным. Этим морфологическим мышлением, этим мышлением, которое протекает в формах, в образах, достигается первая ступень познания сверхчувственных миров, а именно та, которую я в своих работах назвал имагинативным познанием.

Это имагинативное познание ещё не даёт чего-либо внешнего. Оно ведёт, прежде всего, к человеческому самопознанию, но - к намного более глубокому самопознанию, нежели то, что можно достичь в обычном самоанализе. Это имагинативное познание вводит в наше сознание образы, формы (Gestalten). Эти образы переживаются так живо, как иначе переживаются чувственные восприятия. Но они имеют одно совершенно особенное качество. Наши обычные мысли не были бы в нашем сознании здоровыми, если бы мы их не вспоминали. С нашей способностью вспоминать, с нашей памятью связано чрезвычайно многое для здорового проявления нашей душевной жизни, для нашего духовного здоровья. Лишь тот, кто имеет непрерывное воспоминание обо всех состояниях бодрствования до определенного момента в детстве, является духовно здоровым. Вам, ведь, должно быть известно, в какое ужасное положение попадает человек, который является психопатом в том смысле, что у него стёрты некоторые воспоминания. Это состояние стирания воспоминаний известно в психиатрии, и именно из него можно сделать вывод о том, насколько существенной для психического здоровья человека является эта непрерывность воспоминаний. Это относится к нашему обычному формированию мыслей.

Но это не относится к тому, что я сейчас охарактеризовал как имагинативное, как морфологическое мышление. Так же, как, когда обращаем глаз или другой орган чувств на внешний чувственный раздражитель, мы имеем переживание восприятий лишь до тех пор,

пока этот орган чувства подвергается этому раздражению, так и то, что мы пережили как образное мышление, как имагинативное мышление, мы имеем только в момент этого переживания, и то, что выступает в имагинативном мышлении не может быть в обычном смысле запечатлено в воспоминании, в памяти. Оно всегда должно вызываться заново, если это нужно пережить.

Таким образом, тот, кто приходит к такому органически-морфологическому мышлению, которое, как бы, само продолжает своё образование в живом росте, не может сохранять результаты этого мышления в обычном воспоминании. Свободу также можно характеризовать, только поднявшись к такому саморазвивающемуся, растущему мышлению. Поэтому и моя «Философия свободы» натолкнулась на те недоразумения, которые произошли. Но она должна была быть написанной таким образом, поскольку свобода является духовным переживанием, и к ней нельзя подойти с обычным комбинирующим мышлением. Это является неожиданным для начинающих в области духовно-научного метода: они обычно полагают, что если у них есть имагинативное переживание, то они могут запечатлеть его в своей душе точно так же, как какую-либо другую мысль. Однако, это не так. Оно теряется из сознания. Можно сохранить лишь то, каким образом человек пришёл к этому имагинативному переживанию. Можно снова восстановить условия прихода к этому переживанию, тогда можно прийти и к самому переживанию. Как нужно снова вернуться к цветку, чтобы снова его увидеть, так же нужно вызвать те же самые внутренние процессы, чтобы снова получить то имагинативное переживание, которое было получено когда-то.

Духовно-научное содержание просто так не вспомнить. Для честного духовного исследователя это действительно уже в отношении самых первых элементарных вещей. И тут позвольте мне снова привести нечто личное, что, однако, является также вполне объективным. Видите ли, то, что должен сказать антропософский духовный исследователь, он не может представлять, например, день за днём в своих лекциях так же, как, скажем, можно представлять какое-либо обычное научное содержание. В последнем случае заметно, что оно сохранено в памяти, что оно представляется из памяти. То же, что должен представить духовный исследователь, должно исходить из его живого внутреннего переживания. Он не может подготавливаться таким же образом, как обычно подготавливаются с помощью своей памяти. Он может лишь обеспечить условия, которые дают ему возможность самому пережить самые начальные вещи духовной науки. Нужно ясно понимать, что антропософская духовная наука с самого начала ведёт к развитию иначе дремлющих в душе сил, и не нужно полагать, что обычные философские спекуляции могут привести к каким-либо результатам, относящимся к высшим мирам.

Однако, это имагинативное познание, которое я вам таким образом описал, ведёт, как я сказал, только к, своего рода, самопознанию. А именно, в конце концов оно ведёт к тому, что человек как в огромном табло, но во временном отношении одновременно, охватывает взглядом всё то, что, по существу, выстроено по законам жизни с самого рождения здесь, на Земле. Внутренне эти творческие образующие силы человек видит, прежде всего на себе самом. Так, как это, например, описывается - это, ведь, признают даже те, кто мыслит научно, - людьми, которым грозила смерть, например утопающими, когда они видели протекающую перед ними подвижную картину своей прошлой жизни, так - правда, не как картину воспоминания, не с подробностями жизни, а с главными вещами, с теми силами, которые вели их вперёд, - видят это табло, которое, я бы сказал, является, как раз, более глубоким табло воспоминаний. Но в то же время, это табло таково, что человек имеет перед собой не просто обычную, мыслительную душевную жизнь, а такую душевную жизнь, которая, исходя из души, работает над организмом.

Благодаря такому взгляду теперь можно прийти к точке зрения, с которой, безусловно, кажется ребячеством, когда ещё в первые десятилетия девятнадцатого века витализм спекулятивно говорил о некой «жизненной силе». О такой жизненной силе в антропософии речь не идёт. Однако, говорят о видении жизни, о видении того, что я называю эфирным телом или телом образующих сил, которое, с одной стороны, представляет душевное, а, с

другой стороны, я бы сказал, уплотнённое, интенсифицированное душевное, которое работает над организмом. То есть, в то же время человек вводится в более глубокое познание душевного и в более глубокое познание того, как душевное работает над организмом. Я хочу привести вам один пример для этого, один элементарный, но характерный пример.

Вы, ведь, знаете, что сегодня признанная психология, собственно, не идёт дальше определённых спекуляций о связях души и тела. Душа представляется так, будто она движет телом, или, с точки зрения людей, настроенных материалистично, душа видится как нечто такое, что является, как бы, продуктом тела. Чаще всего сегодня говорят о психологическом параллелизме: что душевные проявления и телесные проявления протекают параллельно, и так далее. Всё это спекуляции, которые, собственно, основываются только на том, что в человеческую душевно-телесную жизнь не хотят вводить тот же научный дух, что господствует во всём остальном.

Все вы знаете физическое воззрение, говорящее о скрытом тепле, о скрытом тепле, которое содержится в каком-то предмете, но которое не проявляется как тепло. Если создать определенные условия, это тепло, как говорят, высвобождается. Тогда она проявляется. До этого тепло было внутри предмета, оно нечто вызывает в этом предмете, что, однако, не выражается внешне посредством тепловых процессов. Говорят о скрытом тепле, о высвобожденном тепле.

Такое воззрение, конечно модифицированное, обогащённое, вполне может быть расширено также и на конкретное, не спекулятивное душевное видение. Посмотрим на ребёнка до возраста смены зубов, где-то в районе семи лет. С этой сменой зубов, однако, связано гораздо большее, нежели полагают обычно. Тот, кто непредвзято наблюдает душевно-телесное, знает, что весь вид мышления, представления, а также вся жизнь чувств и восприятия, то есть, всё душевное у ребёнка после смены зубов становится совершенно иным, нежели до этого. Смена зубов является, как бы, конечной точкой для определённого способа детской жизни. После смены зубов человеку больше не нужно использовать для организма те силы, которые он использовал до этого. Поскольку эти силы, которые - если выражаться тривиально, - выталкивают вторые зубы, не просто локализованы, скажем в человеческой голове, это силы, действующие во всём организме, которые только показывают себя в отдельном месте при появлении вторых зубов. Тот, кто проследит весь этот процесс научным образом так, как привыкли научно мыслить сегодня, придёт к признанию того, что те силы, которые выталкивают зубы, до этого были, как раз, скрытыми, связанными в организме, организующими этот организм, и которые с появлением вторых зубов становятся свободными и проявляются у ребёнка как душевно-духовные силы.

Здесь мы имеем конкретное, полученное не посредством спекуляции, взаимоотношение душевно-духовного и телесного. Тот, кто хочет рассматривать душу и тело только в определённый момент, кто любит долго спекулировать и экспериментировать, тот придёт всё же лишь к абстрактным взглядам на отношение души и тела. Тот же, кто перейдёт к рассмотрению во времени, тот сможет наблюдать, как у ребёнка после смены зубов нечто происходит с его душевными силами, с контурированием понятия памяти, с контурированием восприятия, и он будет знать, что то, что тут появляется в виде ставшей свободной душевной жизни, до этого было заключено в организме. Он знакомится с взаимоотношением души и тела не просто размышляя, а наблюдая.

Это один пример того, как мы можем исследовать взаимодействие души и тела посредством имажинативного познания. Мы всматриваемся в то, как душевно-духовное работает в телесно-физическом. Это представляется в табло, о котором я говорил. Тот, кто пришёл к тому, чтобы сформировать это образное, имажинативное мышление, тот посредством таким образом обрётённой силы должен идти дальше. Я говорил: как мышцы усиливаются при работе, так и наша сила мышления усиливается при выполнении тех упражнений, которые я охарактеризовал, и дальнейшую характеристику которых вы сможете найти в вышеуказанных книгах. Когда теперь таким образом сформировалось усиленное, дошедшее до образности, до формирующей силы мышление, которое живёт во времени,

тогда можно приступить к усилению других сил душевной жизни. Обычные представления жизни приходят и уходят, или мы попытаемся их также изгнать либо душевным образом, либо тем, что об этом заботится наш организм посредством забывания, и так далее. Те представления, которые мы, - как я это показал, - актуализируем, позволяем присутствовать в своём сознании для высшего познания, забыть труднее, чем другие. Тут мы должны приложить много усилий. Это второй род упражнений, который состоит, я бы сказал, в искусственном забывании, в искусственном подавлении представлений. Но если мы в соответствии с нашими способностями достаточно долго упражняемся в этом искусственном подавлении представлений, мы приходим к тому, чтобы всё табло, о котором я говорил, мы также можем подавить, делая наше сознание полностью пустым. Единственно, что должно оставаться, это, как раз, пронизанное волей и контролем мышление. Это мышление, однако, выступает теперь в новой форме.

Я говорил вам уже о двух формах мышления, об обычном, привязанном к пространству мышлению, и о мышлении, которое обладает собственным ростом, где одно понятие, одна мысль, всегда вырастает из другой, как в организме один член примыкает к другому. Практикуя какое-то время это морфологическое мышление, приходят к возможности выстроить ещё и третью форму мышления, а в ней мы нуждаемся, когда поднимаемся на более высокую ступень сверхчувственного познания, которую я сейчас опишу, то есть, когда мы поднимаемся к высшим мирам больше, чем к тому, что является просто охватыванием взглядом собственной организации.

Посредством имажинативного познания приходят к тому, чтобы охватить взглядом собственную организацию так, чтобы сказать себе: Душевно-духовное как сверхчувственное работает в земной жизни над физически-телесным. Это морфологическое мышление необходимо, иначе то, что протекает во времени, что работает над чувственным из сверхчувственного, будет непонятным, поскольку оно присутствует в постоянной метаморфозе. Необходимо сделать своё мышление подвижным и внутренне связанным. То, что живёт, исходя из этого духа, нельзя понять простым комбинационным мышлением, его надо охватывать внутренне живым мышлением. Но надо прийти ещё и к другому мышлению, если хочешь дорасти до следующей ступени сверхчувственного познания. И это другое мышление я хочу объяснить вам на одном примере. Уже этот пример понять достаточно трудно, но мы всё же сможем понять друг друга.

Напомню, что Гёте пытался рассматривать отдельные кости черепа как сформированные, метаморфозированные кости, подобные позвонкам. Гёте видел некую метаморфозу, некое преобразование спинных позвонков в отдельные кости головы. Правда, до определенной степени модифицированными их видит и современная наука; не совсем так, как это представлял себе Гёте, но это представление актуально и сегодня. Но этим просто морфологическим выведением костей головы ещё ничего не достигнуто, нужно идти ещё дальше, если мы хотим понять отношение человеческой головы - то есть, мы остановимся на скелете - к остальному человеческому организму. Тут мы должны думать не просто о преобразовании, надо думать ещё о чем-то совершенно другом, если встаёт вопрос: Как, например, костная система, скажем, в форме рук или ног, соотносится с костной системой в форме костей черепа, костей головы? Тут дело обстоит так, что метаморфозу, благодаря которой одно выводится из другого, можно понять только исходя из того, что происходит не только преобразование, пространственное преобразование во времени, но и нечто другое, а именно, своего рода выворачивание наизнанку (*Umstülpung*). То есть, если вы хотите понять взаимное отношение, скажем, костей ноги к костям головы, вы должны сравнить наружную поверхность костей головы с внутренней поверхностью полых костей, скажем, бедра. Так что дело обстоит так, что внутреннее бедренной кости нужно было бы вывернуть наизнанку, и, кроме того, изменить её эластичность. Тогда внутреннее оказалась бы вывернутой наружу, и наружная поверхность черепных костей соответствовала бы внутренней поверхности полых костей конечностей. И наоборот: наружная поверхность голени соответствует не наружной поверхности верхушки черепа, а её внутренней поверхности. Таким образом, вы должны

представить, что при этом происходит нечто вроде выворачивания перчатки наизнанку. Внутреннее выворачивается наружу, но одновременно изменяется эластичность. Возникает новая форма. Это так, будто перчатка не только выворачивается наизнанку, но и, после того, как она вывернута, благодаря другим силам эластичности, она принимает совершенно другую форму.

Вы видите, уже в качестве первого указания на этот третий тип мышления я должен привести вам нечто необычайно сложное: мышление, которое живет не только в меняющихся формах, но которое способно выворачивать внутреннее наружу и при этом изменять форму. Это возможно никак иначе, нежели посредством того, что мы со своим мышлением больше не остаёмся во времени, а при этом выворачиванием наизнанку то, о чём мы думаем, в мышлении выходит из пространства и времени, входит в реальность, которая лежит за пределами пространства и времени.

Я очень хорошо знаю, что нельзя сразу найти себя в этом третьем виде мышления, которое совершенно отлично от комбинационного и формообразующего мышления, которое, я бы сказал, погружается во внепространственность и вневременность; а то, что появляется снова, появляется в изменённой форме, выворачивает внутреннее наружу, а внешнее во внутрь. Но антропософия не хочет нести ту дилетантскую чепуху о высших мирах, которой многие предаются, а антропософия, поскольку она, так же честно, как и всякая честная наука, должна указать, что необходимо не только выйти из области обычной науки, но и что должен стать совершенно другим способ мышления. Необходимо совсем по-другому внутренне связывать части человека, если мы хотим таким образом приблизиться к качественному мышлению, просто потому, что при этом выворачивании наизнанку, при этом обращении внутреннего во внешнее возникает изменение всего качества мышления.

Только тогда, когда таким образом удалось погрузить свое мышление в качественное, можно следовать той ступени познания в сверхчувственные миры, которая должна следовать за образным мышлением. Если теперь табло, о котором я говорил, подавлено, так что образуется пустое сознание, тогда, соответственно, на короткое время сознание будет пустым. Можно, просто подавляя какое-то представление, на время сделать сознание пустым. Но если подавить эту реальность, реальность, которая, собственно, постоянно служила вам в плане роста и питания во время вашего земного существования, тогда вы погружаетесь в совершенно новый мир. Тогда вы оказываетесь в высших мирах, и тогда обычный чувственный мир оказывается позади вас, словно воспоминание. И его надо в таком качестве сохранять, иначе вы станете не душевно здоровым человеком, а психопатом, который видит галлюцинации или иллюзии.

Если духовное исследование осуществляется правильно, то вплоть до самых высоких миров остаётся контроль (Besonnenheit), остаётся пронизанное волей сознание, и ни о каких галлюцинациях или внушениях не может быть и речи. Если появляются внушения или галлюцинации, то это значит, что обычное сознание полностью вытеснено болезненным сознанием. Но существенным сознанием, к которому стремится Антропософия для познания высших миров, как раз, и является то, что обыденное сознание остаётся совершенно нетронутым, что наряду с тем, что переживается в высших мирах, человек остаётся разумным, уравновешенным. Также и то, что я вам представил как усиление мышления вывернутым наизнанку мышлением, сверх морфологическим мышлением, - также и это, собственно, только для того, чтобы теперь с полным сознанием можно было проникнуть в эти высшие миры. Эти высшие миры, переживаются теперь действительно наполненными духовным содержанием.

Если через имажинативное сознание достичь видения того, что работает над человеком с рождения, - сверхчувственное, которое работает над чувственным, - то теперь обретается знание и того, что происходило до рождения, или, скажем, до зачатия человека в физическом мире, в его в духовно-душевном бытии, где он окружен существами, духовно-душевными существами, точно так же, как мы окружены чувственными существами во время между рождением и смертью. Короче говоря, оглядываясь назад, за рождение, на ту ступень бытия

человека, которую он прожил до того, как он был принят физическим потоком наследственности здесь, на Земле, он переживает зерно своего существа, переживает это зерно в его духовной среде.

Таким образом, то, что ведёт к познанию высших миров, является не спекуляцией, не системой понятий, а видением (*Anschauung*). Точно так же, как, благодаря развитию своего тела с периода эмбрионального бытия, человек приобретает видение внешнего чувственного мира, так же, благодаря тем мероприятиям, которые я в принципе описал и все детали которых вы найдёте в названных выше книгах, знаниям и душевным процессам, он приобретает возможность стать окружённым тем духовным миром, в котором мы были до рождения и в который мы вступим после смерти. Благодаря видению, достигается познание высших миров.

Итак, посредством этого я описал вам, прежде всего, путь познания. Но этот путь познания был бы представлен не полностью, если бы он был представлен только как путь познания, поскольку к тому, что человек при этом проделывает, принадлежит ещё нечто другое, кроме просто жизни в мышлении. Как ни трудно усвоить две высшие формы мышления, но нечто другое представляет дальнейшие трудности.

Если здесь, в физическом мире, мы предпочитаем придерживаться наблюдения и эксперимента, то это происходит по той причине, что мы определенным образом уверены в истинности содержания нашего знания. Можно, в смысле теории познания, спорить о природе чувственных восприятий и их отношении к истинному бытию, и так далее, но сейчас важно не это. Важно то, что чувственное восприятие гарантирует нам истинность того, что мы переживаем в душе, что выступает в душе как отражение этих чувственных восприятий, и мы успокоены, когда опираемся на эту внешнюю действительность. Ведь, в новейшее время даже появилась болезнь спиритизма, которая таким же образом хочет подтвердить бытие духовного, посредством внешнего наблюдения. Конечно, нельзя быть большим материалистом, чем быть спиритистом. Спиритизм есть только возведённый в степень материализм, поскольку он хочет не только утверждать, что есть материя или, возможно, только материя, но он хочет даже утверждать, что дух является как материя, то есть, что он сам есть только материя. То, что выступает как спиритизм, является, собственно, последней фазой, последним следствием материализма. Истинная духовная наука стремится к восхождению к духовным мирам, а не к стягиванию духовных миров вниз, в материальные процессы.

Но то, что человек имеет, я бы сказал, в качестве опоры для своего душевно пережитого посредством внешнего чувственного мира, теперь, когда он вышеописанным образом поднимается к высшим мирам, у него нет. Необходимо иметь другую опору. Необходимо иметь нечто такое, что так же приносит успокоение относительно того, что мы не парим в пустоте, что мы не окунаемся в самообман, необходимо нечто, на что можно опереться так же, как на внешние чувственные восприятия в обычной жизни. И то, что тут необходимо, может, в свою очередь, прийти только посредством развития внутренних сил. Я прошу не понять меня неверно. Я не имею в виду, что тех сил, которые уже имеются в обычной жизни, - надо только использовать слова, взятые из обычной жизни, - что их достаточно. Должны быть развиты силы и в других областях, кроме мышления, чтобы прийти не просто к видению, но и к видению, коренящемуся в бытии. То, что успокаивает в чувственном восприятии, так это, ведь, то, что одно чувство поддерживает другое. Если кто-то имеет слуховое восприятие или зрительное восприятие, он всё же ещё не уверен в том, что это не галлюцинация. Он становится уверенным только тогда, когда его поддерживает, я бы сказал, чувство тяжести, когда ему на помощь приходит другое чувство, когда то, что не может быть в достаточной мере гарантировано зрением или слухом, подтверждается также другим чувством. И что же, собственно, это такое, что позволяет нам говорить о бытии по отношению к чувственному миру?

Вы можете рассматривать разные вещи. Мне пришлось бы говорить часами - здесь я, конечно, не могу этого делать, - в смысле теории познания, если бы то, что хочу кратко

резюмировать, я хотел бы также обосновать. Но это так, и вы поймете это, если последуете за соответствующими мыслями: В чувственном мире мы называем вещь реальной, если она воздействует на нас таким образом, что, отрицая эту вещь, мы должны были бы отрицать самого себя. Если, например, вы не только слышите звон колокола, но и можете коснуться его, а также связать его с другими вещами, то, душевно переживая эту реальность, вам пришлось бы стереть самого себя, чтобы иметь возможность назвать эту вещь нереальной. Мы называем внешний предмет реальным, если, не признавая его реальности, мы должны были бы отрицать собственную реальность. Вы видите, что то, что мы называем реальностью, тесно связано с нашей собственной реальностью. Поэтому мы должны также из своей собственной, но теперь уже духовно-душевной реальности, извлечь силы, которые можно сравнить с внешним предметом, которого я касаюсь, и который проявляет себя посредством тяжести. Мы должны найти в себе опорные силы для реальности высших духовных миров, в которые мы вживаемся таким образом, как я это вам показал. Мы можем сделать это только в том случае, если будем продолжать развивать определенные моральные качества для этического поведения, которые у нас есть в обычной жизни. Как мы укрепляем силы мысли, так же мы должны укреплять и моральные силы. Речь идёт не просто об образовании этих нравственных сил для этической жизни, а речь идёт о том, чтобы эти моральные силы, в свою очередь, укрепить.

Я хотел бы поговорить только о двух видах. Первым является то, что то, что называется моральное мужество, вообще мужество в человеке, необходимо так же интенсифицировать, как и силы мышления. То, что мы имеем в себе как мужество, можно сделать интенсивнее, как раз, тем, что мы будем правильно рассматривать, правильно переживать в имажинативном познании то, что проходит перед нашей душой как обзор прошлого в форме некоего табло. Тогда мы обнаружим, что в нашей собственной жизни, когда мы погружаемся в неё, мы находим более высокое мужество, более сильное внутреннее мужество, чем нам обычно нужно для внешней жизни, которой мы отдаёмся пассивно. Это мужество нужно укреплять.

И необходимо укрепить другую моральную силу. В то время как мужество, предоставляя определённую внутреннюю уверенность, образуя определённую внутреннюю силу, относится, собственно, к жизни чувств, мы должны нечто сформировать и в отношении воли, что возникает посредством того, что мы, например, в определённый момент времени принимаем решение относительно какого-то намерения, а затем позже с железной волей пытаемся привлечь условия для воплощения того, что планировали сделать ранее. Такие упражнения антропософский духовный исследователь также должен делать систематически. Он должен внутренне связать импульсы своей воли сейчас с импульсами, которые были в нём какое-то время назад. В обычной жизни мы отдаёмся настоящему. В жизни, которая должна нас вести к высшим мирам, мы должны представить внутреннюю непрерывность воли. Мы должны быть в состоянии исполнить намерения принимавшиеся даже несколько лет до этого. Благодаря этому, мы формируем мощную волевую опору, мощное волевое течение, которое мы помещаем в себя сами. Это особое самовоспитание. Мы делаем себя зависимыми в наших поступках не только от того, что движет нами извне, от наших побуждений и инстинктов, или даже идеалов, а мы внутренне, душевно-духовным образом, в виде волевого импульса, соединяем более поздний момент нашей душевной жизни с более ранним моментом. Если мы усилим мужество в нашей душе, если мы образуем непрерывность волевого импульса, так чтобы наши волевые импульсы сохранялись во времени, тогда мы подойдём к тому, чтобы точно так же, как мы констатируем действительность внешнего чувственного мира, поднимаясь к высшим мирам таким образом, как я показал, констатировать действительность того, что мы воспринимаем там. Эту действительность нужно будет иметь возможность констатировать, исходя из внутренне усиленных сил. Поэтому путь к духовным мирам - это не одностороннее формирование познавательной силы, а формирование всего человека в направлении мышления, чувства и воли, в направлении стремления к познанию, в направлении эстетического стремления, в

направлении этического стремления. И этот путь к высшим мирам является в то же время религиозным погружением, религиозным углублением человека.

Это важно, чтобы нам было ясно, что в новейшее время, так же, как, благодаря науке, во многих отношениях возникло сомнение в существовании духовных миров, через науку же, эти духовные миры должны быть снова завоёваны. Это близорукость, полагать, что человек, восходя в высшие духовные миры с таким же контролируемым (*besonnenem*) сознанием, с каким он своими чувствами подходит к физическому миру, наносит какой-то ущерб религиозной жизни. Те, кто критикует в этом направлении, обычно делают это, исходя из веры в то, что антропософская духовная наука так же приходит только к интеллектуализму, к рационализму. Это не так. В это развитие мышления, которое достигается указанным образом, вливается весь человек со своим чувством и волей, и то, что духовная наука, которая имеется здесь в виду, обозначает как путь к высшим мирам, - это развёртывание, развитие всего человека. И как мышление появляется из организма в обычной чувственной жизни только как цветок, так и высшее познание появляется как цветок полностью развитого человека, который гармонично и интенсивно развивает все свои силы на пути к высшим мирам.

Просто формирование мышления ведёт, собственно, только к миру образов. Если мы хотим в этом мире образов воспринимать реальность, тогда, как я это описал, надо формировать также то, что является в морали как мужество, в жизни характера - как воля, которая остаётся нашей собственной, которая проявляется, пронизывая время. Обе эти силы, а также другие силы, о которых вы можете прочесть в вышеупомянутых книгах, должны быть усилены. Весь, полный душевно-духовный человек должен быть приведен в те иные миры, в которых человек живёт до того, как он будет сформирован (*konzipiert*) здесь физическими силами, до того, как он перейдёт к физической жизни на Земле, или в которых он живёт, после того, как проходит через врата смерти. Если мы хотим подняться к этой жизни, обладая способностью познавать, если мы хотим достичь видения сверхчувственных миров, то нам надо вести туда всего душевно-духовного человека целиком, а не просто полагать что-то, что теоретически может произойти в этих мирах. Благодаря этому, однако, антропософская духовная наука плодотворна также для всей жизни. Эта антропософская духовная наука не хочет делать человека чуждым миру, уводя в какую-либо туманную мистику, она, как раз, хочет ввести его в практическую, действительно практическую жизнь. И поэтому она оказывает оплодотворяющее воздействие на науку, на искусство, на общественную и религиозную жизнь, словом, - на самые разные области жизни. Об этом я могу сделать лишь несколько замечаний.

Познавая то, что я до этого назвал как обзор табло жизни, тело образующих сил, которое, однако, протекает во времени, человек видит также и то, как из этой системы сил возникает человеческое физическое тело, как оно формируется. Ведь, это только внешняя иллюзия, когда мы говорим о сердце, о лёгких и так далее. В действительности сердце - это процесс, и внешняя пространственная форма является лишь зафиксированным в данный момент процессом. И так обстоит дело с каждым органом. Мы можем познавать лишь то, что в данный момент зафиксировано в форме. Но мы не сможем познать, что является непрерывным жизненным процессом, что выходит из здоровья и болезни, если мы не поднимемся до познания сверхчувственных образующих сил тела. Поэтому медицина, а именно, терапия, может испытать существенное оплодотворение со стороны духовной науки, и мы уже смогли, исходя из антропософского импульса, создать клинко-терапевтические институты в Штуттгарте, и Дорнахе, которые призваны сделать плодотворным для большого человечества то, что может быть получено от духовной науки в антропософской ориентации. Духовная наука может оплодотворить жизнь и во многих других отношениях. В Дорнахе, когда мы хотели создать гуманитарный университет, мы не могли создать просто какую-то произвольную структуру. То, с чем мы столкнулись, когда друзья нашего антропософского мировоззрения захотели возвести здание высшей школы для духовной науки, было чем-то совершенно особенным. Я хотел бы охарактеризовать это с помощью сравнения.

Возьмите орех со скорлупой. Если рассуждать непредвзято, вы скажете себе: скорлупа ореха должна быть по своей форме такой, какая она есть, поскольку орех такой, какой он есть. Скорлупа принадлежит ореху. Когда сегодня хотят что-то основать духовно, так же, как и то, что хочет духовно жить в антропософском движении, и нужно что-то построить, идут к архитектору, который в том или ином стиле выполнит заказ, но при этом, возможно, что это не будет соответствовать тому, что должно находиться внутри, как ореховая скорлупа, которая не подходит к ореху. Антропософское движение тоже не может так поступить по отношению к своему обрамлению, поскольку антропософия не хочет быть чем-то просто теоретическим, чем-то, что живёт просто в словах. В Дорнахе то, что звучит с подиума, что разыгрывается на сцене, что предстаёт перед людьми на сцене посредством слов или движений, имеет точно такой же внутренний сущностный стиль, как и то, что говорит внутри со стен, как то, что выступает перед человеком снаружи как внешняя архитектура. Как те же самые силы роста, которые формируют орех, формируют и его скорлупу, точно так же и то, что в антропософии живёт в слове, также должно быть художественно оформлено в новом архитектурном стиле. Таким образом, было совершенно органично обосновано, что в Дорнахе появился новый архитектурный стиль, который является ни чем иным, как внешне видимым для того, что иначе духовно-душевно живёт также и в слове. То, чем хочет быть антропософия в наше время, можно увидеть, как раз, в том, что она таким образом оказывает оплодотворяющее воздействие также и на художественную жизнь. И в нашей эвритмии, которая находится в самом начале своего пути, мы создали искусство человеческого движения, где в движущихся отдельных людях или группах людей осуществляется не танец, не пантомима, а где то, что там происходит в формах движения, является таким же подчиняющимся законам языком, как и обычный язык, или зримое пение. То, что перед нами выступает как эвритмия, целиком извлечено из духовно-душевно-телесных закономерностей человека.

Таким образом, с антропософией мы могли оказывать оплодотворяющее воздействие в самых различных художественных направлениях.

В моих «Основных пунктах социального вопроса» была сделана попытка занять позицию по основным социальным проблемам современности с антропософской точки зрения. Кто тут обдумает то, что в общественной жизни мы имеем дело со всем человеком, а не только с тем, что может быть достигнуто посредством рациональной науки, вроде марксизма и тому подобного, тот согласится с тем, что то, что проникает в высшие духовные миры, может проникнуть и в законы человеческого социального сосуществования, поскольку эти законы являются душевно-духовными законами высших миров. Они также могут привести нас к таким законам, которые способны привести людей к удовлетворительному социальному сосуществованию. Поскольку именно духовное объединяет людей в обществе, и то, что объединяет их физически, образуется, как раз, из духовного. То, что это забыто, во многом является причиной нашей страшной катастрофы, существования сил упадка. Человечество должно снова проникнуться духом.

Далее, антропософия может оплодотворяющим образом воздействовать на воспитание, педагогику. В основанной Эмилом Мольтом (Emil Molt) вальдорфской школе в Штутгарте к растущему человеку, к ребёнку, применяется то, что выступает как реальное человеческое знание до антропософского исследования. Пути, которые ведут нас в высшие миры, ведут нас также к наблюдению в ребёнке, растущем от рождения до половой зрелости, того, что он принёс с собой из высших духовных миров, ведут к знанию того, что должен предпринять воспитатель, учитель. Сейчас я могу указать лишь направление этого. Всё это в отдельности мы попытались свести в вальдорфской школе к образованию педагогического искусства. Этим были приведены лишь примеры того, как антропософия может стимулировать жизнь в её отдельных областях.

На религиозную жизнь, как уже было сказано, антропософия может оживляющим образом воздействовать потому, что она ведёт к высшим мирам научно, потому что она показывает, как то, что человек несёт в себе в преходящем земном бытии в виде

формирующего себя, но непрозрачного для обычного познания вечного, выступает в своём истинном виде, в своём собственном виде, в сверхчувственных мирах. Там его может воспринять более высокое видение. Здесь оно скрыто, поскольку, входя в рождение, оно засасывается физическим формированием. Когда духовное работает над материальным, для обычного познания оно невидимо. Но из-за этого оно не становится неживым. Оно просто скрыто в материальном. Духовное можно познавать в материальном. Средством для этого должны быть пути, которые Антропософия хочет открыть в сверхчувственные миры.

Поэтому антропософия, как раз, не хочет быть чем-то, что аскетически уводит людей от обыденного мира, но хочет открыть путь к духовному, к сверхчувственным мирам так, чтобы человек этим духовным мог снова формировать материальную, практическую жизнь. Ведь, это важно, познать дух как нечто созидающее. Был бы слабым тот дух, который бы переживался просто не творчески стоящим над материей. Есть много людей, которые говорят: Ах, материальное этого мира - это что-то низкое; надо подняться над ним. Материальное надо оставить, чтобы прийти к высокому духовному. - Конечно, надо многое преодолеть, чтобы прийти к познанию этого духовного. Но если это духовное достигается в любви, - а достичь его можно только в любви и в религиозном благочестии и усердии, поскольку развитие нравственных способностей, о котором я также говорил, ведёт к проникновению в сверхчувственные миры в любви, - то это сверхчувственно-духовное приближено к материальному. Поскольку сильное духовное не то, что бежит от материального, а то, что это материальное формирует, что духовно-практически может действовать в материальном. Это, с одной стороны.

С другой стороны, позвольте мне в конце, как раз, на этом месте сказать, что антропософская духовная наука, как она здесь имеется в виду, формирует пути к сверхчувственным мирам таким образом, что то, что обнаруживается на этих путях, не отдалено от обычных естественно-научных знаний и их действительности, а пронизывает их самой духовно-душевной силой. Как человек является полным человеком, благодаря тому, что он стоит здесь, на Земле, в своём телесно-физическом, но это телесно-физическое несёт в себе духовно-душевное, так и наука является в полном смысле этого слова наукой, если она является не просто знанием, познанием внешней материальной действительности, а если она может пронизать это знание другим знанием, знанием духовных миров. Поэтому антропософская духовная наука хотела бы вписать себя в другую науку так, чтобы, по сути, соответствовать тому, что требует природа и тому, что требует существо как человека, так и космоса. Как человек должен нести в себе дух и душу в своей материальной жизни, так и настоящая духовная наука, открывающая верные, честные пути в сверхчувственно-духовные миры, должна сама стать духом и душой обыкновенной, материальной науки. И как дух и душа в человеке не борются с телом, не восстают против тела, а должны быть в полном согласии с ним, так должно быть в полном согласии с истинным, честным познанием природы и истории то, чем является антропософское духовное познание.

Основы антропософии.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

28 ноября 1921 года

В этих трёх лекциях я намереваюсь дать вам обзор того, что антропософия может сказать о людях и об отношениях человека с миром. Без сомнения, это две самые важные области вопросов для всего человеческого воззрения: мир и человек. По сути, они включают в себя как самые маленькие, так и самые большие научные и жизненные вопросы. Уже по причине природы этой задачи я должен ограничиться тем, что в отношении этих двух областей вопросов лежит в пределах антропософского горизонта, то есть, тем, что относится к крупным жизненным вопросам человеческого бытия, которые выходят за рамки чувственного познания и за рамки поля обычной науки.

Нельзя отрицать, что один из тех вопросов, которые должны затронуть человека наиболее глубоко и наиболее интенсивно, возникает в отношении человека, в отношении человеческого самопознания. Поскольку для того, чтобы иметь уверенность в жизни, чтобы иметь твердую точку зрения на жизнь, человек должен иметь представление о своём собственном существе. И человек, - вероятно можно так сказать, - также всегда стремился к познанию мира, поскольку он знает, что то, что сокрыто в тайнах мировой эволюции, связано с его собственным существом, что о последнем, о собственном существе, он может нечто узнать только тогда, когда он узнает, что может дать ему мир, к которому он принадлежит. Нельзя также отрицать, что в настоящее время существует живой интерес ко всему, что в отношении человеческого познания и познания мира выходит за пределы обычной чувственной науки, и мы видим многочисленные попытки выйти за пределы этой обычной науки, чтобы исследовать то, что лежит за пределами рождения и смерти, что лежит за пределами того, что можно постичь с помощью обычного чувственного наблюдения и опирающегося на это чувственное наблюдение понимания. Ведь, в последнее время мы видим, как люди, занимающиеся научными исследованиями, пытаются самыми разными путями выйти за пределы обозначенных областей, и, в качестве введения, я хотел бы по меньшей мере упомянуть самые яркие взгляды современных исследователей, которые доказывают, что существует живой интерес к таким вопросам, как те, которые будут рассматриваться в моих трёх лекциях, но что также чрезвычайно трудно, даже для личностей, достаточно хорошо сведущих в обычной науке, проникнуть в область духовного, душевного. Я не хотел бы ходить вокруг да около, и сразу начну с конкретных примеров.

Один немецкий исследователь, прилагавший множество усилий для того, чтобы увидеть, как можно исследовать сверхчувственную природу души как таковую, как эта сверхчувственная природа души влияет на чувственную природу тела, исходя из своего медицинского и прочего естественно-научного опыта, привёл некоторые примеры влияния души, то есть, несомненно душевного, на человеческую телесность, и самым поразительным примером, который этот врач и исследователь Шлайх (Schleich), которого я также очень хорошо знаю лично, привёл в одной из своих книг, был следующий. Он описывает, как к нему пришёл очень возбуждённый пациент, который в своём бюро в продолжении дня легко поцарапал кожу чернильным пером. Это была, как мог установить врач, совсем легкая, незначительная рана. Но больной был охвачен бредовой идеей, что от этой царапины чернильным пером он получил заражение крови, и что он во что бы то ни стало умрёт, если ему не отрежут, не ампутируют руку, и просил как можно скорее провести эту ампутацию. Всё, что доктор мог ему сказать, так это то, что надо просто успокоиться, что через несколько дней всё пройдёт, и ему нечего бояться. Разумеется, врач с полной ответственностью не мог сказать ничего кроме этого. Не мог же он отрезать ему руку. Пациент, однако, этим не удовлетворился и обратился к другому врачу, который сказал ему то же самое и который, конечно, тоже не отрезал ему руку. Но Шлайх немного встревожился, поскольку хорошо разбирался в эмоциональных состояниях человека, и на следующее утро спросил о больном, и, смотрите: больной умер! Вскрытие не показало никакого заметного внутреннего заражения крови или чего-то в этом роде. Об этом не могло быть и речи. Но пациент умер. Шлайх добавляет к этому случаю: Смерть от радикального самовнушения. Пациент вообразил себе, что должен умереть; это было чрезвычайно радикальное самовнушение, и под влиянием этого самовнушения человек действительно умер.

Так говорит исследователь, который очень хорошо знаком со всеми научными и со всеми медицинскими методами. Он сообщает об этом случае, чтобы показать, какую власть нечто чисто психическое, то есть пришедшая мысль, может иметь на ход телесных процессов: вплоть до вызывания смерти. Так думает Шлайх.

Шлайх приводит в качестве примеров целый ряд других случаев, менее ярких и радикальных, чтобы доказать, что действительно есть возможность заглядывать в мысли, ощущения, чувства, волевые импульсы существа живой души, которые собственной силой могут влиять на телесное. Таким образом, так сказать, представлялось воздействие сверхчувственного на чувственное.

Другой случай, рассказанный гораздо более значительным естествоиспытателем Оливером Лоджем (Oliver Lodge), следующий: Оливер Лодж потерял своего сына Рэймонда во время мировой войны. Тот погиб на бельгийско-германской границе, и сэр Оливер Лодж - ведь, он давно стремился навести мост от чувственно-естественно-научного к сверхчувственному - этим случаем, потерей любимого сына, был очень сильно затронут ещё и лично. И, благодаря всевозможным событиям, которые с ним произошли и которые не относятся к делу, и потому мне нет нужды здесь о них рассказывать, его привело к тому, что он решил использовать медиумическую силу одной личности для вступления в связь с душой своего сына Рэймонда Лоджа.

Что ж, если такой случай появляется в обычных спиритуалистических кругах, то его не нужно воспринимать особенно серьёзно, поскольку, ведь, известно, насколько не критично это воспринимают, и насколько по-дилетантски по-сравнению с научными методами исследуют такие случаи и судят о них. Но надо уже более серьёзно отнестись к делу, если мы имеем дело с одним из величайших естествоиспытателей современности, который имеет основательные знания в области внешнего естественно-научного исследования и знает естественно-научные методы. И именно по этой причине книга сэра Оливера Лоджа о духовном общении со своим сыном Рэймондом Лоджем произвела такое большое впечатление. При чтении этой книги, сразу возникает ощущение: здесь имеешь дело не с такой личностью, которая подходит к исследованию подобных вещей небрежно, научно безответственно и недобросовестно. Также и в других вещах, о которых я здесь рассказывать не хочу, повсюду видно, что Оливер Лодж применяет к этой области тот же образ мышления, тот же научный метод, который он привык применять в физической лаборатории. Та реальность, о которой он рассказывает, и которая, можно сказать, по праву произвела на всех большое впечатление, кто читал эту работу сэра Оливера Лоджа, такова.

Через вышеупомянутого медиума внимание Оливера Лоджа и некоторых других личностей, присутствовавших при опытах, было обращено на то, что его сын, то есть душа, дух его сына, хочет рассказать ему о сцене, которая произошла незадолго до его смерти на бельгийско-германской границе, и через этого медиума было сказано, что Раймонд Лодж и он фотографировались, и этот акт фотографирования был передан через медиума с особыми подробностями. Было сказано определённо: Были сделаны две фотографии, которые были описаны, и было указано на то, что на второй фотографии вся позиция сына Оливера Лоджа несколько отличается от той, что была на первой фотографии. В то время, когда в Лондоне происходило это медиумическое общение, - а сэр Оливер Лодж представляет это таким образом, что видно, что при этом он предпринимает, я постоянно это подчеркиваю, все научные меры предосторожности, - в то время, когда проводился этот эксперимент, никто в Лондоне ничего не знал ни о фотографиях, ни о самом акте фотографирования. Таким образом, по словам Лоджа, после того, как он всё проверил, сообщение, если оно верно, могло исходить только от самого мертвого сына. И смотрите-ка, через примерно две-три недели эти фотографии, о которых до этого никто не знал, действительно дошли до Лондона. Они были именно такими, как они были описаны медиумом, или, как полагал сэр Оливер Лодж, душой его сына. В этом естествоиспытатель даже мог увидеть, я бы сказал,

experimentum crucis¹. Никто в Лондоне не мог видеть фотографии. И выяснилось, что сообщение оказалось точным до той степени, что на самом деле было сделано две фотографии, и на второй фотографии позиция была изменена. Фотограф сделал снимок в группе, в которой был Рэймонд Лодж, и при втором фотографировании настроил аппарат немного по-другому, и теперь это было действительно точно описано. У любого добросовестного естествоиспытателя нет ни малейших оснований сомневаться в этом факте.

Итак, я представил вам два радикальных случая, которые показывают, как, исходя из стремления, из познавательного стремления вполне серьезных научных личностей, в наше время возникает желание узнать о людях больше, чем могут дать внешние чувственные исследования.

Тому, кто хочет говорить с антропософской точки зрения и кто хочет сообщить об основах антропософского исследования, необходимо обратить внимание на то, что эти методы антропософского исследования всё же отличаются от тех, которыми пользуются даже очень серьёзно воспринимаемые личности. Поскольку эти основы, - я надеюсь, что, благодаря трём лекциям, которые я должен здесь прочесть, это станет ясно со всех сторон, - эти основы антропософского исследования, даже перед лицом таких критических умов, должны быть ещё более критическими, ещё более добросовестными в смысле научного образа мышления и отношения. И тот, кто теперь даже перед лицом таких личностей осмеливается выражать критику, тот, возможно, только и призван судить об антропософии, которую так легко причислить к фантастической, построенной на гораздо большей достоверности, чем того хотят даже самые добросовестные естествоиспытатели современности. И для того, чтобы указать, как раз, на критическое, на в серьёзном смысле научное антропософских оснований, я хочу привести то, что всё же можно критически противопоставить научным объяснениям, в обоих случаях даваемых здесь авторитетными личностями. Я исхожу сегодня из этих вещей, поскольку, как раз, в отношении моей сегодняшней темы многое уже было предвосхищено в моих последних двух лекциях, так что, вероятно, самое главное для большинства уважаемых слушателей, собравшихся здесь, уже сказано, и поэтому я хочу кратко осветить это сказанное с другой точки зрения.

Шлайху, с его смертью от самовнушения, необходимо противопоставить следующее. Я прошу вас поначалу воспринимать это, только как критическое возражение тому, как это могло бы быть! Предположим, что рассматриваемая личность, которая уколола себе руку чернильной ручкой и полагала, что получила от заражения крови, всё же имела какой-то внутренний дефект, который просто от естественных причин на следующую ночь должен был привести к быстрой смерти. Ведь такие неожиданные смерти бывают. Но, с другой стороны, любой, кто серьёзно знакомится с тем, что может быть достигнуто в плане укрепления, усиления познавательных способностей человека, в том смысле, в котором я пытался разъяснить это в последние дни, знает, что некоторые неопределённые душевные силы (*Gemütskräfte*), благодаря ненормальным состояниям, можно даже сказать, благодаря ненормальным патологическим состояниям, могут быть доведены до особой высоты. И, ведь, имеются случаи, которые также, в свою очередь, в критическом смысле отражены в литературе, что может проверить каждый, когда воля человека, - мы скоро увидим, как это возможно, - преобразуется, метаморфозировается в некую силу познания. И, поскольку воля человека ориентирована в будущее, то, благодаря определённым патологическим условиям, он может предвидеть то, что, исходя из всей человеческой совокупности, ему приготовило будущее. Имеет ли он предчувствие, или называйте это как хотите, это всё равно. И поэтому вполне можно отнести к области реального то, что человек, находясь в патологическом

---

¹experimentum crucis - (решающий опыт; буквально «проба крестом» как метафора средневекового ритуала обнаружения нечистой силы; иногда также говорят «критический эксперимент») — эксперимент, исход которого однозначно определяет, является ли конкретная теория или гипотеза верной. Этот эксперимент должен дать предсказанный результат, который не может быть выведен из других, общепринятых гипотез и теорий. Термин «экспериментум круцис» введён Френсисом Бэконом. Карл Поппер считал наличие «экспериментум круцис» критерием достоверности научного знания (Прим. пер.).

состоянии, которое носит лёгкий характер, так что оно, как раз, не проявляется как болезнь, предвидит, скажем, что через две недели - он видит это на картине - он упадёт с лошади. Никакие меры предосторожности не помогают, поскольку, ведь, он не воспринимает всех сопутствующих обстоятельств. Он просто предчувствует, что произойдет в будущем.

Тот, кто действительно знаком с интенсификацией духовных обстоятельств человека, может критически оценить это так, что описанный Шлайхом пациент мог просто иметь предчувствие того, что произойдёт следующей ночью. Такому внутреннему предчувствию не надо доходить до сознания; оно вполне может оставаться в подсознательном. Но его воздействие на сознание может выражаться посредством того, что называется: нервозностью, раздёрганностью, совершением всяческих необдуманных действий. И вполне возможно, что, благодаря касанию руки чернильным пером под влиянием нервозности, исходившей от этого предчувствия, этот пациент просто бессознательно понял, - если мне будет позволено выразиться так парадоксально, - что он умрет. Но он не облёк это в то утверждение, что он близок к смерти, а он стал нервозным, поцарапал руку пером и облёк это в утверждение о том, что он умрёт от заражения крови. Тогда речь шла не о смерти от самовнушения, а о том, что человек имел внутреннее предчувствие своей грядущей смерти, и всё, что он предпринимал, он предпринимал, исходя из этого предчувствия. Если дело обстоит так, то Шлайх просто перепутал причину со следствием, тогда это не самовнушение, как предполагает Шлайх, что сознательная мысль каким-то суггестивным образом вызвала смерть, а смерть наступила бы при любых обстоятельствах, но что привело человека к её требованиям предчувствие смерти. Вы видите, что можно относиться критически и к таким вещам, если знаком с тем, что, как раз, тоже вполне возможно: с проблесками определенных подсознательных состояний, которые всегда присутствуют в душе, в сознании, но в замаскированных состояниях. Многое из того, что выражается в сознании, собственно, в иной форме присутствует в бессознательных глубинах человеческой души, и только иначе интерпретируется сознанием.

Рассмотрим другой случай сэра Оливера Лоджа. Вы, вероятно, все знакомы с тем, что называется «second sight²». При этом, благодаря интенсификации человеческих сил познания, вполне можно увидеть то, чего нельзя увидеть посредством своих обычных здоровых чувств. Тут человек может определенным образом видеть то, что не соответствует другим условиям пространства, в котором он заключен, и своей способностью восприятия человек может определенным образом преодолевать пространство и время. Отсюда исходит критическое возражение даже по отношению к добросовестности сэра Оливера Лоджа. Поскольку, в конце концов, сэру Оливеру Лоджу нужен этот Experimentum Crusis, чтобы доказать, что с ним мог говорить ни кто иной, как душа его сына из потустороннего мира. Но тот, кто знает, как тонко и интимно действует, как раз, это «second sight», как посредством интимности такого рода восприятия при определенных ненормальных обстоятельствах, - которые, ведь, всегда присутствуют в медиумической личности, хотя в большинстве случаев не на благо этой медиумической личности, - преодолеваются пространство и время, тот также знает, что это может достигнуть такого градуса, который можно охарактеризовать следующим образом.

В любом случае, обе фотографии прибыли в Лондон на четырнадцать дней или три недели позднее. Те люди, которые были на сеансе медиумизма, увидели эти фотографии. То, что сам сэр Оливер Лодж и его родственники увидели эти фото, это был факт будущего. И этот факт будущего медиум должен был просто интерпретировать посредством, своего рода, ясновидения. Если это было так, то нельзя больше говорить о сверхъестественном явлении души Рэймонда Лоджа в лаборатории сэра Оливера Лоджа; тогда в этом случае имеют дело с чем-то, что полностью происходит в сфере земного, просто с видением будущего, которое, ведь, тоже выходит за пределы обычной способности восприятия, но которое не дает права предполагать, что на сеансе выразила себя потусторонняя душа.

---

²second sight - «второе зрение» - ясновидение (прим. пер.)

Я упоминаю об этих двух случаях и критических возражениях, чтобы пробудить чувство того, насколько осторожным и критичным является способ мышления антропософского духовного исследования. Потому что это антропософское духовное исследование исходит вовсе не из ненормальных явлений, - как это уже было показано в двух моих последних лекциях, - а из абсолютно нормальной человеческой жизни, из того, что является как силы познания, силы воли, силы чувства в нормальной человеческой жизни. И антропософское исследование хочет продолжать развивать эти силы для познания сверхчувственных миров, чтобы, как бы, иметь внутреннее право, обладать определённой добросовестностью для того, чтобы предпринимать упражнения, которые усиливают мышление. Медитативные упражнения, как я описывал их в последние несколько дней, усиливают мышление того высокого градуса, что человек приходит к мышлению, такому же живому и интенсивному, как и чувственное восприятие. Или же это упражнения воли, которые я уже упоминал, и которые я ещё продолжу характеризовать в этих лекциях. Для выполнения этих упражнений человеку необходимо, прежде всего, уделять интенсивное внимание нормальной жизни, чтобы он хорошо знал условия, в которых человек находится в нормальной жизни.

Недавно в Германии один научно образованный муж сделал краткий обзор основанной мной антропософской науки. Человек, о котором идет речь, ни в коем случае не слепой верующий. Он обобщает в кратком изложении то, что было дано мною в огромном количестве литературы. Он делает это обобщение, не вынося решения ни «за», ни «против», и при этом делает одно замечание, будто исходящее от сильного противника, хотя этот человек является ни противником, ни последователем. Но я должен признать, что мне очень понравилось это резкое замечание, - понравилось, исходя из всей ситуации, в которой находится антропософское духовное исследование по отношению к другим духовным цивилизациям нашего времени. Этот муж отмечает, что многие мои утверждения, якобы являются чрезвычайно странными, если их проследить обычным сознанием. - Должен сознаться, что это замечание мне очень понравилось по следующей простой причине. Когда рассказывают о таких вещах, как то, что случилось с Оливером Лоджем, или о другом случае, о котором я рассказал, люди слушают, потому что это в определенном смысле затрагивает чувство сенсационности, потому что это выходит за рамки того, к чему они привыкли, и тогда это не кажется им странным. Но когда антропософ обращается, как раз, к совершенно нормальному человеческому, к обычной человеческой памяти, к обычному человеческому проявлению воли, и говорит о том, что посредством определённых упражнений, медитации, можно усилить жизнь мышления, что посредством самовоспитания воли можно определённым образом достичь того, что человек становится другим, нежели он был раньше, и становится тогда способным проникнуть в сверхчувственные миры, тогда, - поскольку при этом говорят, так сказать, обычными словами, которые используются в жизни, всегда находящейся вокруг них, и которые они не хотят использовать для чего-то другого, - тогда он может производить очень странное впечатление. Антропософский духовный исследователь обнаруживает, что очень часто такие суждения об антропософской духовной науке представляются ему так, будто кто-то получает письмо, которое надо прочесть, а он не читает его, а анализирует химический состав чернил, которыми это письмо было написано. Должен сказать, что очень многое, что говорится об антропософии, представляется мне так, будто кто-то не читает письмо, а анализирует химический состав чернил.

Существенным в основах антропософии является то, что в ней исходят из вполне нормальных человеческих переживаний, которые человек хорошо знает, которые являются научными знаниями, сегодняшней моральной, этической жизнью, и что именно эти вещи развиваются до состояния более высокой интенсивности, так что проникновение в высшие миры происходит посредством усиления тех познавательных сил, которые, собственно, в их более низком градусе присутствуют и в обычной жизни, в обычной науке. Правда, для этого, как раз, надо иметь чувство для этих обычных переживаний человека. Нужно обращать внимание на то, что, ведь, является, обычным, нормальным переживанием, но выпадает из

того, что хотят внимательно наблюдать обычно. Вещи должны, так сказать, стать загадками, загадочность которых легко не заметить в обычной жизни, хотя они и существуют в обычной жизни. И для многих непреодолимая странность начинается уже с того, что они слышат: Прежде всего загадкой должен стать вопрос, касающийся чередования состояний сна и бодрствования. В нашей жизни мы постоянно чередуем бодрствование и сон, но мало обращаем внимания на это маятниковое колебание жизни, которое разыгрывается между состоянием бодрствования и состоянием сна. Были выстроены самые странные теории. Я мог бы очень долго говорить о каждой из этих теорий. Но я хочу упомянуть только одну, самую распространённую, которая предполагает просто: Во время бодрствования человек устаёт, и когда он устаёт в достаточной степени, он засыпает, и сон компенсирует эту усталость. Можно представить это так или иначе, более или менее материалистично, но он устраняет причину усталости. Я хотел бы знать, наблюдал ли тот, кто радикально отстаивает эту теорию, как какой-нибудь человек, у которого не было абсолютно никаких причин особенно утомляться в течение дня, идёт - я даже не хочу сказать, поздно вечером, а, скажем, после обеда, - на серьёзный концерт или даже на лекцию, и засыпает не в первые пять минут, а уже через две минуты; можно ли в таком случае с уверенностью сказать, что причиной засыпания является усталость.

Это определено вещи, которые вначале действительно имеют какой-то странный оттенок, но которые во всей своей серьёзной таинственности должны предстать перед человеческой душой, как раз, если о них судят, рассматривая со всех сторон. И кто думает, что можно изучать это чередование бодрствования и сна с помощью общепризнанных сегодня научных методов, тот никогда не сможет прийти к какому-либо удовлетворительному решению в этой области. Поскольку уже такие совершенно нормальные жизненные вопросы предполагают, что человек подходит к таким явлениям, пользуясь не обычными силами познания, а с помощью медитации, концентрации и других душевных упражнений, - как я описал их в своей книге «Как достичь познания высших миров?» и в моём «Тайноведении», - с усиленным, интенсифицированным мышлением, а также с преобразованной волей.

Что приобретается, если сначала попытаться усилить свое мышление с помощью серьезно воспринимаемой медитации? В эти дни я обсуждал, как эта медитация, если она должна действовать здоровым образом, имеет тенденцию усиливать мышление так, что это мышление становится преобразованным воспоминанием. Ведь, при обычном воспоминании мы имеем внутренние образы, отображающие то, через что мы прошли в обычной земной жизни с рождения. В воспоминании перед нашей душой предстаёт образ какого-то реального события, и то, что мы не подбрасываем в воспоминания вещи каким-то фантастическим образом, и образ этого воспоминания указывает на то, что действительно когда-то было, мы обязаны только здоровой душевной жизни и связи с внешним миром, в котором мы находимся. Таким образом, надо прийти к такому состоянию, чтобы в имажинативном познании, как я назвал его в эти дни, быть способным - так же, как иначе образы воспоминания, - помещать перед душой образы, которые возникают просто потому, что человек всё больше и больше вносит в своё сознание медитативные представления, и этим укрепляет, усиливает душевные способности мышления, так же, как иначе в процессе работы он укрепляет мускулы. Нужно усилить мышление до такой степени, чтобы оно жило в своём содержании так, как иначе живут только в процессе чувственного опыта, в чувствах. Затем, однако, если достаточно долго проделывать такие упражнения, если действительно прийти к такой внутренней жизненности мышления, тогда возникает то, что можно назвать образным, формообразующим, морфологическим мышлением. Тогда в мышлении образуется нечто живое, - такое живое содержание, какое иначе есть только в чувственном восприятии. Тогда, однако, знакомятся ещё и с чем-то другим. То, что принесла нам современная наука, собственно, у многих вызывает сожаление: это материализм. Но, как раз, антропософия, которая хочет проникнуть своими методами в сверхчувственные миры, стимулируемая в правильном смысле современной наукой, должна стать в определённых областях абсолютно материалистической. И это происходит после обучения здоровым образом укреплять свое

мышление, после обучения иметь перед глазами образы, обладающие жизненностью чувственного, благодаря чему человек становится действительно свободными в обращении с воспринимаемым материалом так же, как иначе он свободен только в чувственном восприятии, где он точно знает: когда я вижу красное, когда я слышу ноту си, я имею дело с чем-то внешним, а не с чем-то, что поднимается из моей души. Так же я знаю, когда имею имажинативное мышление, что у меня есть не нечто такое, что вроде фантазии поднимается из моей души, а то, что живёт во мне как чувственное восприятие.

Но затем, когда внутренне переживается это состояние свободы от телесности, - такой же свободы, как и при чувственном восприятии, - тогда становится понятным также и то, чем в обычной жизни является воспоминание, поскольку тогда понятно, что с воспоминаниями, с представлениями памяти, человек всегда погружается в физическое тело, что когда он имеет представления воспоминаний, параллельно протекает физический, или, по меньшей мере, эфирный телесный процесс. Человек постигает материальный смысл той жизни, которая является обычной мыслительной жизнью. То, что живет в воспоминаниях, уже не приписывается независимой душе, как это делает французский философ Бергсон (Bergson), а человек знает, что в обычной жизни воспоминаний душа просто погружается в тело, и в теле она имеет инструмент, вызывающий воспоминания. Поскольку теперь человек знает, что только теперь, в имажинации, он приходит к тому, чтобы думать свободно от тела, думать только душой, и что он никогда не делает этого в обычной жизни. В обычной жизни человек воспринимает своими чувствами, отделяет мысли от чувственного восприятия и сохраняет эти мысли в памяти. Это сохранение в памяти, означает, однако, быть погружённым в тело. И только теперь, посредством имажинативного познания, человек знакомится с процессом воспоминания и процессом чувственного восприятия. Он знакомится с тем, что это значит, свободно, свободно от тела, жить в мыслях. Но он знакомится также также и с тем, что это значит, посредством воспоминаний, погружаться в физический организм. И точно так же, как он может познакомиться с этим с помощью интенсификации мышления, с помощью усиления, укрепления мышления в медитации, так же, с другой стороны, со стороны воли, он приходит к похожему результату посредством, своего рода, самовоспитания.

Ведь, в обычной жизни воля имеет, собственно, определённую цену только тогда, когда она перетекает во внешнее действие, иначе она остаётся просто желанием, даже если мы живём в наших высочайших идеалах, в прекраснейших идеалах, когда мы являемся совершеннейшими идеалистами. Если мы не в состоянии приложить руку к внешней реальности, то, имея даже самые высокие идеалы, мы остаётся при простом желании. То есть, каково, собственно, особенное свойство этого желания? Его особенное свойство состоит в том, что оно избегает реальности. И можно сказать образно: жить просто в желаниях, это все равно, что втягивать свои эмоциональные щупальца. Когда живёшь только в желании, живёшь совершенно внутренне в душевном. Но мы знаем также, что желание окрашено, прежде всего, человеческими темпераментами. Меланхолики желают одним образом, сангвиники — другим. И тот, кто теперь подступил бы к этому с добросовестными естественно-научными методами, тот увидел бы также и физические предпосылки желания. Таким образом, в темпераментах можно видеть эфирные предпосылки желания, а в особом составе крови и прочих телесных признаках можно увидеть и физические предпосылки желания. Правда, нужно уметь упражняться в том критическом настрое, о котором я говорил во вступлении к сегодняшней лекции, и я хотел бы сказать, что, благодаря этому критическому настрою рассеиваются многие прекрасные мечты. Позвольте мне также указать и на то, как рассеиваются эти прекрасные мечты.

Я, определённо, не хочу быть непочтительным и, исходя из этой непочтительности, разрушать перед вами идеальные вещи, поскольку у меня есть чувство прекрасного, восхитительного, того, что содержится, например, в мистицизме святой Терезы или Иоанна Креста (Johannes vom Kreuz)³. Не думайте, что я меньше почитаю красоту, заключенную в

---

³Иоанн Креста (также известен как Хуан де ла Крус и Иоанн Крестный, исп. Juan de la Cruz, при рождении Хуán де Йёпес Альварес, исп. Juan de Yepes Álvarez; 24 июня 1542 года, - испанский католический священник,

этих мистических высказываниях. Но тот, кто теперь набрал опыт той специфики, с какой, например, святая Тереза или Иоанн Креста представляют свои рассказы, свои видения, тот знает, какое участие в этих вещах принимает человеческое желание, какую роль, как раз, в этих мистических вещах играют живущие в глубине души желания, и затем он следует от этих желаний к физическим особенностям. Для исследователя здесь нет ничего, что таким образом могло бы развенчать святость тем, что он укажет на истину. Однако, здесь присутствует некоторое внутреннее возбуждение определенных органов, другое нервное действие в определенных органах, которое воздействует на душу и даже производит нечто прекрасное, подобное тому, что дали нам Иоанн Креста или Святая Тереза, или другие такие мистики. И было бы гораздо более верным искать объяснение этим образам, выступающих здесь так поэтично и красиво, в определенном строении тела, нежели в наличии каких-то туманных тайн. Как я уже сказал, я не хочу разбирать по косточкам то, чем восхищаюсь не меньше, чем кто-либо из здесь присутствующих, но надо указать на истину, на критический дух антропософских оснований, на то, что прежде всего антропософу не позволено предаваться никаким иллюзиям. И свободным от иллюзий он должен быть прежде всего по отношению к человеческим желаниям и их корням в человеческом организме, в физическом организме, и, я бы сказал, в освещении того, что, - если мне будет позволено так выразиться, - варится в человеческом организме и становится прекраснейшими видениями.

Если человек хочет стать духовным исследователем в антропософском смысле, он должен не только, посредством медитации, усилить способности своего мышления, но также, посредством самовоспитания, добиться изменения своей жизни желаний. Это достигается, благодаря тому, что человек систематически берёт под контроль всё то, что иначе происходит в жизни само по себе. Будем честны: нашу обычную жизнь в гораздо большей степени определяют различные внешние вещи, нежели мы сами. В обычной жизни на нас действуют те или иные вещи, и если мы взглянем на нашу земную жизнь десятилетней давности, то мы обнаружим, что внешние обстоятельства, люди, с которыми мы имели дело, то, что приводило к нашему развитию, - всё это десять лет назад было совершенно иным. Тот, кто хочет стать антропософским духовным исследователем в серьёзном смысле, должен также делать упражнения воли. Обычная жизненная воля имеет смысл, когда она переходит во внешние действия. Антропософский духовный исследователь должен направлять волевые импульсы на собственное развитие, на собственную жизнь. Он должен быть способным воплотить в жизнь намерение: в отношении той или иной черты характера, того или иного выражения жизни, ты должен стать другим, нежели ты есть сейчас.

Каким бы парадоксальным это ни покажется, но вам может помочь, если вы по собственной инициативе, по собственному порыву, решите стать другим по отношению к чему-то, к чему вы очень привыкли, даже если это всего лишь мелочь. Например, такая мелочь как почерк. Если кто-то приложит железную волю для изменения своего почерка, то применение этой силы на изменение привычки - а это опять же привычка, - становится подобной усилению мышечной силы, поскольку при этом воля усиливается. И когда воля внутренне усиливается, когда она применяется не внешне, а внутренне, она развивает свои действия в человеке. И то, что иначе я своими волевыми действиями изменяю во внешнем мире, я теперь изменяю в отношении своего собственного человеческого существа. И если проделывать эти волевые упражнения так, как это, в свою очередь, подробно описано в антропософских текстах, то приходят к преобразованию жизни желаний так, что она теперь становится свободной от человеческой организации, - так же, как через медитацию становится свободным от тела мышление. Тогда - для тех моментов, в которых мы пребываем в антропософских исследованиях, - времена, о которых ещё можно сказать: желание - отец мысли, позади. - Если в таком самовоспитании, в таком применении к себе воспитательных импульсов, упражняться в самом зрелом возрасте, тогда желание становится внутренней

мистик и монах-кармелит конверсосного происхождения, католический святой, писатель и поэт. Реформатор ордена кармелитов. Он являлся главной фигурой Контрреформации в Испании и одним из тридцати шести учителей церкви (прим. пер.)

силой, которая соединяется со ставшим свободным мышлением. И, благодаря этому, приходят к действительному видению того, чем являются волевые импульсы обычной жизни, чем являются мысли обычной жизни. Как раньше научились воспринимать красное и синее, до-диез или до, так теперь учатся воспринимать мысли как реальность, учатся познавать волевые импульсы отдельно от себя.

Таким образом, человек начинает приходиться к вынесению правильного суждения о сменяющихся состояниях бодрствования и сна. Только когда с помощью упражнений человек сделал мысли такими, что они стали такими же объективными, как и чувственные восприятия, когда с этими развитыми в свободной медитации мыслями он стал несвязанным со своим телом так, как это происходит с вспоминаемыми мыслями, человек приходит к возможности правильным образом, посредством видения, понять акт засыпания. Тот, кто хочет понять что-то вроде обычного, нормального засыпания обычными познавательными способностями, тот может выдвигать гипотезу за гипотезой: он не поймёт, что такое само засыпание. А это приобретённое усиленное мышление и, с другой стороны, преобразованное желание, - это, как раз, и есть то, что показывает человеку: Когда ты засыпаешь, ты, в определённом смысле, можешь проследить момент своего засыпания, ты, как бы, смотришь на своё засыпание, и узнаёшь, что, засыпая, ты не просто имеешь перед собой изменённое состояние своего тела, а ты со своей самостоятельной душевной жизнью действительно выходишь из своего тела, поскольку ты там нечто оставляешь, и это нечто - это твои мысли.

Только, благодаря тому, что ты усилил свои мысли, их можно сознательно оставить при засыпании. Они остаются при теле, они пронизывают тело как образующие силы. И ты замечаешь, что вышел из тела с чувством и волей. Но при этом, видя, с каким душевным ты покидаешь тело, ты получаешь наглядное подтверждение тому, что существует самостоятельное душевное, что из тела ты выходишь с этим самостоятельным душевным. И теперь ты знаешь: То, что оставлено в постели при засыпании, - это не просто то, что можно исследовать посредством физической анатомии, физиологии и биологии, а это пронизано мыслительной тканью. И эту мыслительную ткань надо сделать достаточно сильной для того, чтобы её можно было бы теперь так оставить, сознательно, - так же, как отводят глаза от цвета, как оставляют что-то видимое. И посредством усиленного мышления знаешь: Ты оставил в постели, чтобы в период между засыпанием и пробуждением оно было предоставлено самому себе, своё физическое тело и некое силовое тело, содержащее в себе действующие силовым образом мысли. - Эти формирующие мысли, эти морфологические мысли, о которых я говорил в предыдущих лекциях, в нашем обычном сознании являются лишь как отражённые образы. Они обладают также и реальностью, и эта реальность помещается в физическом теле как особое эфирное тело. Теперь ты знаешь: со своей волей, со своими чувствами, засыпая, ты теперь выходишь из своего чувственного тела и из своего тела мыслей, - я могу сказать также: из физического тела и эфирного тела, или физического тела и тела формообразующих сил. Просто в обычной жизни мы таковы, что наше сознание, если оно не наполнено мыслями, недостаточно сильно для того, чтобы сознательно контролировать себя. Сознание, которое мы имеем в обычной жизни и в обычной науке, должно объединяться с телом и переживать в себе мысли тела, - тогда оно полностью сознательно. Когда оно выходит из тела как простое чувствование и воля, тогда оно обычно становится бессознательным. Но тот, кто освоил имажинативное мышление, которое упоминалось здесь в эти дни, тот может переживать момент засыпания сознательно, и он также может вызывать такие состояния, которые подобны обычному сну, но, в отличие от него, не бессознательные, а таковы, что человек ощущает в себе нечто усиливающее, что он действительно переживает то, с чем он вышел из тела - душевный организм чувств и воли, - то есть, он действительно переживает то, что может стать свободным от тела.

Тот, кто таким образом познакомился с моментом засыпания, знакомится также с моментом пробуждения. Он учится теперь выносить суждение о том, что момент пробуждения, состоит, собственно, из двух частей: мы просыпаемся так же, как просыпаемся обычно от какого-либо внешнего чувственного раздражения. При каждом пробуждении нашу

душу должно нечто раздражать. Этим нечто может быть только собственное тело, которое достаточно выпало, и которое в своём изменённом состоянии осуществляет это раздражение. Но всегда, точно так же, как присутствует раздражение при чувственном впечатлении, присутствует раздражение и при пробуждении, и это раздражение обращается к нашему чувству, которое до этого выходило при засыпании. Как обычно глаза и уши воспринимают звуки и цвета, так теперь самостоятельная душа воспринимает своим чувством нечто внешнее, и это восприятие посредством чувства является моментом пробуждения, и моментом пробуждения является захват тела. Как, иначе, мы двигаем рукой или ногой, так же самостоятельной волей мы захватываем организм. Это действительно два акта, которые присутствуют при пробуждении.

Теперь, в отношении засыпания и пробуждения, мы познакомились с корреляцией, существующей между самостоятельной душой, которая каждую ночь покидает тело со своими чувствами и волей, и состояниями, в которых эта душа находится от пробуждения до засыпания, в которых она связана с телом. Таким образом, в основе антропософского исследования лежит усиление способности познавательной и волевой деятельности, чтобы можно было видеть те вещи, - действительно воспринимать их, - которые иначе было бы воспринять невозможно. И когда человек стал способен таким образом воспринимать смену состояний между сном и бодрствованием, он может приблизиться и к кое-чему ещё.

Если эти упражнения, которые я описывал в последние дни, и которые подробно описаны в указанных книгах, продолжать делать всё больше и больше, то можно увидеть, что для выхода из своего тела нет необходимости находится в состоянии сна, что действительно можно намерено вытащить чувство и волю из своего тела и взглянуть на него со стороны. Тогда человеческое тело становится чем-то, что является объективно, как, иначе, пульт или стол. Ведь, какую-то вещь действительно познаёшь только тогда, когда с ней больше не связан, не пронизан ею субъективно, - познаёшь посредством того, что имеешь её перед собой как объект. То, что имеешь перед собой, когда со своей волей и чувствами выходишь из тела, - это, прежде всего, физическое тело. Завтра мы увидим, как оно предстает в несколько иной форме, как посредством этого видения вне тела приобретает также новое воззрение на физическое существо человека. Но прежде всего это тело образующих сил, которое состоит из мыслительной ткани, но ткани из усиливающих мыслей. Ты смотришь на него, как в зеркало. Ты сталкиваешься с тем своеобразным фактом, что раньше ты, как субъект, как личность, был связан со своими мыслями; теперь, оглядываясь на собственное тело, ты видишь перед собой мир мыслей, я бы сказал, как на фотопластинке. Это так, будто внутри глаза имеешь маленькое отображение рассматриваемого мира. Как глаз является органом для видения, благодаря тому, что в нём может отображаться мир, так для такого видения зеркальным аппаратом становится оставшиеся эфирное и физическое тела, в которых теперь отражается нечто духовно-душевное, в то время как в глазу отражается лишь нечто внешне физическое. Но в этом зеркале, при оставлении мыслей в физическом теле, видна не только мысленная ткань, но и мир.

Таким образом можно точно и подробно описать, как это происходит, когда человек, посредством медитации и самовоспитания воли, укрепляет свои силы познания с целью познания сверхъестественных миров. Благодаря этому, человек развивает у себя определенные состояния, в которых он не спит, находясь вне тела, и которые представляют собой то, что в своих работах я назвал непрерывностью сознания. В высшем познании человек, со своим самостоятельным душевным существом, действительно выходит из тела. Он узнаёт это состояние выхода, благодаря тому, что имеет зеркало мыслей не в себе, а вне себя. Человек выходит из своего тела, но при этом - я это уже описал - продолжает полностью осознавать самого себя. Он в любой момент может вернуться, он не галлюцинирует, не отдаётся видениям, а с математической надёжностью прослеживает весь процесс, который при этом разыгрывается. И, благодаря тому, что он таким образом может прослеживать этот процесс, он может теперь также выносить суждение об обычной земной жизни. Он знает, что происходит, когда он со своей самостоятельной душой погружается в

тело. Он узнаёт не только процесс засыпания, выход из тела, но он может теперь своей самостоятельной душой совершенно намеренно погружаться в своё тело. Это производит особое впечатление, когда человек, однажды пережив свою самостоятельную душу, затем погружается в тело, и тело снова захватывает его. Тогда то, что вы имеете вокруг себя как духовно-душевный мир, прекращается. Это ощущается как, как усыхание, как поглощение, когда вы снова погружаетесь в тело. Точно так же при выходе из тела вы видите как мысли отдаляются от вас, как они остаются в теле, и как вы с чувствующим и волящим существом души выходите из тела. Но в момент выхода из тела вы чувствуете «выныривание» в духовном мире.

Чему это теперь учит? Теперь, посредством знакомства с процессами пробуждения и засыпания, знакомятся с процессами рождения и смерти. Мы узнали, как человек со своим чувством и волей бессознательно выходит из физического и эфирного организмов и снова погружается в них при пробуждении. Если обычно это происходит бессознательно, то после выполнения вышеуказанных упражнений выход из тела происходит с ясным сознанием. Это то, что переживается в полном сознании как предвосхищение процесса, происходящего при смерти, и того, что переживается при выходе из духовного мира и погружении в физическое тело. Когда мысли снова исчезают, когда они снова являются как простые образы, как нечто нереальное, человек познает момент рождения.

В то время как с обычными научными методами он останавливается на применении обычного разума, на применении мыслей к внешнему наблюдению или эксперименту, которые остаются с ним связанными, посредством антропософского исследования, объективируя мысли, превращая собственное тело в один всеобъемлющий орган чувств, он делает из себя иную личность. Я бы сказал, собственное тело, как глаз, становится одним отдельным органом. Но теперь этот глаз находится вне его, одновременно являясь фотографической пластиной. Мир, в котором человек находится, духовно-душевный мир, теперь в виде мыслей отображается во внешнем мире. И теперь, поняв, так сказать, совершенно нормальные процессы пробуждения и засыпания, рождения и смерти, человек приходит также к обретению внутреннего видения душевного. Теперь, благодаря этому видению, он учится решать, было ли то, что профессор Шлайх называет смертью от самовнушения, просто бессознательной идеей, или было ли «second sight» то, что описывает Оливер Лодж. А именно, он действительно знакомится теперь с тем, как ведёт себя человек, когда, не будучи сознательным духовным исследователем, а, благодаря каким-либо ненормальным обстоятельствам, его самостоятельное душевное вытесняется из физического тела. Причиной этого может быть то, что физическое тело каким-либо образом становится больным. Скажем, становится повреждённым какой-то орган. Вполне достаточно того, что у ещё не способного к самостоятельному видению человека, не через сон, а в результате какого-то патологического состояния, душевный и духовный человек вытесняются из физического тела, и наступает несовершенное видение того, что иначе сознательно, методическим образом достигается духовным исследователем. Поэтому нет необходимости отрицать истинность аномальных наблюдений, которые вызывают такой большой интерес у людей, желающих выйти за рамки обычной тривиальности. Но становишься критичным по отношению к ним, и эта критика основывается просто на том, что антропософская духовная наука является не тем, что ей многие приписывают, что она является не той карикатурой, какую из неё делают, а что она, признавая все добросовестные научные методы, которые человечество обрело в продолжении последних столетий, посредством пробуждения особых духовных сил, хочет проникнуть в сверхчувственные миры. А поскольку человек своим самым внутренним, вечным ядром своего существа принадлежит к этим сверхчувственным мирам, то его смертную и бессмертную части, и всю его природу, можно познать только посредством этого духовного исследования, - как это должно будет показано в завтрашней лекции. Благодаря тому, однако, что человек погружается в это своё вечное, что он создаёт не просто какую-то антропологию, с помощью которой он узнаёт то, как человек познаёт посредством своего тела, а он создаёт антропософию, которая знает, как человек познаёт

своей душой и своим духом как самостоятельным существом, - только благодаря этому, человек начинает знакомиться с истинным миром.

Представление с этой точки зрения истинного существа человека, включая его бессмертное вечное существо, и истинного облика мира, будет задачей обеих следующих лекций.

Человек в свете антропософии

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

29 ноября 1921 года

Едва ли мне было бы позволительно прочесть сегодняшнюю лекцию в том виде, в каком я намеревался это сделать, если бы ей не предшествовала вчерашняя. Не только потому, что эта лекция должна быть продолжением вчерашней, но и по другой причине, поскольку то, что можно сказать, исходя из антропософского знания, о действительной сущности человека, звучит для внешнего опыта так парадоксально, что вначале необходимо познакомиться с основой, на которой строится такое знание. И я думаю, что ясно дал понять, что антропософия, как в отношении критического духа, так и в отношении добросовестного исследования, безусловно может принять всё то, что в новейшее время принято считать научной методикой и научным настроем.

Предметом сегодняшней лекции является собственное ядро человеческого существа, которое, ведь, формируя и управляя, лежит в основе внешнего физического человека. Физический человек, как может показать, как раз, духовная наука, больше, чем это обычно кажется, принадлежит к развитию мира как таковому, и будет предметом рассмотрения следующей лекции, именно, в связи со всем мировым развитием. Также и относительно собственной сущности человека в серьезных кругах, в том числе и в серьезных научных кругах, думают сегодня иначе, чем это было распространено ещё несколько десятилетий назад, как раз, среди наиболее просвещенных людей, когда материализм был на пике своего развития. Но то, что выступит перед вами как антропософия в этой лекции, возможно, сильнее, чем со многих других сторон, будет отвергнуто теми, кто хотел бы подступить к духовно-душевному элементу в человеке, я бы сказал, скорее сохраняя при этом материалистический дух науки.

Мы видим, как люди сегодня начинают проявлять интерес к выяснению истинных причин того, почему человек может впадать в определенные ненормальные душевные состояния, в которых он переживает галлюцинаторное, иллюзорное, в которых он доступен внушению и самовнушению. Этими ненормальными душевными проявлениями сегодня совершенно особенно интересуются по той причине, что они, ведь, - без действительного разворачивания тех дремлющих в душе сил, о развитии которых я говорил, - могут быть подвергнуты исследованию точно так же, как проводится внешний эксперимент. Просто берут таких личностей, имеющих таким образом ненормальную духовную жизнь, и исследуют происходящее с ними так, как привыкли проводить опыты в лаборатории или в кабинете физики, проводят над ними опыты. Эти личности, и некоторые другие, не подверженные соответствующим ненормальным состояниям души, очень часто верят, что, именно, благодаря таким ненормальным состояниям души, благодаря провидческому

видению, благодаря галлюцинаторным переживаниям, они могли бы получить какое-то средство для более глубокого проникновения в истинную сущность человека. Они даже верят в то, что в таких состояниях можно получить, своего рода, откровение из настоящих духовных миров. Когда мы сегодня будем рассматривать человека с антропософской точки зрения, мы сможем пролить, своего рода, свет на смысл этих ненормальных состояний души. На основе той критики, которую я дал вчера, вы сможете с самого начала быть убеждёнными в том, что антропософское духовное исследование в самом полном смысле этого слова критично и по отношению к этим явлениям.

Другой вид явлений выступает тогда, когда при без сомнения необычных пространственно-временных условиях могут быть прочитаны определённые мысли человека. О таких случаях говорят сегодня уже в очень серьёзных научных кругах. Одной из таких явлений является телепатия. Тут речь идёт о том, чтобы в определенных душевных состояниях быть способным развивать определенное восприятие для мыслительного, возможно даже для мыслительного, которое разыгрывается на расстоянии, без обычного посредничества органов чувств. Говорят о телекинезе, то есть, о неких силах, которые могут исходить от человека, и которые проявляются без физического опосредования человека, как бы, в действии на расстоянии, так что это выглядит так, будто человек может проявлять свою волю без помощи своих конечностей, на расстоянии. Да, уже сегодня проводятся научные эксперименты с использованием научных методов, относящиеся к главе телепластики, где на человеке, или рядом с ним, появляются подобные материи структуры, фантомы, в которых ясно видно, что они состоят, как бы, из тонкой материи, из эфирного, что в них пластически, в качестве пластической формирующей силы, интегрировано то, что коренится в человеческом мышлении, что присутствует в человеческом мышлении.

То есть, говорят о телепатии, телекинезе, говорят о телепластике. И в отношении этих явлений антропософия должна, в свою очередь, поставить критические вопросы: Действительно ли эти явления проистекают из того, о чём было сказано вчера, а именно, что при засыпании существо чувства и воли выходит из физического и эфирного тел человека и остается снаружи от засыпания до пробуждения? Имеем ли мы в том, что проявляется в человеке как телепатия, как телекинез, как телепластика, дело с действием вечного духовно-душевного, того, с чем мы познакомились как с существом чувства и воли, или, может быть, только с тем, что остается в постели, когда человек спит, то есть, что состоит из физического тела и эфирного тела, или тела формообразующих сил? Если мы имеем дело только с последним, то какими бы чудесными ни казались эти явления, какими бы странными они ни были, они принадлежат тогда к тому, что исчезает со смертью человека. Поскольку, когда человек умирает, то, что остается в постели, когда он засыпает, исчезает. То, что является собственно бессмертным, что является вечной сущностью человека, то, что выходит из физического тела и тела формирующих сил при засыпании, - это, когда проявляются телепатия, телепластика, телекинез, как правило также, под гипнотическим воздействием или чём-то подобном, бывает извлечено из физического и эфирного тел. Поэтому можно сказать: Эти, так называемые, чудесные явления не могут указывать на то, что связано с вечным ядром сущности человека. Какими бы чудесными они ни были, они связаны с тем, что при смерти растворяется и соединяется с элементом Земли. Тогда они могут указывать только на мир, который для человека, проходящего через врата смерти, также исчезает.

Таким образом, антропософская духовная наука должна выдвинуть это критическое замечание по отношению к отдельным уже широко признанным сегодня явлениям точно так же, как и по отношению к явлениям, о которых я говорил вам вчера, и окончательное суждение будет зависеть от того, что антропософия скажет об этих явлениях после того, как она, в свою очередь, проведёт исследование того, что является по настоящему вечным ядром сущности человека.

Теперь позвольте мне снова обратить ваше внимание на то, что посредством тех мыслительных, медитативных упражнений и тех упражнений воли, о которых я говорил здесь в предыдущих лекциях, в человеке, а именно в существе чувства и воли человека,

вызывается состояние, которое, с одной стороны, похоже на состояние сна, а с другой стороны, радикально от него отличается.

Вчера я показал, каким внутренне живым, пронизанным светом, усиленным становится иначе бессознательное, как бы, парализованное, существо чувства и воли человека, то есть, как он для целей антропософского исследования может вызывать состояния, благодаря которым, он может со своим существом чувства и воли находится вне физического тела так же, как во время сна. Но тогда он находится не в тёмном, мрачном мире, - мире, который означает для него бессознательность, а в мире духовного окружения. И первым объектом для него, на который он может оглянуться тогда прежде всех других вещей, станет для него его собственное физическое тело и собственное тело формирующих сил, - то тело формирующих сил, состоящее из мыслей, которое он, однако, воспринимает в виде сил, которые отражают мир в ядре существа человека, вышедшего из этих физического тела и тела формирующих сил. Мир мыслей, с которым человек связывал себя в прошлом, как бы, отражается оставшимся физическим телом, и теперь человек получает образ мира, и таким образом переживает его сознательно, не просто посредством отражения внешнего мира органами чувств, например, глазом, а он получает образ духовного основания мира посредством того, что весь человеческий организм становится, своего рода, единственным тотальным чувственным органом, который, однако, сейчас, как и любой другой объект, находится вне человека.

С этим находящимся вне человека существом человек знакомится постепенно, по мере того, как он всё дальше и дальше продвигается в антропософском исследовании, и становится всё более и более сильным внутренне. Я уже говорил, что от всего, что человек может пережить как провидец, как галлюцинирующий, как вообще находящийся в ненормальном состоянии души, это состояние, в которое вводит себя антропософский духовный исследователь, отличается тем, что, наряду с видением высшего мира, он всегда имеет возможность сохранять свое здоровое, разумное сознание. Человек оказывается в состоянии, которое можно назвать маятниковым движением туда-сюда, колебанием между видением духовного мира и видением физического мира. То есть, человек может попеременно как находиться вне своего физического тела, и делать наблюдения таким образом, как я только что сказал, так он может и снова вернуться к полному сознанию, к нормальному мышлению, чувствованию и волею, и выносить суждение о пережитом нормальным мышлением, чувством и волею, - тем нормальным здоровым благоразумием, которым он иначе выносит суждение о внешней чувственной жизни и вообще об обычной жизни. Так, что человек, полностью критично, с той критичностью, какую он выработал в жизни, может стоять перед тем, что он исследует, что выступает перед ним как более высокое переживание души.

Эта смена состояний при ненормальных душевных состояниях отсутствует. Провидец, галлюцинирующий не имеет возможности, посредством своей воли, снова намеренно, когда он считает нужным, вернуться к состоянию своей обычной разумности, то есть, в своё обычное тело. Нечто непроизвольное, нечто подсознательное приводит его в этих аномальных состояниях к галлюцинированию, к видению, и именно на это отсутствие критики по отношению к аномальным состояниям нужно указывать снова и снова, когда то, что даёт антропософское духовное исследование, бросают в одну кучу с тем, что принадлежит, как раз, к существу галлюцинаторного, визионерского.

Но по мере того как человек колеблется таким образом туда-сюда между сверхчувственным видением и обычным состоянием сознания, он, с помощью сил, которые он сформировал в существе чувства и воли, становится все больше и больше способен обращать своё внимание на то, что в виде физического тела, и эфирного тела, или тела образующих сил, сейчас объективно находится вне душевно-духовного ядра человека. И, достигнув имажинативного сознания, с тем, что находится перед ним, человек действительно знакомится теперь как с картиной другого мира. И это самое главное, что посредством имажинативного и инспиративного познания, как я это описал в последние дни, он учится

выносить суждение о том, что это, собственно, такое, то, что он видит извне как физическое тело и тело образующих сил. Это выглядит так, - если мне будет позволено привести одно сравнение, - будто кто-то имеет перед собой какую-то картину и, благодаря знанию перспективы, знакомится с соответствующей реальностью, изображённой на этой картине. Только то, с чем человек посредством этой картины знакомится как с реальностью, является всё же только внутренним душевным переживанием, в то время как перспектива, до которой при продвинутом духовном исследовании расширяется это объективное физическое тело, это объективное тело образующих сил, является переживанием факта. А именно, человек узнаёт, что в этом физическом теле и этом теле образующих сил содержится - содержится в отображении - то, чем человек был до того, как он через рождение или, скажем, через зачатие, спустился в физический мир. Из того, что человек имеет перед собой, как бы, высвобождается то, что возвращает перспективу в духовно-душевный мир, через который он прошёл до того, как через зачатие и рождение соединился с физической материей, которую он принял через родителей, через течения физической наследственности на Земле. И видению открывается то, что было духовно-душевной средой человека до того, как он сошёл в земное бытие, открывается тот мир, в котором находятся те силы, которые человек интегрировал в физическую форму, которая передана ему родителями и предками.

Человек узнаёт теперь себя в состоянии предсуществования, и своеобразие того, что тут выступает, заключается в том, что в этом табло, которое представляет предсуществующее существо человека, он видит мир, по сути, наоборот по отношению к физической перспективе. В отношении к физической перспективе дело обстоит так, что близко расположенные предметы видны отчётливо, и, по мере удаления, предметы кажутся всё более и более размытыми. Это, в свою очередь, лежит в существе перспективного видения в пространственном мире. В той перспективе, которая представляется теперь человеку из оставленного человеческого существа, всё наоборот. То, что находится вблизи физической земной жизни, находится также вблизи переживания в настоящем, а человек, ведь, не знает своё внутреннее в физической земной жизни. Его физическая земная жизнь является чем-то таким, что затемняет ему его вечную сущность. Теперь, когда человек таким образом смотрит в предсуществующий мир, духовно видимым раньше всего будет не это, самое близкое, а то, что находится в отдалении. И когда человек пройдёт три ступени, которые он может сформировать посредством упражнений как три ступени познания в том смысле, как я описал это в своей книге «Как достичь познания высших миров?», тогда он, посредством имажинации, инспирации и интуиции, действительно подойдёт к тому, чтобы получить некую единую духовно-душевную картину мира, ведущую его назад вплоть до прошлой земной жизни.

Как ограничена расстоянием физическая перспектива, так и оставленной позади земной жизнью, которая открывается через интуицию, ограничивается то, что человек получает как картину мира, которую он проживал в состоянии предсуществования. Когда антропософская духовная наука говорит о повторяющихся земных жизнях, то это ни что-то фантастическое, или выведенное логически, а нечто достигнутое посредством познания, нечто такое, что действительно предстаёт духовному видению. Однако, это духовное видение должно быть вначале извлечено из глубин душевного существа. Тогда получают позитивное знание того, что в физическом теле человека и в эфирном теле, или в теле формирующих сил человека, сформировались, образовались те сущностные силы, которые были в человеке во время между смертью и новым рождением.

Это тоже объясняет то, что человек развился из духовного мира в физический. И в физическое тело, которое носят не просто как покров, а как некий инструмент, и в тело формообразующих сил, которое содержит жизненные силы, лежащие в основе органов, обмена веществ и роста, - в эти физическое и эфирное тела, которые затем предстают духовному видению как объективность, вчлняется сущностное ядро души, в том виде, как оно развилось в духовно-душевном мире с момента последней смерти до этого рождения. То, что человек оставляет, покидая свои физическое и эфирное тела как существо чувства и воли,

он узнаёт последним, к чему человек склонен стремиться из духовного мира, после того, как он, как бы, состарился в духовном мире и умер для жизни между смертью и новым рождением. Как в определённом возрасте, приближаясь к смерти, человек находит своё физическое тело увядшим, так же и в духовном мире он находит увядшим то духовно-душевное существо, в котором он тогда находится.

Это увядание проявляется в тоске по физическому миру, в желании телесно-физического воплощения. И, таким образом, то, что живёт в физическом теле человека, что живёт в эфирном теле, является, как бы, последней фазой жизни в духовном мире. Когда мы во время сна выходим из физического тела как существо чувства и воли, мы оставляем наше прошлое позади. И что мы берём тогда с собой? Когда нам становится ясно, что мы покидаем наше прошлое, нам становится также ясно, что то, что мы бессознательно для обычного сознания переживаем с момента засыпания до пробуждения, является в человеке тем, что проходит врата смерти, и заново отдаёт себя духовно-душевному миру. Та часть человеческого существа, которая не смогла погрузиться в физическое и эфирное тела, которая, как бы, остаётся в остатке, выходит каждую ночь при засыпании наружу и также, как существо чувства и воли, проходит, в свою очередь, через врата смерти. Таким образом, посредством такого действительного видения, подтверждается вечность человека.

И если мы теперь оглянемся назад на то, к чему в своём познании, непонятным образом стремится оставшаяся сегодня во внешнем мире наука, посредством исследования таких явлений, как телепатия, телепластика, телекинез, то видно, что эти явления на самом деле связаны с тем, что представляет прошлое человека, с тем, что погибает с его смертью, то есть, с тем, что не может представлять что-либо из действительного сверхчувственного мира, а может представлять только те силы, которые связаны с человеком в этом чувственном земном мире.

Если живо представить себе то, что из нашего предсуществующего существа спускается в физическое воплощение посредством зачатия и рождения, то мы поймём, что оно принимает в себя, включает в свою форму не только те силы и материи, которые передаются течением наследственности, но также и те, что принимаются в продолжении жизни с питанием, дыханием, - со всем тем, что человек принимает из внешнего мира. Поскольку человеком в своей полной овустроенности он является только в том существе, которое спускается в физическое воплощение из предсуществующего бытия. Оно вчлняется, оно окружает себя физической материей уже в чреве матери, затем, позднее, через дыхание, через приём пищи, и так далее.

То, что человек таким образом интегрирует в себя, входит в отношение с собственным существом человека только в нормальном состоянии, посредством того соединения, которое физическое тело и эфирное тело имеют с существом чувства и воли человека в состоянии бодрствования. Тогда это нормальное отношение между существом чувства и воли человека и его, связанной, как мы видели, с телом образующих сил мыслительной силы, а также физическим телом.

Предположим теперь, что, благодаря введению человека в некое гипнотическое состояние, существо чувства и воли извлекается из физического и эфирного тел. Тогда перед нами остаётся человек, загипнотизированный человек, состоящий только из тела образующих сил и физического тела, со всем тем, что он принял в виде физических веществ и физических сил из земного внешнего мира. Эти физические вещества имеют всевозможные взаимоотношения с этим внешним миром; он вносит их в человека. Когда существо чувства и воли извлечено из физического и эфирного тел, проявляется то, что может действовать, исходя из самих этих веществ. Таким образом, мы имеем здесь дело, - как показывает антропософское исследование, - не с чем-то, что принадлежит вечному ядру существа человека, а с тем, что интегрировано - но в прошлом - в это вечное ядро существа человека из внешнего мира. То же самое может произойти, когда человек находится в каком-либо болезненном состоянии. В нормальном состоянии человек ощущает какой-либо больной орган, посредством боли, тошноты и тому подобного. Так происходит в том случае, когда

существо чувства и воли соединено с физическим и эфирным телами правильным образом. Однако, если каким-то образом физическое тело человека, или также эфирное тело, из-за болезни деформируется, то, благодаря заболеванию какого-либо органа, какого-либо внутреннего члена, духовно-душевное, существо чувства и воли человека погружается теперь в животную, в физическую природу глубже, чем в состоянии нормального сознания, когда, будто отражаясь, отбрасываются назад только воспоминания. В случае со здоровыми органами человек погружается в своё физическое тело только до определённого градуса. Если же органы как-то больны, - часто, если болен только один орган, - то человек своим духовно-душевым существом погружается не просто тогда, когда заболевание приобретает соответствующую форму, до ощущения боли, а он погружается глубже. Он соединяется своим духовно-душевым существом с организмом. В то время как обычно человек связан со своим существом чувства и воли только в смысле своих чувств, своей нервной системы, теперь он соединяется с низшими животными органами и вегетативными органами, и, благодаря этому, оказывается в несвободных состояниях галлюцинирования, переживания видений. Видно, что галлюцинирование, переживание видений, как и другие состояния, полностью связаны с физическим и эфирным телами человека, что они таким образом могут представлять только переживания, которые исчезают со смертью человека, которые не могут объяснить сверхчувственный мир, в котором человек, находится в промежутке между смертью и новым рождением. Правда, одно верно и подтверждено исследованиями, что возможно также, что в медиальном, медиумическом состоянии человек воспринимает нечто мыслительное определенного значения, так что иногда можно только поражаться тому, какие гениальные мысли, невозможные для данного человека в обычном состоянии, выходят из него в состоянии транса, то есть, также, своего рода, гипнотического состояния.

Но говорит ли это против сказанного? Это не говорит против по той причине, что не только физическое тело может действовать в пространстве без физического опосредования описанным образом, но и тело образующих сил. Но случается и так, что даже совершенно нормальные люди, - правда, имеющие определённые гениальные задатки, - создают в себе нечто вроде мыслей, фантастических образов, создание которых не исчерпываются телом образующих сил, поскольку то, что выходит за рамки нормальной жизни человека, действует также за пределами человека, как бы, за пределами его кожи в общем мировом эфире, с которым мы познакомимся в следующей лекции.

Можно уже говорить о том, что в этом общем мировом эфире вибрирует то, что проявляется в человеке, например, как творческая мысль, выходящая за пределы нормальной человеческой жизни, - если мне будет позволено использовать такое выражение, - в сверхчеловеческом переживании и форме. Есть такие парящие вокруг мысли. И, как раз, тот, кто подготовлен для этого, посредством медитации, посредством тех упражнений воли, о которых я говорил вчера и позавчера, тот знает, что человек производит не только то, что он производит, благодаря своим физическим достижениям. Он знает, что мысли, которые не нужны для поддержания индивидуальной жизни, - для этого нужны мысли, которые затем трансформируются в силы роста, - сообщаются общему мировому эфиру. И если затем эфирное тело человека оказывается в, своего рода, патологическом состоянии, если оно деформировано или, посредством транса, становится медиумическим, тогда, как раз, в таких лишённых души и духа людях, которые проявляются как медиумы, проникает то, что в нормальном состоянии в человека не проникает, - парящий вокруг мир мыслей. И если, например, человек, который умер, каким-то образом сообщил мировому эфиру такие мысли, и они проявились через медиума, то можно подумать, что действительно принимают актуальные мысли умершего, в то время как, по сути, это отзвуки мыслей, которые умерший послал ещё до своей смерти.

Это то, что здоровая духовно-научная критика всегда должна иметь в виду: имеем ли мы дело с отголосками мыслей, или, благодаря действительному развитию сверхчувственных сил, мы действительно проникли в сверхчувственный мир, которому человек принадлежит после своей смерти и до своего рождения. Если мы имеем дело с телепатией, то это ни что

иное, как эфирное опосредование мыслей при отключении чувств. Если мы имеем дело с телекинезом, то это активизация возникших в изменённом, - благодаря питанию или прочей физической материей, - физическом теле сил, действующих в пространстве без физического опосредования. Ведь, человек состоит из только примерно десяти процентов твёрдых частей, а на девяносто процентов он - жидкая колонна, и, кроме того, состоит также из более тонкой материи, включая эфирную материю. И с той материей, которую он определённым образом излучает, он может - как раз, если он, как я это описал, благодаря больным органам, благодаря патологическим состояниям, слишком сильно погружается своим духовно-душевным в своё животное, - с этими излучениями посылать свои мысли. Тогда возникает телепластика. Он может тогда придавать форму тому, что он излучает в виде тонкой материалности, и это оформленное посредством мыслей, может быть также залито светом. Возникают такие пластические формы, которые, без необходимости считать это обманом или мистификацией, представлены во всегда корректно и научно составленных работах Шренка-Нотцинга (Schrenck-Notzing)⁴ и им подобным. Но мы здесь всегда имеем дело ни с чем иным, как с деятельностью той части человеческого существа, которая подвержена в смерти. Мы не имеем дела ни с чем, что ведёт в действительно сверхчувственный мир. В этот действительно сверхчувственный мир мы попадаем тогда, когда посредством вполне систематического развития нормальных способностей души, и при сохранении своего обычного сознания, приходим со своим существом чувства и воли к созерцанию вне своего тела, и, благодаря этому, из своего прошлого в физическом и эфирном телах охватываем взглядом то, что излучается из духовного мира, и что формирующим образом воздействует на физическую и эфирную материю. И, поскольку отдалённое мы видим вначале, так сказать, точнее, и только потом постепенно то, что располагается ближе, мы доходим своим видением до той границы, до того пункта, где расположена смерть предыдущей жизни. Поэтому то, что человек переживает после смерти, как я описал это в своей «Геософии», можно также описать, исходя из этого наблюдения предсуществующей жизни. Тогда действительно описывается некая перспектива, как она предстаёт, так сказать, в обратном направлении. Также и всё то, что я описал о состояниях человека после смерти, написано полностью на основании того видения, которое достигается таким способом, который я описал вчера и также сегодня.

Можно сказать: человек не может ничего узнать о высших мирах, кроме того, что он вначале сформировал в себе в серьёзной борьбе за знание. Посредством усиления мышления, как я охарактеризовал это вчера, необходимо добиться возможности выйти за пределы своего тела в сознательном состоянии, а затем взглянуть на телесное. Это можно сделать, опять же, только посредством такого усиления мышления. Но теперь надо учиться различать: То, что вы имеете от предшествующей жизни, вы имеете посредством видения. То, что будет, вы имеете посредством внутреннего переживания. Поэтому, - какими бы скудными ни были эти внутренние переживания по сравнению с тем, что человек имеет перед собой в виде мощного сверхчувственного табло из предсуществующей жизни, - эта предсуществующая жизнь действительно может быть содержанием некой образованной науки. Однако, то, что человек узнаёт о будущем, будет очень сильно зависеть от того, насколько он сможет усилить себя в своём вечном существе чувства и воли за пределами своего тела. И вы также можете наблюдать то, как это существо чувства и воли развивается в течение физической земной жизни, и как оно созревает до более высокого состояния после смерти.

Если пронаблюдать за тем, что иначе бессознательно выходит из человеческого тела при засыпании, вначале в более юном возрасте, а затем в более позднем, то обнаружится разница. То, что как существо чувства и воли при засыпании покидает физическое тело в более юном возрасте, содержит больше мыслительного. Обнаруживается, что в нём бессознательно продолжает звучать то, что человек содержит в себе как мыслительное. Когда человек становится старше, тогда он выносит за порог сна из физического тела во внешний мир не

---

⁴Фрайхерр (барон) Альберт фон Шренк-Нотцинг (нем. Albert Freiherr von Schrenck-Notzing; 18 мая 1862, Остернбург — 12 февраля 1929, Мюнхен) — немецкий врач и пионер в области психотерапии и парапсихологии (прим. пер.).

столько мыслительное, сколько то, что содержится в силах его характера, в силах его сформированного волевого импульса. Поэтому можно сказать: В душевно-духовном в продолжении своей земной жизни человек развивается от существа, несущего в себе более мыслительное содержание, к такому существу, которое обнаруживает в душевно-духовном более отзвук свойств характера. По сути, он не проходит врата сна со своими мыслями. Мысли при засыпании остаются позади, они сияют при физическом теле. Мысли, которые населяли его в земной жизни между рождением и смертью, тоже остаются. Человек знакомится тогда с ними как с внешней мыслительной силой мира; позднее, после смерти, он знакомится с ними как с неким внешним миром. Через врата сна человек проходит преимущественно с тем, что стало его характером, что стало внутренним моральным образованием. И каждую фазу, которую человек действительно хочет правильно интерпретировать в перспективе предсуществующей жизни, нужно достигать в познании посредством развития нормальных душевных сил.

Я уже представлял вам это в предыдущих лекциях: Если человек усиливает мышление, мыслительную жизнь, посредством медитации, концентрации этой мыслительной жизни так, что он становится в состоянии жить в мыслях так же, как иначе только в чувственных образах, что его внутренняя мыслительная жизнь становится такой сильной, такой живой, такой интенсивной, какой является только душевная жизнь, когда он отдаётся чувственным впечатлениям, тогда человек приходит к имагинативному познанию. И, посредством этой дообразности усиленной внутренней мыслительной жизни, человек получает теперь перед собой не табло воспоминаний о прошедшей, дошедшей до этой точки переживания земной жизни, а теперь он охватывает взором всё то, что в этом физическом земном организме организовало тело образующих сил. В огромном табло, в качестве первого сверхчувственного опыта, он видит свою собственную, дошедшую до этого момента, жизнь до своего детства.

Я уже упоминал в предшествующих лекциях, что это табло, которое переживает человек, немного похоже на то, о чём также говорят вполне серьёзные естествоиспытатели, поскольку достаточно исследовано то, что оно наступает, когда человек был близок к смерти, которую с трудом удалось избежать. Например, когда человек близок к тому, чтобы утонуть, он также переживает в большом табло то, что является эфирным, временным телом образующих сил: тогда он охватывается взглядом. То же самое охватывается взглядом в сверхчувственном познании, и то же самое представляется в первом переживании после смерти, благодаря правильному истолкованию перспективы предсуществующей жизни, которую я вам описал. Тогда узнают: Когда человек проходит через врата смерти, он некоторое очень короткое время, составляющее только несколько дней, - примерно так долго, сколько человек, в зависимости от своей организации, может выдержать без сна, - воспринимает, своего рода, табло, которое, словно в виде образной мыслительной материи, позволяет ему охватить взглядом его последнюю земную жизнь. Такое обозрение земной жизни происходит очень короткое время после прохождения врат смерти. Я хотел бы сказать: человек имеет перед собой эту земную жизнь без какого-либо участия чувства или воли, в виде чисто пассивного обзора, и человек узнает это первое состояние после смерти, описанным мною образом. Вначале с ним надо познакомиться посредством сверхчувственного познания, посредством медитации, концентрации и так далее. Но для правильной интерпретации того, что в этом табло прошлой земной жизни примыкает к жизни после смерти, необходимо ещё упражнение несколько другого рода.

Обычно в своей обычной земной жизни, а также в обычной науке, человек, со своими мыслями, ощущениями и чувственно-волевыми импульсами пассивно отдаётся внешнему миру. Он продвигается вперёд вместе со внешним миром. Он переживает, случившееся вчера, затем, следующее за этим, сегодня, и ещё позднее — завтра. И то, что в виде внутренних мыслительных, чувственных и волевых отражений человек развивает в душевной жизни, как непрерывное естественное переживание связывается также с внешним ходом времени. Благодаря этому, он имеет, я бы сказал, определённую поддержку для обычного мышления, а также для обычного ощущения. Но нельзя усилить человеческое мышление в той мере, в

какой это необходимо для сверхчувственного исследования, если пассивно отдаваться внешнему течению времени только таким образом. Нужно делать ещё и другие упражнения: нужно пытаться думать, если можно так выразиться, в обратном направлении. То есть, по прошествии дня можно, словно в фантазии, провести перед своей душой, - не в виде мыслей, а также не с какой-либо критикой, а в картинах, - то, что было в продолжении дня, но в обратном порядке, с вечера до утра. Надо приобрести определённую практику в таких представлениях образов в обратном порядке. Поскольку относительно легко представить в обратном порядке крупные фрагменты, но нужно добиться представления ещё и атомистически мелких фрагментов в обратном порядке, действительно представить всё дневное протекание жизни в обратном порядке. Затем можно перейти к другим упражнениям, скажем, к развёртыванию драмы в обратном порядке от пятого акта к первому, или внутренне прослушивая мелодию в обратном порядке, как бы, слушая её духовно душевно. И тогда можно прийти к тому, чтобы воспоминания жизни, - это нечто иное, чем описанное табло, - воспринимается так, что вся жизнь, начиная с актуального момента, когда из памяти извлекается всё, что совершено, действительно образно-имагинативно в обратном порядке предстаёт перед душой. Выполняя такие упражнения, человек высвобождает свое мышление из внешнего хода времени. Глубоко укоренённая привычка следовать своим мышлением, ощущением, чувством за внешним ходом времени, - эта привычка должна быть преодолена. И, благодаря такому мощному мышлению в обратном порядке, человек становится способным оперировать гораздо большей, более укреплённой силой мысли, нежели это необходимо для простого пассивного мышления. Именно, благодаря этому обратному мышлению, сила мысли значительно усиливается.

И тогда обнаруживается нечто такое, что, ведь, для обычного сознания, обычного познания, звучит парадоксально. Но, как человек воспринимает чувственный мир в представлениях, протекающих во времени, точно так же, когда он таким образом освобождает своё мышление от связи с внешним ходом времени, он постепенно начинает видеть духовный мир. И, благодаря этому, достигается ещё одна способность. Она даёт человеку возможность наблюдать дальнейшие переживания, и, исходя из перспективы, которую я описал, правильно интерпретировать то, что содержится в жизненном табло, которое переживается в продолжении нескольких дней после смерти. Теперь человек видит, как он, согласно своему жизненному табло, в обратном порядке ещё раз в очень реальных картинах проживает свои переживания. Человек, как бы, проживает душевный мир перед духовным миром. А именно, в обратном порядке, от смерти до рождения, он проживает это быстрее, чем это происходило в обычной жизни между рождением и смертью. Он проходит эту жизнь в обратном порядке. Возможность видеть это, он приобретает посредством описанных выше упражнений думать в обратном порядке. И теперь возникает видение того, как в этой протекающей в обратном порядке душевной жизни после смерти, человек переживает всё то, что он проделал здесь, на Земле, в своём физическом теле. Только теперь он переживает это душевным образом, и он может видеть всё то, благодаря чему он нанёс ущерб своему моральному развитию. Именно при этом обратном ходе времени он может обозревать, - теперь с более высокой точки зрения, - то, что он должен желать изменить для своей жизни. Он может видеть, как эти моральные дефекты задерживали его на пути к совершенству. Но поскольку он переживает теперь всё это живо, это не остается мысленным. В душевной жизни, которая таким образом протекает в обратном порядке, я бы сказал, развивается в обратном порядке, мысли не остаются абстрактными, - поскольку абстрактные мысли оставляются позади после смерти, - а они развиваются как мысленная сила. И они развиваются как импульс каким-то образом заглядывать свою вину в следующей земной жизни, каким-то образом пережить противоположное тому, что предстаёт перед душой сейчас. В душе развивается нечто такое, что затем в следующей земной жизни выступает в виде подсознательных стремлений приблизиться в жизни к тому или иному. Для всего, что проделано в этой жизни, как раз, при этой жизни в обратном порядке, развивается желание пережить в следующей жизни нечто такое, что уравнивает соответствующий факт в этой

жизни. И, таким образом, в этом саморазвитии в обратном порядке переживается зачаток того, что человек бессознательно приносит в следующее рождение, и что может быть описано примерно следующим образом.

Хотя это обычно и ускользает от обыденного сознания, но это всё же живёт в человеке. И, тем не менее, даже только со здоровым человеческим пониманием, можно наблюдать то, что сверхчувственное исследование приводит затем к определённости: то, как человек подходит к какому-то важному, решающему факту жизни.

Предположим, что на тридцатом или тридцать пятом году этой земной жизни мы встречаем другого земного человека, в котором - я хочу описать именно решающее событие - мы находим партнера, с которым хотим пройти всю оставшуюся жизнь, и чувствуем, что наши души предназначены друг для друга. Внешний, материалистически мыслящий человек назвал бы это случайностью. Более глубокие умы, однако, - а таковых имеется достаточное количество, что можно также доказать исторически, - немного поразмышляли над этим: Если от момента этого события, являющегося таким решающим, взглянуть теперь назад на то, что было до этого, и ещё до этого, и ещё раньше, тогда наш ход жизни, который привёл к этому событию, выглядит очень даже планомерным. И то, что мы переживаем в жизни, как факт, который теперь вмешивается в нашу жизнь, мы находим иногда органическим завершением того, что кажется планом. Если сначала гипотетически сконструировать такой план, а затем это гипотетически сконструированное проследить до самого рождения с помощью того, что является развитием сверхчувственных сил познания посредством медитации, мышления в обратном порядке и развития воли, как я это описал, то приходишь к тому, чтобы сказать себе: То, что ты тут себе гипотетически сконструировал, конечно, действительно может быть лишь фантазией, - но не всегда. Наоборот, иногда, как раз, для решающих фактов жизни, оказывается чрезвычайно важным то, что человек с рождения несёт в себе подсознательное желание (Sehnsucht), и что, исходя из этого желания, которое, возможно, он совершенно по-разному истолковывает в различные эпохи своей жизни, он делает один шаг, делает другой шаг, все остальные шаги, которые приводят его, наконец, к тому событию, зародыш которого он сформировал в том проживании жизни в обратном порядке, и которое теперь, как неопределенное желание, несёт нас в нашей новой земной жизни, так чтобы мы, благодаря этому, бессознательным образом сами делали свою собственную судьбу. Таким образом мы приходим к познанию того, что мы находим в земной жизни как судьбу, или как это было названо в древней инстинктивной ясновидческой мудрости Востока: карму. С этой судьбой, от которой зависит всё наше счастье и несчастье, наши радость и горе, мы знакомимся посредством видения следующих друг за другом земных жизней.

Тут человек, конечно, очень скоро захочет сказать: Да, но как же тогда обстоит дело со свободой? Ведь, тогда человеком правит судьба! Что тогда с человеческой свободой? - Да, к разрешению вопроса о судьбе человек придёт, собственно, только тогда, когда он серьёзно займётся проблемой свободы. И на этом месте, поскольку это определённо имеет объективное значение, позвольте мне снова вставить нечто личное. В начале девяностых годов прошлого столетия я написал свою «Философию свободы». Эта «Философия свободы» имела своей задачей, как раз, точное установление переживания, факта свободы. Я попытался обозначить сознание свободы, как нечто абсолютно определенное, исходя из того, что человек переживает внутри себя. И, таким образом, то, что я позже пытался представить как частичное решение вопроса о судьбе, как я его сейчас обрисовал, мыслилось мною в полной гармонии с тем, что я представлял как человеческую свободу. Тот, кто будет изучать эту книгу, мою «Философию свободы», тот несомненно обнаружит, что вначале я был вынужден говорить не о свободе воли, а о свободе того, что переживается в мыслях, а именно, в мышлении, свободном от чувственного восприятия, в чистом мышлении, но в таком мышлении, которое в человеческой душе появляется сознательно как нравственный, моральный идеал, и которое достигает такой силы, которая может мотивирующим образом воздействовать на волю человека. Мы можем говорить о свободе человека, если мы говорим о такой деятельности человека, которая формируется, исходя из его свободного мышления,

когда, посредством своего морального самовоспитания, человек приходит к тому, что на его поступки не оказывают влияние инстинкты, побуждения, эмоции, темперамент, а только полная отдача любви к какому-то поступку. В этой полной отдаче любви к сознательному действию может развиваться то, что исходит из идеальной силы чисто нравственной мысли. Это действительно свободный поступок.

Теперь, как раз, посредством духовной науки, приходят к тому, что это мышление как таковое, то мышление, которое лежит в основании нравственно свободного поступка, в состоянии сна остаётся в отражающем физическом теле, что оно таким образом является чем-то таким, что человек переживает между рождением и смертью, что придаёт ценность жизни на Земле уже только посредством этой интеграции импульса свободы, если бы она не была бесконечно ценной кроме этого. Мы будем говорить об этом в следующей лекции. Свободным в земной жизни человек будет там, где он развивает мысли как таковые, где мысль теряет свою пластицирующую силу, которую он ещё имеет в эфирном теле, и где эта чистая мысль развилась в находящемся в жизни сознании. Поэтому тогда, в начале девяностых годов, в этой «Философии свободы» я был вынужден представить нечто очень смелое. Я должен был представить моральные импульсы как нравственные идеалы, и должен был сказать: они не приходят к человеку из физического мира, они не приходят к человеку из природы, они приходят к человеку через интуицию. И я говорил тогда о «моральной фантазии». Почему? Я говорил тогда в своей «Философии свободы»: Эти нравственные мотивы, поначалу в виде образов, втекают в человека из духовного мира. Он воспринимает их из этого духовного мира как интуиции.

Но таким образом человек достигает, я бы сказал, другого полюса того, что он переживает здесь в физическом мире. Когда он глядит на природный бытийный мир здоровым человеческим разумом и через научное обучение, он повсюду обнаруживает необходимость. Если он глядит в мир моральных импульсов, то он повсюду открывает свободу, но свободу поначалу в простых мыслях, в чистом мышлении, в мысленной интуиции. И вначале он не знает, как силы передаются в волю, поскольку видит эти нравственные интуиции бессознательно. С одной стороны, человек имеет природу, которой он принадлежит, когда он действует, а, с другой стороны, он имеет свои нравственные переживания, и, если у него нет поначалу ничего, кроме естествознания, то у него отсутствует возможность приписать этим нравственным интуициям реальность, дать им статус мировых творческих сил. Человек переживает природу, как бы, в её совершенной грубой плотности, в её необходимости. Он переживает свободу, но переживает её в тонко сплетённых, доведённых до образности мыслительных импульсах, о которых известно потому, что они не могут принадлежать природе, потому что они переживаются в свободной деятельности, и потому, - как я подчёркивал в своей «Философии свободы», - что они приходят из духовного мира.

Но теперь что-то должно встать между этими интуициями, которые совершенно образны, нереальны, которые становятся реальными только посредством нравственной жизни, и тем, что имеется в качестве объективного познания для природного порядка. И тут на это место встают имажинация и инспирация, которые возникают так, как я это описал. И тогда также и интуиция становится чем-то другим. Тогда то, что предстаёт человеку только в реальном мышлении, как бы, уплотняется до духовной реальности. В этой заново, после имажинации и инспирации, обрётённой интуиции человек знакомится теперь не со своим актуальным Я, а с Я, которое проходит повторяющиеся земные жизни, и которое через эти повторяющиеся земные жизни пронизывает нашу судьбу таким образом, как я это представил. Когда мы проживаем повторяющиеся земные жизни и, посредством этого, имеем судьбу, мы несвободны. Но в отдельные земные жизни мы всегда можем вплести в эту судьбу свободные действия. Как раз, посредством того, что мы переживаем в образных интуициях нравственные импульсы, - не как реальности, а как нечто, во что мы можем свободно верить, - мы можем в отдельной жизни вплести в ткань судьбы свободу. Таким образом, благодаря тому, что мы переносимся судьбой из одной земной жизни в другую, мы не становимся более

несвободными, чем тогда, когда позволяем переносить себя на судне из Европы в Америку. Наше будущее, безусловно, определяется решением, которое мы принимаем здесь, в Европе. Но мы в любой момент являемся, в определенных границах, свободными существами, и пока мы находимся в Америке, мы можем двигаться свободно. Так мы несём судьбу от одной земной жизни к другой. Но в реальный мир (Tatsachenwelt), который мы таким образом узнаём в повторяющихся земных жизнях, может быть вставлено то, что в отдельной земной жизни исходит из свободы. И так видно, что, как раз, тот, кто занимается проблемой свободы, кто видит эту проблему решённой посредством видения нравственных идей, которые вначале охватываются только моральной фантазией, но которые стремятся из духовного мира в физический мир, - что тот, кто обретает понимание свободы таким образом, подготавливается к пониманию судьбоносного именно посредством понимания, своего рода, необходимости в человеческой жизни.

Когда человек пробился к такой интуиции, когда он понял, как можно воплести друг в друга судьбу и свободу, и, благодаря этому, ещё больше укрепил те силы, которые были обретены посредством медитации, концентрации, мышления в обратном порядке и так далее, тогда можно также видеть, или дальше интерпретировать то, что предлагается в перспективе. То, что тут присоединяется к этой жизни в обратном порядке, так это жизнь в чисто духовной области, в которой человек теперь подготавливается к следующей земной жизни. И в этой духовной области человек переживает, я бы сказал, наоборот, по сравнению с тем, как он это делает здесь, в земной жизни. Здесь, в земной жизни переживания таковы, что то, что находится внутри нас, может быть увидено вначале только внутренним образом, в образах. В обычном сознании переживается не внутреннее человека, а в бодрствующем сознании переживается внешний мир. Внешний мир переживается окружающем пространстве, в атмосфере пространства, как бы, из собственного центра. Человек в себе, а внешний мир вне его. Во время между смертью и новым рождением восприятие, как раз, противоположное: Человек сливается с тем, что здесь было его внешним миром. То, что здесь было его внешним миром, он ощущает как мир внутренний. И то, что здесь было для него скрытым, внутреннее человеческой природы, он ощущает теперь как внешний мир. Человек со своим внутренним в жизни между смертью и новым рождением становится миром, а мир становится Я. И, переживая то, что выше того, что мы имеем здесь в мире вокруг нас, - поскольку человек является короной творения, он несёт внутри себя более высокую область, нежели его окружение, - он, таким образом, имеет в себе между смертью и новым рождением более совершенный мир. И то, что он переживает таким образом как свой мир, который, однако, является таинственным миром внутреннего человека, он переживает творчески. Он творчески переживает в духовном мире силы в сообществе с высшими духовными существами, которыми мы окружены как духовно-душевные люди, так же, как здесь, в виде физических людей мы окружены тремя царствами природы, - животными, растениями и минералами. Вместе с этими духовными существами человек переживает силы, из которых он постепенно создаёт не только свою судьбу, зародыш своей судьбы, но и модель, образ (Vorbild), реальный образ, духовно-душевное существо, которое затем через определённое время охватывается желанием снова воплотить то, что поначалу как нечто живое сформировалось мыслительной силой в виде образа. Поскольку это должно быть связанным с физическим телом, только в физическом теле может обрести своё совершенство, это духовно-душевное существо получает стремление, желание снова воплотиться на Земле. Из духа приходит то, что как наше, лежащее до рождения, до зачатия, существование, соединяется с телом из мяса и костей. И также правильное представление о том, каким образом человек формируется здесь, на Земле как физическое существо, мы получим только тогда, когда поймём, что то, что формируется в утробе матери, является лишь тем, что принимает собственную сущность человека из высшего мира.

Естествознание имеет некую мечту, состоящую в том, что когда-нибудь можно будет исследовать клетки, относительно их сложнейших химических соединений, вероятно, даже самые совершенные клетки, половые, зародышевые клетки человеческого эмбриона.

Антропософская наука подходит к этой проблеме с совершенно другими методами и с совершенно других точек зрения. И она приходит к тому, чтобы, так сказать, обозначить направление, в котором надо искать то, что развивается в материнском теле как зародышевая клетка человеческого эмбриона. Тут мы имеем дело не с более сложными химическими соединениями, а, на самом деле, имеем дело со становлением материи хаотической. Тут мы имеем дело не с высоко сложными химическими соединениями или формированием существа молекул, а со становлением хаоса, с хаотическим перемалыванием того, что закономерно соединено в кристалле, в химической молекуле. Материя в зародышевой клетке не формируется в направлении большей сложности, дальнейшей закономерности, а, наоборот, ввергается в хаос, и из этой материи, из этой становящейся хаотичной материи образуется то, что теперь может принять спускающееся сверху: приходящего из духовных миров сверхчувственного человека. И то, что формируется как физический человек, можно понять только тогда, когда физическое исследование доходит до того пункта, где можно видеть, как физический человеческий зародыш, как раз, благодаря тому, что он ввергает материю в хаос, становится способным принять в себя духовно-душевный зародыш, который спускается из предсуществования. Только так можно понять, как то, что спускается из духовно-душевных миров, посредством зачатия, и до самого рождения, соединяется с тем, что разматериализовалось в зародыше при начинающемся росте эмбриона. Всякий, кто действительно осмысленно рассматривает формирование зародыша, уже из этого физического формирования эмбриона может вычитать то, что я вам сегодня представил, в то время как это эмбриональное развитие навсегда останется загадочным, если его рассматривать по-другому.

Если хочешь действительно познать существо человека, непременно надо получить из сверхчувственного исследования то, что также принадлежит к человеку. Например, ранее я указывал на то, что в науке низших царств считаются глупыми, как раз, те вещи, которые при изучении человека считаются мудрыми. Я говорил: предположим у кого-то есть магнитная стрелка: Одним своим концом она указывает на Север, а другой - на Юг. Никому не придёт в голову сказать: Только в этой магнитной стрелке, в пространстве, которое включает в себе материал этой магнитной стрелки, находятся силы, направляющие её туда. - Саму Землю рассматривают как большой магнит, воздействующий на отдельную магнитную стрелку и определяющий это направление. Отдельная магнитная стрелка интегрирована в целостный земной организм. Таким образом, чтобы познать большое, всеохватывающее целое, исходят из отдельного существа, а рассматривают его также во взаимодействии с этим отдельным существом. Только при изучении человека, прослеживая под микроскопом развитие зародышевой клетки, хотят познать то, что производит человека, только из того, что заключено в пределах его кожи. Никогда, - так же мало, как объяснить направление магнитной стрелки из нее самой, - нельзя узнать, что развивается в человеке, если не привести человека в отношение ко всему миру, и не только к пространственному миру, но и к миру времени, если не возвращаться к тому, что раскрывается в сверхчувственном видении как предсуществующее существо человека. Таким образом, его учатся познавать как то, что теперь, в свою очередь, видят в своём эфирном теле растворяющимся в космическом эфире, когда человек оставляет здесь своё физическое тело, и что теперь снова проходит через врата смерти, чтобы вступить в такой цикл для дальнейшего уравнивания жизненных фактов и достижения более высокого совершенства.

Таким образом, когда человек смотрит на своё существо само по себе, он помещает себя в течение развития мира. И то, что человек получает, перенося в него своё душевно-духовное существо, принадлежит мировому развитию, должно быть интегрировано в мировое развитие, которое мы рассмотрим послезавтра. Человек только тогда станет объяснимым, когда то, что объяснено сегодня, будет в то же время включено в становление, бытие и плетение, т. е. во все развитие мира. Человека можно объяснить только тогда, когда то, что было представлено сегодня, будет в то же время интегрировано в это становление, то есть, во всё развитие мира. Поскольку человек может познать мир, только познавая себя самого. И то,

что является миром, отражающимся в земной жизни, человек проживает после смерти и до рождения. Из него он берёт силы, которые он сам интегрирует в своё физическое тело при рождении, или зачатии. Человек и мир принадлежат друг другу не только внешне, но и внутренне. Человек вносит в себя мир, а мир, как тотальность, формирует человеческое существо. Таким образом, мы сегодня частично получаем ответ на поставленный здесь вопрос. Окончательный ответ, насколько это возможно сегодня для науки, мы сможем узнать на следующей лекции.

В заключении я хотел бы сказать ещё только пару слов. Я хотел бы, чтобы было действительно ясно, что то, что представляет духовный исследователь, хотя и основывается на развитии определённых, иначе остающихся бессознательными, силах, всё же, исходя из антропософской точки зрения, преподносится в форме обычных мыслей, которые приняты в науке. Повсюду в своём видении он берёт свои мысли с собой. Поскольку его исследования должны постоянно сопровождаться этими колебаниями между сверхчувственным и чувственным мирами. Он постоянно должен стоять рядом со своим высшим существом, которое имеет сверхчувственное видение, в роли собственного критика. Поэтому также тот, кто не делал такие упражнения, если только он действительно сохраняет здравый смысл, может мысленно проверить всё то, что выдвигает духовный исследователь. Собственно, это неправильно, что то, что представляет духовный исследователь может быть проверенным только другим духовным исследователем. Просто в наше время человек слишком привык к внешней материальности, к мышлению, привязанному к внешнему естественному ходу событий, и тогда он находит, что у духовного исследователя нет доказательств этого мышления. Но кто понимает общее положение дел, тот понимает и то, какое отношение существует между обыденным здравым смыслом и методически оформленным пониманием науки, внешней науки. И кто затем, действуя критически, проверяет в своих мыслях всё, - но только достаточно непредвзято, - что выдвигает духовный исследователь, тот сможет сам убедиться, не обладая способностью видения. Духовный исследователь всё представляет так, чтобы это можно было проверить таким образом. И тогда тот, кто говорит, что духовный исследователь только рассказывает о том, что видит, но не даёт никаких доказательств, подобен человеку, привыкшему к тому, что всё, что находится на Земле, стоит на твердой почве, и который потом, оказавшись перед проблемой солнечной системы, спрашивает: Да, на чём же она стоит? - То, что она стоит на самой себе, что она несёт себя, благодаря собственным силам, - этого он не осознаёт. Такому человеку, который спрашивает: На какой почве стоит солнечная система? - подобен тот, кто требует доказательств обычного рода, имея в виду доказательства, которые можно получить только для внешнего чувственного мира, где без доказательств принимается только то, что воспринимается органами чувств, что, как раз, доказывается посредством органов чувств.

Но человеческое мышление существует не только для этого. Мышление также может подняться, не только до того, чтобы найти доказательства посредством здравого смысла, до того, что подкрепляется чувственным опытом, но и до того, что, как бы, внутренне несёт себя саму, как духовная планетная система. Если вы, применяя это к антропософскому духовному исследованию, проверите таким образом то, что даёт такое несущее само себя, доказывающее само себя мышление, тогда вы найдёте, что то, что представляется духовным исследователем, внутренне надёжно даже без так называемых внешних опор, так же, как, например, планетарная система свободно несёт себя в космическом пространстве, и только то, что является земным, тяжёлым, нуждается в поддержке. Необходимо также иметь в виду то, что если человек с помощью здравого смысла хочет найти доказательства того, что духовный исследователь может сказать о существовании человека и существовании мирового развития, мышление должно стать действительно свободным, должно стать тем, что может внутренне нести самого себя. То, что, исходя из этого пункта, можно всё доказать, я позволю себе развить, после обсуждения существования человека, послезавтра в следующей лекции о существовании мирового развития.

Развитие мира в свете антропософии

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

1 декабря 1921 года

Из тех рассмотрений, которые я позволил себе вам здесь представить, должно было бы вытекать, что, в смысле действительного сверхчувственного познания, прежде всего, речь идёт о том, чтобы, посредством упражнений, которые я охарактеризовал, разделить две стороны человеческой природы, которые обычно неточно обозначают как человеческое внутреннее и человеческое внешнее. Возможно, позволительно указать, что, ведь, в обычном сознании, когда человек говорит о внешнем и внутреннем, он не делает точного различия. И то, как было охарактеризован выход чувственного и волевого существа человека в состоянии сна, и как далее было охарактеризовано становление сознательным в сверхчувственном познании вне человеческого тела, всё это показывает, что именно в этом сверхчувственном познании достигается точное разделение того, что в обычном сознании неопределенно именуется внешним и внутренним человека. Я хочу сказать, что, посредством этого разделения, внутреннее человека становится внешним, а то, что человек считает своим внешним, становится внутренним.

Что же, собственно, при этом происходит? Существо чувства и воли человека в состоянии сна выходит из того, что названо физическим телом человека и телом формирующих сил, или эфирным телом, и это существо чувства и воли оглядывается назад, на физическое и эфирное тела как на объект. Мы показали, что при этом созерцании вся ткань мышления также является нам как внешнее по отношению к человеческому внутреннему. Ведь, то, что в обычном сознании наполняет нас как наш мир мыслей, в котором отражается внешний мир, при засыпании не выходит вместе с собственно внутренним человека, он остаётся в виде собственно сил эфирного тела при физическом теле. И, таким образом, мы можем понять, - поскольку, ведь, обычное бодрствующее состояние, как можно легко убедиться с помощью самонаблюдения, человек имеет, благодаря своему мыслительному миру, - что в бодрствующем состоянии человек не может осознавать, как раз, то, что теперь, как бессознательное для обычного сознания, выходит во время сна.

То, что выходит из физического и эфирного тел при засыпании, является в каждом человеческом существе приглушённым, сумеречным бытием, и с этим человеческим внутренним знакомятся только тогда, когда оно, так сказать, пронизывается светом и теплом сверхчувственного познания, когда в этом внутреннем человек будет таким же сознательным, как иначе он сознателен в физическом теле. Но человек также учится понимать и то, почему в состоянии обычного сна он живёт бессознательно. Сознание возвращается, когда человек при пробуждении погружается в физическое и эфирное тела. И, благодаря этому погружению в физическое тело, он начинает пользоваться своими органами чувств, которые приводят его в соединение с внешним миром. Результатом этого является то, что чувственный мир пробуждается и, благодаря этому, становится осознанным.

Точно так же человек погружается в своё эфирное или жизненное тело, то есть в свой мир мыслей, и осознаёт тогда свои мысли. То есть, обычное сознание основывается на том, что человек пользуется инструментами своего физического тела, а также пользуется, так сказать, тканью формирующих сил эфирного тела. В обычной жизни это действительно внутреннее человека, сотканное из чувства и воли, не в состоянии прийти к сознанию,

поскольку оно не имеет органов. Когда же человек выполняет те мыслительные и волевые упражнения, о которых я говорил, он сам обеспечивает это душевное органами. Это душевное, которое в обычном сознании поначалу является неопределённым, формируется пластически, - так же, как иначе наше физическое тело и наше эфирное тело пластически формируются в органы восприятия, в мыслительные органы. То есть, пластически формируется собственно душевно-духовное существо человека. И в той степени, в какой происходит это пластическое формирование, в какой человек, - если мне будет позволено использовать такое парадоксальное выражение, - как бы, получает духовно-душевные органы, вокруг этого человеческого внутреннего появляется духовно-душевный мир. Таким образом, то, что в противном случае находится в смутном, сумеречном состоянии и поэтому, когда оно использует физические и эфирные органы, может воспринимать только мир, а именно, чувственный мир, - оно обретет пластику, вступает в связь с миром, которым мы также всегда окружены и так, без нашего ведома, и в котором мы, ведь, жили до того, как мы, посредством рождения или зачатия, как это было описано здесь позавчера, поселились в физическом существе, и в котором мы также будем жить снова, - поскольку тогда мы признаем его принадлежащим нам и не ограниченным рождением и смертью, - когда пройдем через врата смерти. Но, вступая в духовно-душевный мир, получают определённый опыт: в этот духовный мир нельзя проникнуть таким же абстрактно-теоретическим образом, каким можно жить в чувственном и понятийно-мыслительном мире. В чувственном, понятийном мире мы пользуемся мыслями, идеями, которые нас, собственно, я бы сказал, оставляют холодными. Каждый человек, хоть немного владеющий самонаблюдением, знает, что, когда он поднимается в область чистого мышления, когда он отдается внешнему чувственному миру, без особого интереса, без особой связи с чем-либо, то как этот внешний чувственный мир, так и мир идей, оставляют его, собственно, холодным. Надо только на особых примерах из жизни детально познакомиться с тем, как это происходит. Надо как-нибудь сравнить с какими внутренними переживаниями человек обычно рассматривает, например, свою родину и какую-либо чуждую ему область. Тогда можно будет увидеть, как человек, благодаря особым условиям, должен привлечь своё чувство и свою волю, - которые, как уже было сказано, только при пробуждении погружаются в физический мир, и уже оттуда соединяются с чувственным миром и понятийным миром, - чтобы иметь живой интерес к своему окружению. То, что при встрече с некоторыми людьми в физическом мире вспыхивает чувство любви, может быть также ненависти, что мы склонны, исходя из сочувствия к ним, совершать какие-то поступки: только всё это вызывает привлечение наших ощущений, наших чувств, всего, что является нашим внутренним, к тому, что выступает перед нами во внешнем физическом мире. И как хорошо человек знает, как охладевает его внутреннее, когда он поднимается к областям, которые обычно называют областями бледных, сухих понятий, теоретических рассуждений.

Для того, чтобы могло возникнуть всё многообразие интересов к внешнему миру, то, что происходит в притупленном, сумеречном состоянии от засыпания до пробуждения, посредством внутреннего сопереживания во время бодрствования, должно вначале, как бы, соединиться с мыслями и чувственными переживаниями. И таким образом мы узнаём, что чувство и воля привлекаются к чувственному и мыслительному мирам только в самой жизни. Но в самом полном смысле слова мы узнаём об этом лишь тогда, когда посредством сверхчувственного познания, свободные от физического и эфирного тел, мы переживаем себя вне их в существе чувства и воли человека. И тогда становится ясно, что о мире надо говорить совсем иначе, нежели говорят в обычной жизни, в обычном сознании. То, что в науке привыкли объяснять сухими идеями, природными законами, которые, вероятно, интересуют нас теоретически, но оставляют внутренне безучастными, мы должны пронизать определёнными словесными нюансами, которые характеризуют внешний мир иным образом, нежели мы привыкли это делать в обычной жизни. Благодаря этому сверхчувственному познанию, внутреннее переживание становится существенно интенсивнее. Человек переживает внешний мир сильнее, чем обычно. Он даже совершенно не в состоянии в

познании отдаваться внутренним идеям безучастно и холодно. Конечно, тем самым он подвергается упреку, что при этом пробуждается некая внутренняя теплота, что пробуждается чувство, и что, благодаря этому пробуждается субъективное чувство, которое фальсифицирует объективность. Но это обвинение выдвигают только те, кто не знает обстоятельств.

Видение в сверхчувственном познании означает, что по-другому говорят о сверхчувственных объектах познания. Эти объекты не становятся другими, они не становятся менее объективными, поскольку они объективны. И когда я смотрю на художественно написанную картину, она не становится другой из-за того, что я стою перед ней, наполненный огнём и энтузиазмом. Но как искусствовед я должен был бы быть холодным и трезвым наблюдателем, если бы мне пришлось стоять, скажем, перед Мадонной Рафаэля или картиной Леонардо. Точно так же обстоит дела и тогда, когда при сверхчувственном познании появляются духовные миры. То, что они содержат, не изменяется из-за того, что человек должен связываться с ними с большим внутренним участием, нежели он обычно связан с объектами внешнего мира. Поэтому многое из того, что говорится, исходя из познания этих высших миров, говорится иначе, нежели можно услышать в обычной жизни. Но менее объективными эти миры из-за этого не становятся. Можно было бы сказать обратное: То субъективное, которое тут теперь выливается из физического и эфирного тел, в целом переживании становится даже более объективным. И то, что переживается прежде всего, когда человек выходит из своего физического тела и сознательно переживает себя в своём собственно внутреннем, - в то время как обычно это всегда переживается бессознательно, - это чувство абсолютного одиночества. В обычном сознании у человека никогда не бывает такого переживания, - что бы ни было от него в мире, когда он остается только в этом внутреннем, - что он одинок, что во всём, что должно иметь душевное и духовное содержание, он полностью зависит от самого себя.

То, что лишь в качестве отблеска, - что для многих людей уже достаточно болезненно, - проявляется в физическом мире как чувство одиночества, бесконечно усиливается, когда таким образом вступают в сверхчувственный мир. Но тогда человек смотрит назад на то, что показывается в виде духовного окружения в зеркале физического и эфирного тел, которые он оставил. Тогда он, как раз, осознаёт чувство полного одиночества, только и единственно благодаря которому, он может поддерживать в этом мире своё Я. Он растёкся бы в этом мире духа, если бы, точно так же как здесь он имеет чувство Я, посредством своего тела, телесных ощущений, он не переживал бы, посредством этого чувства одиночества, чувство Я в духовном мире. Тогда он знакомится с этим духовным миром, как с тем, что его окружает. Но мы знаем, что с ним можно познакомиться, - так же, как чувственный мир мы видим нашими глазами, - только с помощью внутреннего духовно-душевного зрения.

То же самое происходит, когда человек, - как я хочу представить здесь в дальнейшем то, о чём я говорил вчера, - покидает свои физическое и эфирное тела, проходя через врата смерти. Правда, тогда физическое тело передается элементам земли, а эфирное тело, как я описал, растворяется в общем космическом эфире. Но то, с чем человек познакомился как со своим физическим миром, то есть, познакомился, познавая, в процессе чувствования и воления, и в чём он переживает себя в обычном сознании между рождением и смертью, - это остаётся с человеком. Заполненное веществом физическое тело, пронизанное эфиром тело образующих сил, - их человек со смертью покидает, но то, что он пережил внутренне, остаётся с ним как нечто следующее отражающее. Человек смотрит из духовного мира назад, за смерть, через которую он прошёл, на свою последнюю земную жизнь. И, как раз, благодаря тому, что после смерти в виде твёрдого сопротивления, от которого всё отражается, он имеет перед собой эту последнюю земную жизнь, - благодаря этому, и сейчас, посредством всего прохождения через духовно-душевный мир между смертью и новым рождением отражается всё то, что его окружает. И из того, что таким образом переживается, он видит теперь, как всё появляется в более интенсивной жизни, нежели он знал здесь, в физическом мире. И как духовно-душевное существо прежде всего он видит в этом мире всё

то, с чем он был связан, благодаря своей судьбе, своей карме. Как души появляются люди, которых он полюбил. Сверхчувственному видению предстаёт то, что он с ними пережил.

Тот, кто приобретает духовные, сверхчувственные знания, приобретает образное видение здесь, в физическом мире, посредством всего того, что я описал. Тот, кто проходит через врата смерти обычным путем, тоже имеет это видение, хотя и несколько изменённое по сравнению с описанным. Из того, что предстаёт как оставленное нами, оболочкоподобное физического и эфирного тел, появляется всё то, с чем мы, согласно судьбе, или как-то иначе, были связаны в земной жизни. Пока те, кого мы оставили, ещё живут на Земле, связь с ними более сложна. Но затем, когда они тоже оказываются погружёнными в эту свободную духовно-душевную жизнь, проявляется совместное бытие со всем тем окружением, с которым мы как человеческое существо их связывали. То, что мы, - если выразаться словами обычно видящего сознания, - снова находим людей, с которыми мы чувствовали себя связанными в физическом мире после того, как они прошли врата смерти, - это для сверхчувственного познания не вера, возникшая из тёмного предчувствия, а такая же определённая, какой является определённая результатов исследований физики или химии. И это уже то, что антропософская духовная наука может добавить к имеющемуся сегодня у человека в его цивилизации. Человек сегодня привык определённым образом достигать уверенность, благодаря тому, что научное сознание становится всё более и более популярным. Он больше не стремится узнать нечто о сверхчувственных мирах в форме древних предчувствий, как это традиционно передают верования; он теперь воспитан в той определённости и привык к той определённости, которую ему может дать внешний мир. Антропософская духовная наука хочет открыть путь к тому, что лежит по ту сторону рождения и смерти, и для этого предлагает такую же определённую. И она это действительно может. Только те, кто прокладывают путь в духовные миры, который я описал, могут продолжить знание, которое обрела физика и химия, вплоть до миров, в которые мы вступаем, походя врата смерти.

Правда, не всё является нам таким образом, когда в сверхчувственном познании, находясь вне тела, мы оглядываемся назад на это тело. Нечто выступает перед нами особенно загадочным образом. И то, что выступает таким загадочным образом, лучше всего может нам показать, что те вещи, которые антропософская духовная наука включает в своё познание, не переводятся в трезвый, сухой рационализм. Она приводит человека к видению, или, передавая свои знания, она говорит о чём-то, что может быть увидено. Но полное благоговение перед тем, что мир хранит в тайне, что мир содержит в себе в виде ценностей этого благоговения, не теряется, когда в видении человека проходит то, что иначе в лучшем случае предстаёт в виде смутной догадки. И это загадочное, которое я имею в виду, появляющееся перед человеком, заключается в том, что теперь он знакомится с взаимоотношениями человека и Земли, а именно, с тем, каково отношение человека к физической минеральной Земле.

Я, ведь, уже представил с самых различных точек зрения то, как остаётся позади [при выходе из тела] связанная с физическим телом ткань мыслей, но кроме того, что я сейчас описал, - что отражается и что ведёт нас в познании к вечному ядру существа человека, - можно узнать также природу самого зеркала, которое при этом человек имеет перед собой. Я бы сказал: Так, как человек имеет перед собой зеркало в физическом мире, и в зеркале вместе с ним появляется окружающий его мир, так же и в сверхчувственном познании, посредством этого зеркала, перед ним появляется духовный мир. Но так же, как можно потрогать поверхность зеркала, как можно исследовать его сущность, так же можно исследовать и это зеркало сверхчувственного, а именно, наши физическое и эфирное тела, когда человек со своим собственно духовно-душевным существом находится вне их. И тут обнаруживается, что человек в продолжении своей земной жизни - для своего роста, для своей жизни - постоянно принимает в себя вещества этого внешнего мира. Конечно, мы принимаем в себя вещества из животного и растительного царств, но во всех этих веществах, взятых из растительного царства, из животного царства, также содержатся минеральные субстанции. В

растениях минеральные субстанции содержатся потому, что растение строит себя из минеральных субстанций. Принимая, например, растительное питание, мы строим наше собственное тело из минеральных субстанций. И здесь, когда мы оглядываемся назад на наше физическое тело, находясь вне его, обнаруживается, какое, собственно, значение имеют эти минеральные вещества, которые мы в себя принимаем. Поскольку то, о чём с помощью обычного сознания мы не могли даже догадываться, теперь предстаёт нашему видению: то, как действует мышление. Мы, ведь, оставили мышление позади нас. Эти мысли, я бы сказал, продолжают тлеть, светиться в физическом теле, которое мы имели. Таким образом, мы можем теперь видеть действие мыслей в физическом теле снаружи, как нечто объективное. И мы видим, что действие мыслей в физическом теле таково, что физические субстанции растворяются, в определённом смысле превращаются в ничто. Я понимаю, что говорю сейчас вещи, которые могут показаться противоречащими закону сохранения сил, но они, тем не менее, находится в полной гармонии с этим законом, просто у нас нет времени для пояснения этого. С учётом природы предмета, мне приходится выражаться, так сказать, популярно. Однако может быть понятным, что то, что интегрировано в человеке как чисто минеральное, что он несёт в себе как чисто минеральное, должно, собственно, в нём быть, поскольку оно должно быть растворено мыслями. Мыслей не должно было бы быть, - поскольку это является их жизненными условиями, - если бы они не растворяли минеральные, земные субстанции, как это показано также и в более ранних, скорее инстинктивных духовных науках. Это растворение, это, как бы, выпадение физических субстанций, и есть физическое опосредование мышления.

Теперь человек знакомится с тем, что, когда он со своим человеком чувств и воли, то есть, со своим человеческим внутренним находится в своём физическом и эфирном телах и пронизан мышлением, это мышление осуществляется посредством постоянного уничтожения минеральной, физической субстанции. Он знакомится теперь с тем, как, собственно, протекает наше обычное сознание. Оно протекает совсем не так, что в нас действуют силы роста, которые развиваются в прочем организме с помощью приёма пищи. Ведь, в том смысле, в котором в нас активируются силы роста, мышление, как раз, помрачается. В бодрствовании мышление должно, так сказать, освободить себе руки тем, что материя растворяется, выводится из физического тела. И нервная система человека является для антропософской духовной науки, как раз, тем органом, который во всё теле опосредует выделение минерально-физического. И в этом выделении минерально-физического, как раз, и развивается то мышление, которое мы обычно проносим через мир.

Вы видите, таким образом, что с помощью антропософской духовной науки мы не просто знакомимся с вечным, а знакомимся с ним так, что узнаём, как это вечное человека действует в физическом теле, то есть, как, например, мышление может иметь место, лишь благодаря тому, что человек постоянно развивает в себе минеральное, то есть, мёртвое. Поэтому мы можем сказать: если мы таким образом знакомимся с человеком, то мы по-другому, нежели я уже описал, знакомимся и со смертью. Смерть обычно выступает перед нами как единственный момент жизни, как уникальное переживание. Если же мы, так сказать, просветим физическое и эфирное тела человека, то смерть предстаёт нам как медленно протекающий процесс, то есть, с этим выделением минерально-физической субстанции, - а умирание, ведь, и есть ни что иное, как одновременное выделение минерально-физической субстанции, - мы знакомимся как с непрерывным выделением трупного. Мы учимся познавать, что с самого рождения мы, собственно, постоянно частично умираем, и только когда то, что посредством нервной системы мы обычно делаем в какой-то маленькой части тела в продолжении всей жизни, мы делаем со всем телом целиком, тогда мы умираем. То есть, мы учимся видеть момент смерти, просматривая его в малом в работе мышления в человеческом организме. И человек может смотреть на своё физическое тело всё время, которое он проводит после смерти, потому, что тут имеет место быть следующее. Подумайте только, если в обычной жизни в вас высветляется какая-то мысль, то в основе этого в физическом теле лежит то, что - как в солевом растворе, когда он осаждается,

выделяется физическая материя, - в вас выделяется физическая материя. Возникновению мысли вы обязаны этому осадку, этому выделению физической, минеральной субстанции. Когда вы покидаете физическое тело, для всего тела в относительно короткое время суммируется то, что вы имеете в непрерывной жизни мыслей. Таким образом, в смерти, в виде одновременного свечения, вы имеете перед собой то, что медленно тлело, светилось на протяжении всей вашей жизни на Земле от рождения до смерти.

И, благодаря этому мощному впечатлению, в котором мыслительная жизнь словно молния пронизывает душу, человек получает воспоминание о своей физической земной жизни. Физическое тело может отпасть только целиком; эфирное тело может целиком раствориться в общем мировом эфире. Благодаря получению этого единовременного мощного мыслительного впечатления, - для математиков, я бы сказал: этого мыслительного интеграла, по сравнению с мыслительными дифференциалами в период между рождением и смертью, - благодаря этому, когда отпадают физическое и эфирное, всё время после смерти человек в любой момент имеет теперь перед собой нечто вроде чего-то отражающего, посредством чего показывается всё то, что он сейчас переживает, когда постепенно прибывают человеческие существа, с которыми он был связан судьбой в любви или ненависти, когда появляются те духовные существа, которые есть в духовном мире и которые не спускаются на Землю, и в общество которых он теперь вступает. Духовный исследователь может это спокойно сказать, поскольку знает, что он говорит не на основании каких-либо галлюцинаций, а что эти вещи предоставляются сверхчувственному видению, - когда это сверхчувственное видение осуществляется через орган физического и эфирного тел, - как такие же реальности, что и те, что находятся сейчас снаружи, он знает, что эти вещи видят так же, как иначе физическим глазом видят физические цвета, физическими ушами слышат физические звуки.

Таким образом развитие человечества интегрируется в развитии мира. Рассматривая мировое развитие, например, земную минеральную жизнь, можно понять, почему есть эти земные минеральные законы. Они здесь для того, чтобы они могли также быть и в нас, поэтому мышление привязано к Земле. Но, видя, как живые существа, мышление которых связано с Землёй, выходят из того, что вызывает это мышление, можно узнать, каким образом человек своим собственным существом поднимается над просто земным. Это то, что связывает мировое развитие с человеческим развитием. Мы познаём человека и, посредством этого, мы познаём мир. Познавая физическое тело человека, то, как оно минерализируется, благодаря мышлению, познаётся также мёртвая, минерализованная Земля. Благодаря этому, также создаётся основа для познания мирового развития относительно её духовной стороны.

Если таким образом знакомиться с человеческим внутренним, то с мировым развитием дело обстоит так же, как с обычными земными переживаниями, имевшими место с рождения. Если вы сейчас извлечёте что-нибудь из ваших всевозможных воспоминаний, - то, что вы пережили, скажем, десять лет назад, - то это пережитое вами прошлое появляется перед вашей душой в виде образа. Из жизненного контекста вы точно знаете, что выступает в образе. Но этот образ создаёт для вас знание того, что объективно было десять лет назад. Посредством чего? Потому что процессы, которые сейчас вызывают этот образ, остались в организме. В вашем организме остались процессы, вызывающие в вас образ, и, благодаря этому, из этого образа вы можете снова, - как я здесь это уже как-то описывал, - конструировать то, что вы пережили десять лет назад. Но, благодаря сверхчувственному познанию, вы, ведь, проникаете в человеческое внутреннее глубже. Например, вы знакомитесь с тем, как физическое тело минерализируется во время мышления, так же, как вы знакомитесь с переживанием, которое вы имели с рождения, посредством того, что вы носите в себе самом, посредством следов, которые в вас остались.

Точно так же вы знакомитесь с развитием Земли из развития человека. Из того, что минеральное делает в человеке, вы познаёте задачу минерального в земном развитии. И если вы так, как я вам это сейчас представил, - я могу лишь упомянуть об этом, поскольку детальное описание уведёт нас слишком далеко, - познакомитесь с тем, как связано с

человеком растительное царство, животное царство, - поскольку можно познакомиться и с этим, - тогда, исходя из человека, можно познакомиться и с развитием мира. И в пределах этого развития мира возникает нечто такое же важное для тех, кто интересуется современной цивилизацией, как и то, что я упомянул, для действительного познания человека, вечной сущности человека.

Ведь, в современной цивилизации мы пережили, что, по крайней мере, в известной степени - даже если соответствующие теории, или, как некоторые полагают, гипотезы, всё же содержат что-то неясное, что необходимо дополнить или модифицировать, - нам удалось прийти к рассмотрению человека в его отношении к мировому развитию так, что мы связываем его с развитием животных. Мы следим за тем, что развивается от простейших органических существ до высших животных, затем далее, и затем мы доходим до того, чтобы на вершине животного развития поставить человека. Одни делают это так, другие - так, одни делают это более идеалистическим образом, другие - в русле материалистического объяснения дарвинистского эволюционного учения, но методически едва кто-либо сегодня усомниться в том, - что, кстати, продолжается уже долгое время - что, если мы хотим познакомиться с физической природой человека согласно естественно-научному методу, мы должны включить его в ряд животных. Мы должны исследовать, как преобразовалась его голова, по сравнению с головами разных видов животных, мы должны исследовать его конечности и так далее. Благодаря этому мы получаем то, что называется сравнительной анатомией, сравнительной морфологией, сравнительной физиологией, а также получаем представления о том, как развивалась физическая форма человека из низших существ в ходе мировой эволюции. Но при этом мы всегда остаёмся в области физического. Сегодня антропософского духовного исследователя критикуют за то, что он говорит о духовном мире так, как я позволил себе говорить на этой лекции. Это во многих отношениях видится как фантазирование; пусть фантазирование в хорошем смысле, но фантазирование.

Тот, кто хоть немного ознакомился с тем, что я только что описал, кто вообще это делает, тот увидит, что подготовка к этому так же серьёзна, как, например, подготовка к занятиям математикой, где не может быть и речи о том, что направляешься в какую-то фантастическую область. Но как, с одной стороны, нехорошо то, что о духовном мире говорят как о реальном, видимом мире, так, с другой стороны, нехорошо и то, что кто-то в полном смысле слова по-дарвинистски по отношению к физическому развитию человека, в совершенно дисциплинированном естествознании, прослеживает ряды животных вплоть до человека. То есть, совершенно непозволительно спекулировать на том, что считается физическим, и искать там всякие вещи, как это сегодня снова делает неовитализм. Он спекулирует вглубь; старый витализм делал то же самое. Рассматривая физический мир, необходимо оставаться при физическом.

Вот почему антропософский духовный исследователь, который осмеливается определенным образом говорить об обстоятельствах после смерти и до рождения, как это здесь сделал я, не расценивает это как упрёк, или легко переносит упрёк, когда ему говорят, что когда он описывает физический мир, он делает это вполне в духе сегодняшнего естествоиспытателя. Он сновидчески не погружается в то, чем является физический мир. Когда он описывает физический мир, его самого можно было бы назвать материалистом, но он принимает этот упрёк, потому что хочет строго разделять духовный мир, который можно рассматривать только духовными методами, и физически-чувственный мир, который хочет быть рассмотрен упорядоченными, дисциплинированными методами сегодняшнего естествознания. Поэтому, когда антропософского духовного исследователя упрекают в том, что есть такие последователи, которые иногда, как раз, исходя не из слишком глубокого естествознания, чихвостят это естествознание, и которые в определённом надменном ощущении себя относительно своего духовно-научного познания полагают, что они могут отрицательно высказываться о том, что является научным, - тогда серьёзный духовный исследователь сам должен ощущать как нечто очень болезненное то, что, к сожалению, и те, кто называет себя приверженцами духовной науки, поступают таким профанным,

дилетантским образом. Но причина этого лежит не в природе антропософского исследования. В природе антропософского исследования лежит, как раз, такой же строго научный подход к внешнему чувственному миру, как и подход к самому духовному миру, и наоборот.

Но тогда, если выполнена эта предпосылка, антропософский духовный исследователь, хотя и стоит внешне, относительно видения мирового развития, на почве строжайшего естественно-научного способа рассмотрения, но при этом он направляет свой взгляд на духовно-душевный мир. И как он знает, - когда человек как отдельное существо эмбрионально возникает в этом физическом мире, - что это не просто физический процесс, а что при этом с человеческим эмбрионом, с человеческим зародышем соединяется некое духовно-душевное, так же он, что во всём мировом развитии этот физический мир, - хотя он и простирается перед физическим телом как чувственно-воспринимаемый ковёр, хотя он и проявляется для мыслительной ткани, то есть, для эфирного тела, в своих природных законах, в каузальности, - пронизан и направляется духовными силами, стоящими под руководством духовных существ, которых можно познать таким образом, как я описал. Поэтому духовный исследователь знает, что, как раз, тогда, когда он в смысле самой настоящей науки рассматривает внешний физический мир, он достигает правильной границы, от которой ему позволено тогда начать духовное исследование.

Если совершенно добросовестно проследить за тем, как Дарвин или другие дарвинисты, или Геккель прослеживали животный ряд вплоть до человека, если вникнуть в научно-оправданное этого мирового развития человека, тогда, как раз, если правильным для естествознания образом поставить себя на эту границу, от этой границы можно продолжать исследование духовно-научным образом. И тогда, проникаясь для сверхчувственного познания видением формы, приходят к тому, что только теперь можно познать всё значение форм, - то, как они предстают нам в человеческом царстве, с одной стороны, и в животном царстве, с другой стороны. Приходят к знакомству с полным значением форм. Теперь, вооружившись тем, что дает сверхчувственное исследование, видно, что животное - по крайней мере, большинство животных, а исключения уже можно объяснить - стоит четырьмя конечностями на Земле, что позвоночник расположен горизонтально, параллельно земной поверхности, как к этому позвоночнику, совсем иначе, нежели у человека, примыкает голова. Со всей формой животного знакомятся, я бы сказал, внутренне, как результат воздействия сил, и в отношении ко всему космосу. И тогда можно сравнивать то, какой преобразованной, метаморфозированной является форма человека, который стоит только на двух конечностях, который располагает свой позвоночник перпендикулярно к расположению позвоночника животного и земной поверхности, и который формирует свою голову в соответствии с таким положением позвоночника. Погружаясь во внутреннее искусство природного творчества, проникая в космическое искусство, учатся отличать человеческую форму от формы животного. И, восходя от иначе абстрактных, конструктивных мыслей, к мыслям, имеющим внутреннюю жизнь, художественным образом, оформляющимся в духе, проникают в развитие мира. Это является важным, что антропософское духовное исследование, там, где оно хочет познакомиться с мировым развитием, переформируется от абстрактного познания, которое иначе по праву описывается в науке как сухое, трезвое, систематизирующее, комбинирующее познание, в нечто конкретное. Не для более высокого духовного мира, в который понятия должны проникать так, как я это представил, а для чувственного мира, это сверхчувственное познание преобразуется теперь в пока ещё, своего рода, художественное восприятие форм (Gestaltungen) в мировом развитии.

При указании на то, как наука преобразуется в искусство, тот, кто привык мыслить только сегодняшними понятиями, естественно возражает: Но, наука же не должна становиться искусством! - Как человеческое требование это можно сказать всегда. Можно сказать: Я приказываю мировой логике не быть искусством, поскольку мы познаём действительность только тогда, когда к одной мысли присоединяем другую и таким образом подступаем к действительному. - Да, если бы мир был таким, каким его представляют, то можно было бы отказаться от того, чтобы подняться к искусству, к художественному

восприятию форм. Но если мир таков, что он позволяет приблизиться к нему только посредством художественного понимания, то надо приходиться, как раз, к художественному восприятию. А это так. Поэтому те, кто серьёзно относился к знанию, желая понять органическое в развитии мира, действительно пришли к внутреннему оформлению абстрактного, научно признанного мышления, к художественному восприятию мира. И продолжая рассмотрение обычной дарвиновской теории эволюции художественно-интуитивным взглядом, видишь, что человека, понимаемого как целое, нельзя представить просто так, будто в мире когда-то были низшие животные, затем из них развились более высокие, затем ещё более высокие и так далее, а затем появился человек.

Собственно, если непредвзято изучать эмбриологию, то она противоречит такому представлению. Хотя новейшие исследователи и установили основной биогенетический закон, сравнив, как раз, эмбриологию с филогенезом, то, что уже внешне выступает в человеческой эмбриологии, они толкуют не в правильном смысле, поскольку они не поднялись до художественного понимания оформления мира. Если мы увидим в человеческом эмбрионе то, как, я бы сказал, вначале выступающим недоразвитыми органам присоединяются конечности, что вначале всё является, собственно, головой, то мы уже имеем первые элементы к тому, что затем окончательно показывает художественное видение человеческого облика, которое я имею в виду. Всего человека целиком нельзя включить в ряд животных. Нельзя сказать: Человек, как он стоит сегодня перед нами, является отпрыском всего ряда животных. Нет, это не так. Как раз, тот, кто с подлинной научной совестью полностью погружается в научный дарвинизм, в то, как он сегодня описывает мировое развитие, поймёт, что в более высоком познании совсем не просто поставить в конец, на вершину животного ряда всего человека, а он должен изучать как таковую человеческую голову. Поскольку только эта человеческая голова является потомком всего животного ряда. Как ни странно, как ни парадоксально это прозвучит, но из животного ряда преобразуется то, что обычно считается самым совершенным в человеке.

Приступите с этими мыслями к действительному изучению человеческой головы. Взгляните, исходя из этого, - но с определённым морфологически-художественным чувством, - на то, что кости нижней челюсти являются преобразованными конечностями, кости верхней челюсти являются преобразованными конечностями, что всё в голове является преобразованной, возвышенной, усиленной животной формой, и тогда в голове человека вы увидите на более высоком уровне то, что самыми разнообразными путями сформировано в животных. Тогда вы также узнаете, почему это так.

Если вы посмотрите на животное, вы увидите, что его голова подвешена к одной стороне позвоночника, и что у настоящего животного она полностью подчинена силам тяжести. И, напротив, взгляните на человеческую голову в соответствии с положением человека в космосе. Человеческая голова поставлена на вертикальной линии позвоночника. Человеческая голова покоится на остальном человеке так, что этот остальной человек, как бы, защищает её от того, чтобы подчиняться только силам тяжести. Человеческая голова является действительно чем-то таким, что по отношению к прочему человеческому организму представляет собой нечто относительно самостоятельное. И приходит понимание того, что человеческая голова, которую несёт остальной организм, ведёт себя, собственно, так, будто она едет на повозке. И этой повозкой, которая несёт голову, является остальная часть организма. Человеческая голова имеет свои преобразованные конечности, которые, как бы, сморщились. Она насаживается на прочий организм. Этот прочий организм относится к голове человека так же, как вся Земля с её силой тяжести относится к животному. Своей головой человек так интегрирован в свой прочий организм, как всё животное целиком интегрировано в Землю. Теперь мы начинаем понимать человека с точки зрения мирового развития. И если мы продолжим продвигаться в таком познании человеческой формы, используя художественное чувство, мы придём к пониманию того, что человеческая голова есть продолжение животного ряда, а весь остальной организм есть, так сказать, лишь некий

позднее приобретённый, благодаря Земле, член, присоединённый к голове человека. Так мы впервые приходим к пониманию человеческой эволюции.

Если мы вернёмся к более ранним, более древним временам, то в человеке этих древних времен мы должны искать ни что иное, как то, что легло в основу его сегодняшнего образования головы. Мы не должны в этих древних временах искать его конечности, формирование его груди; они были присоединены лишь позже. Но если мы взглянем на мировое развитие так же, как с помощью воспоминания мы рассматриваем более раннее переживание, - исходя из человека, как я это описал, - то мы обнаружим, что человек нашёл своё мировое развитие уже тогда, когда, например, наших высших животных ещё вообще не было. Правда, тогда были другие животные формы, из которых образовалась человеческая голова, но того, чем являются сегодня наши высшие животные, ещё вообще не было. Так что, - возьмём сейчас более поздний земной период, - мы можем сказать: Развиваясь, одушевляясь своим духовным, человек сформировал свою голову из предшествующих животных существ. Поэтому он мог усовершенствовать (steigern) эту голову по сравнению с тем, какой она была раньше. Затем он развил свои конечности из закономерных сил Земли. Животные, появившиеся позже, могли развиваться только до того, как развился человек, за исключением головы. Они начали своё развитие позже, и потому не дошли до уровня образования человеческой головы. Они остаются связанными с Землёй; человек же обособливается от Земли. Это показывает, что когда говорят: Человек интегрирован в мировое развитие так, что, хотя он и имеет родство с животным рядом, он, однако, выделился из него, так что животные, появившиеся позднее, могут развиваться лишь настолько, насколько человек развился тогда в отношении своих конечностей и корпуса, - то это имеет смысл. Голова остаётся недоразвитой, поскольку возникновению формирования головы должны были предшествовать долгие этапы развития, - такие же, какие имел человек.

Так, посредством художественного видения форм мирового развития, преобразуется совершенно добросовестно воспринимаемая дарвинистская теория, насколько она сегодня оправдана с точки зрения естествознания. И человек познается как часть мирового развития, благодаря тому, что он имеет за собою более длительный период развития, нежели животные, что то, что он просто приставляет к голове, животные развивают как свою основную форму. И таким образом, в то время как животные являются привязанными к силам тяжести, подчинены им, человек приходит к тому, что он выносит часть своего существа за пределы действия сил тяжести. Всё то, что является нашей головой с органами чувств, вынесено за пределы силы тяжести, и потому обращено не к тяжёлой материи, к весомой материи, а к эфиру, интегрированному в чувственный мир. Чувства делают преимущественно это. Если бы могли заняться этим подробнее, мы бы это увидели. Таким образом, например, человеческий орган слуха зависит также и от эфирной структуры, - не только от воздушной структуры.

Благодаря всему этому, человек интегрирован не только в мир тяжёлой материи, но и во эфирный внешний мир. Посредством эфирного мира, он воспринимает, например, то, что ворожит ему свет в мире цвета, и так далее. Он поднимается из тяжёлой материи в свободный эфир уже посредством своей внешней формы, и поэтому мы смотрим на мировое развитие иначе, нежели это было возможно, если бы мы через естествознание не поднимались к духовной науке.

Но мы видим также то, что делает с человеком духовно-душевное, видим, что если мы хотим понять человека, мы должны подняться до художественного. Но мы должны подняться ещё выше; мы должны, например, быть в состоянии сказать: Для его духовно-душевного, чувствующего, волевого существа об одиночестве и совместной жизни с другими следует говорить, как о теоретических понятиях, как я это описал сегодня. Нужно подняться к моральному миру и, наконец, прийти к религиозному миру. Эти миры интегрированы друг в друга как единое целое.

Если мы рассмотрим человека в смысле сегодняшней цивилизации в соответствии с привычками научного мышления, то мы обнаружим жёсткую научную природную

необходимость, в которую интегрирован человек. С другой стороны, однако, мы находим, что человек может осознать свое достоинство только тогда, когда он может сказать: Истинным человеком я являюсь только тогда, когда чувствую в себе морально-религиозные импульсы. - Но если честно поставить себя на естественно-научную почву, то человеку, относительно начала и конца Земли, остаются только гипотезы, говорящие нам о начале в виде кант-лапласовского мирового тумана, и о конце в виде тепловой смерти.

Если теперь, в отличие от того, что требуют от нас естественные науки, мы будем рассматривать то, что интуитивно открывается нам как нравственно-религиозный мир только в смысле современной цивилизации, - я сделал это в своей «Философии свободы», - если мы взглянем таким образом, то должны будем сказать: Относительно тумана - это заблуждение. Можно ли ещё тогда верить, что когда Земля пройдет через тепловую смерть, будет что-то ещё, в научном смысле, кроме смерти также и всех идеалов?

Тогда выступает духовная наука, антропософия, и показывает, что душевно-духовное есть реальность, что оно действует в физическом, что в мировом развитии оно поместило человека в человеческую форму, и что [для её понимания] нужно оглянуться назад на совершенно другие животные существа, нежели сегодняшние животные, что можно сохранять методы сегодняшнего естествознания, но получать другие результаты. Посредством этого антропософия интегрирует в науку моральное и религиозное. Посредством этого антропософия становится морально-религиозным познанием. Мы больше не смотрим просто на кант-лапласовский туман, мы смотрим одновременно на первоначальное духовное, из которого то, что антропософией обозначено как духовно-душевное, развивается так же, как физическое развивается из физического земного начала. И, глядя на конец Земли, мы может показать, - поскольку законы энтропии полностью оправданы, - что Земля закончится, своего рода, тепловой смертью. Но мы смотрим на этот конец так же, как с антропософской точки зрения смотрим на конец отдельного человека. Мёртвое тело передается элементам, человек входит в духовный мир. Так мы смотрим на конец Земли. Научные результаты больше не вводят нас в заблуждение, поскольку мы знаем: всё то духовно-душевное, что развили люди, - когда Земля однажды исчезнет и перейдёт через свои врата смерти к новому мировому развитию, как человек, когда он проходит через врата отдельной смерти, - также перейдёт к новому мировому развитию.

И только охватывая Землю взглядом таким образом, видно поставленное в середину её развития Событие Голгофы. Тогда видно, как это Событие Голгофы вставлено в центр земного развития, поскольку до этого в развитии Земли действовали только те силы, которые уже давно должны были бы привести силы людей к, своего рода, параличу. Человек действительно учится познавать, - я могу только упомянуть об этом в конце, - что, как при растительном и животном оплодотворении, в оплодотворенном организме происходит нечто особенное, так и, посредством внеземных духовных миров, в Мистерии Голгофы в земное развитие было внесено нечто такое, что теперь продолжает жить, сопровождает души до тех пор, пока они в конце земного существования не перейдут к другим преобразованным формам нашего земного бытия. Мне пришлось бы говорить с вами целыми днями, если бы я хотел показать вам путь, который со строгой научной добросовестностью ведёт от того, что я представил вам сегодня о развитии человечества и мира, к тому, что потом выступило как Мистерия Голгофы, как появление Христа в земном контексте.

И многие слова из Евангелия, как раз, благодаря духовно-научному углублению, прозвучат для европейского сознания совершенно иначе, нежели это было возможно до этого. Подумайте только: Если мы стоим полностью на почве естествознания, то мы должны видеть земной конец. И тот, кто затем продолжит эти рассуждения в том же духе, сможет также установить, что то, что окружает Землю в виде звёздного мира, также придёт к своему концу. Он будет смотреть на то будущее, где нет больше ни Земли, ни звёзд. Но из этой духовной науки приходит уверенность, что то, что каждый вечер выходит из физического и эфирного тел, а утром возвращается снова, - что это вечное в нас живёт дальше, когда отпадает

отдельное тело. Когда от всех духов человеческих душ отпадёт вся Земля, это вечное продолжит жить в новых планетарных, в новых фазах мирового развития.

И теперь для нас чудесным образом звучат из Евангелия слова Христа: Небо и Земля прейдут, но мои слова не прейдут. - И они примыкает к словам Павла: Не я, но Христос во мне⁵. - И если это будет действительно прочувствовано христианином, тем, кто понимает христианство внутренне, когда он говорит: Не я, но Христос во мне, - и если он понимает слова Христа: Небо и Земля прейдут, но мои слова, - то есть то, что лежит в моём вечном, - не прейдут, - тогда из этого Евангелия замечательным образом звучит нечто, вроде в благоговении расколдованного слова, которое, если быть честным, иначе просто так понять нельзя.

Духовная наука, как она понимается в антропософском смысле, таким образом бросает свет и на многие другие такие выражения, которые предстают перед нами из темноты духа мирового развития, земного и человеческого развития. Кажется, будто свет падает на такие слова, как: Небо и Земля прейдут, но мои слова не прейдут, - если мы слышим их из той местности, в которой разыгрывалась Мистерия Голгофы, благодаря которой, собственно, всё земное развитие только и получило свой смысл.

И, таким образом, мы видим, как посредством духовной науки, как она понимается антропософией, осуществляется стремление не только к добросовестной настойчивости в строгим соблюдении чувственных методов, но также и к распространению этой строгости научного метода на те области, в которых навстречу нам излучается наше собственное вечное существо, и в которых навстречу нам излучается также духовное существо мирового развития, в которых нам является свет, в котором является само мировое развитие с его духовными силами и духовными существами в их божественности.

В заключение этого рассмотрения, - и я очень благодарен, что вы проявили к нему такой интерес, - позвольте мне высказать то, что духовно-научная антропософия вполне может понять, что современное человечество, а именно, научно сознательное современное человечество, привыкло считать истинным и надёжным то, что следует из каузального, из естественно-научного познания, из внешнего чувственного наблюдения и из понятийного комбинирования чувственного наблюдения и эксперимента. На этом человек обучался определённости. И, обучаясь этой определённости, он вообще вживался в некое ощущение того, что может быть «определённым». Раньше он ещё не пытался таким же образом, что и чувственное, исследовать то, что является сверхчувственным. Раньше он ещё не вносил эту определённую в сверхчувственные миры. Ещё сегодня человек полагает, что по отношению к сверхчувственному надо оставаться в области просто веры, в области благоговейных догадок, поскольку иначе исчезнет тайна, поскольку иначе это сверхчувственное будет рационализировано. Духовная наука не пытается рационализировать тайну, изгнать благоговейную почтительность, которую человек имеет по отношению к этим тайнам. Посредством видения, она ведёт человека к этим тайнам. Она позволяет им оставаться тайнами, но она ставит их в область мирового развития так, как иначе в области мирового развития стоят чувственные вещи.

И правда заключается в том, что человеку нужна определённость также и для того, что лежит за пределами просто природного. В той мере, в какой человек почувствует, что через духовную науку, как она понимается в антропософском смысле, он слышит не расплывчатые, дилетантские, неясные рассуждения о мирах, а то, что проникнуто тем же духом, который находит своё выражение в современной науке, в той же мере и человечество почувствует, что определённость, которую мы приобрели, которую мы привыкли получать от физического мира, может быть перенесена и на духовные миры. Человек будет чувствовать: Хотя у нас и была определённость, но она была только в отношении чувственного мира; как эта определённость может нам помочь, когда этот чувственный мир исчезнет? - Человек нуждается в вечном, поскольку он сам хочет быть укоренённым в вечном. Он не может

---

⁵Послание к Галатам, 2,20.

признать, что определённая должна быть действительной только для преходящего. Он должен обрести настоящую определённую, определённую в отношении познания, также и для непреходящего.

В самой скромной степени - это знает сегодня всякий, кто занимается антропософской духовной наукой, - хочет сегодня этого антропософская духовная наука. Она хочет, чтобы человек не утратил естественной определённости относительно знания о непреходящем, как определённости знания о преходящем. Антропософия хочет внести в нашу цивилизацию определённую относительно непреходящего, и, вместе с этим, определённую относительно загадки рождения и смерти, относительно загадки бессмертия, относительно загадки духовного мирового развития. И этим она надеется внести вклад в эту цивилизацию. Поскольку в той мере, в какой человек здесь принимает мужественное решение признать необходимость приобретения определённости не только для преходящего, но и для непреходящего, в той же мере он будет привыкать принимать антропософию не как фантастическую, праздную игру отдельных людей, а как нечто такое, что, как и другие науки, должно быть включено в нашу общую духовную культуру, и, вместе с этим, в нашу цивилизацию вообще.

Необходимость культурного обновления

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

2 декабря 1921 года

Для сегодняшнего вечера планировалось то, что я должен говорить на тему «Необходимость культурного обновления». В ходе предшествующих дней я позволил себе говорить об антропософской духовной науке. Это область, исходя из которой отдельный человек может высказываться, если он полагает, что может сообщить другим то или иное из результатов особых исследований или импульсов. Поскольку, ведь, при этом речь идёт о выражении индивидуального импульса, когда человек считает, что он имеет дело с чем-то таким, что с определённой точки зрения могло бы касаться всех людей. По отношению к сегодняшней теме я чувствую себя совершенно иначе. Если говорить о необходимости культурного обновления в наше время, то такая тема оправдана только в том случае, если действительно можно воспринять, что она соответствует общему требованию, что для того, что можно было бы назвать культурным обновлением, присутствует воля и вера. То есть, отдельная личность должна стать более или менее интерпретатором господствующего общего взгляда. Поскольку произвольные отдельные мнения были бы по отношению к такому вопросу чем-то таким, что могло бы вызвать только нескромность и высокомерие. Поэтому прежде всего встаёт вопрос: Соответствует ли эта тема господствующему повсеместно ощущению, сумме чувств, присутствующих в широких кругах? Правда, если окинуть непредвзятым взглядом то, что присутствует в сердцах, в прочих душевных настроениях и душевных состояниях нашего современного окружения, то можно полагать, что эта тема необходимости культурного обновления во многом оправдана. Разве мы не видим, как многие наши современники в самых разных областях жизни ощущают, что в нашу духовную жизнь и в другие отрасли нашей человеческой совместной жизни должно войти

нечто такое, что должно в какой-либо форме соответствовать поиску, который явно присутствует?

Ищущие души мы находим сегодня в некоторых областях жизни искусства. Ищущие души - кто этого не замечает? - прежде всего мы находим в сегодняшней молодёжи. Именно в сегодняшней молодёжи заметно ожидание чего-то, что эта молодёжь не может найти в том, что выступает перед ней в общем духе времени. Ищущие души мы находим в области этически-религиозной жизни. Бесконечные высказанные и ещё больше невысказанные, просто ощущаемые вопросы в отношении этически-религиозного покоятся сегодня в человеческих сердцах. И если мы рассмотрим социальную жизнь, то, ведь, само течение мира, всё то, что происходит в этих областях жизни, является нам как большой вопрос: Откуда должно прийти, своего рода, обновление этой социальной жизни?

Однако, отдельный человек, пусть он и видит эти разнообразные вопросы, всё же не должен надеяться на то, что может сделать больше, нежели внести свою малую лепту в ответах на общие потребности в этой области. И, возможно, объяснения, основанные на антропософских духовных исследованиях, которые я давал в различных лекциях последних нескольких дней, всё же оправдывают некоторые высказывания на эту тему, поскольку, - даже если эта антропософская духовная наука знает, что она в лучшем случае может дать лишь нечто зачаточное, и предложить лишь импульсы для тех вещей, которые сегодня ищут, - это антропософское исследование, как раз, и хочет дать такие зачатки. В Дорнахе, в Швейцарии, была сделана попытка основать Свободную Высшую Школу духовной науки. И тут надо сказать, что, по меньшей мере, была сделана попытка оплодотворения отдельных научных областей, благодаря тому, что в медицину, в естествознание, в социологию, в историю, в самые различные другие области человеческого исследования, к тому, что могли дать чрезвычайно значительные методы новейшего времени, было прибавлено то, что можно обрести посредством непосредственного исследования самого духовного мира. И, как раз, в этой области, педагогически-дидактическим образом, посредством «Вальдорфской школы» в Штутгарте, делается попытка внести нечто практическое. Были даже сделаны попытки что-то сделать в экономическом отношении. Однако, тут необходимо сказать: Наши современные обстоятельства настолько трудны, что сначала нужно будет проверить, смогут ли эти экономические инициативы в отношении действительного культурного обновления, я не хочу сказать, добиться этого, но хотя бы стимулировать то, что сегодня ищет большее число людей.

Прежде всего, позвольте мне сказать об этих поисках. Я, конечно, не могу говорить с точки зрения вашего народа, среди которого я могу рассматривать себя - к моему глубочайшему удовлетворению - только как гость; я могу говорить только с интернациональной точки зрения. Но как тот, кто обладает сердцем, чувством и разумом, и открытой душой для того, что важнейшая часть человечества имеет перед собой как своё тоску по будущему, как тот, кто наблюдает за этим непредвзято, может не обратить свой взгляд, прежде всего, к поискам молодёжи! Мы обнаруживаем повсюду, что, именно, наша молодёжь, исходя поначалу из чего-то, я бы сказал, совершенно неопределённого, имеет желание принять нечто новое. И должен возникнуть очень серьёзный, важный вопрос: почему же с нашей молодёжью дело обстоит так, что она уже не может полностью удовлетвориться тем, что могли ей дать мы, старики? И я думаю, что этот поиск молодёжи связан с теми самыми интимными, самыми глубокими импульсами, которые в настоящее время определяют этот общий человеческий поиск. Я думаю, что в этой части необходимо глубоко копнуть в человеческих душах (*Gemüter*), если мы хотим в соответствии с истинными причинами судить о том, что можно заметить на поверхности, - о призыве к культурному обновлению. Тогда будет необходимо заглянуть во многие глубины человеческой душевной жизни, и тогда, прежде всего, надо будет спрашивать не только об особенностях культуры непосредственно нашего времени, но и об особенностях культуры в различные более длительные периоды времени.

Тот, кто открыт для этого, обнаружит, что особый душевный настрой человечества современности в интернациональном отношении подготавливался в продолжении последних трёх-четырёх, пяти столетий, и он обнаружит, что в эти последние три, четыре, пять столетий относительно человеческой душевной конституции сложилось нечто совершенно новое, по сравнению с тем, что - для по-настоящему непредвзятого исторического наблюдения это видно - в виде духовной конституции Европы ещё оставалось из прошлого в десятом, одиннадцатом, двенадцатом столетиях. Можно повсюду обнаружить, что в эти более ранние времена европейской духовной жизни человеческое душевно-духовное видение и физическое видение ещё не были в строгом смысле разделены, как это стало позднее и как это имеет место непосредственно сейчас. Человек этих более ранних столетий, направляя свои чувства наружу, во внешнее физическое окружение, ещё повсюду в чувственно воспринимаемых вещах предполагал наличие не-то-духовного. Хотя он и не представлял себе мир духовным в той степени, в какой это, возможно, делали древние египтяне, или даже древние греки, которые в мире звёзд ещё видели внешне воплощение духовно-душевных существ, но у него ещё было понимание того, что всё, что он имеет в своём физическом окружении, пронизано духовным. И, в свою очередь, если этот человек древних времён смотрел на самого себя, то он не разделял так строго своё физически-телесное от душевного, от мышления, от чувствования, от воления. Я бы сказал, что человек, осознавая свою душу, осознавал также свои телесные члены, свои телесные органы, и в этих телесных органах в своём собственном организме он видел нечто душевно-физическое. Душевно-физическое он воспринимал снаружи, в мире, душевно-физическое он воспринимал в своём собственном внутреннем. И таким образом он мог чувствовать определённое родство, определённое доверие к своему мировому окружению. Он мог сказать себе: То, что во мне живёт, в определённом отношении живёт также в мире, в который меня поместили какие-то божественно-духовные силы, управляющие этим миром. - Человек чувствовал себя родственным миру, чувствовал доверие к миру. Он чувствовал себя, как бы, членом большого духовно-душевно-физического организма.

Это ощущение, которое мы сегодня понимаем лишь очень мало, поскольку в последние столетия времена стали совсем другие. И это становление другим выражается не только у теоретиков, у учёных, оно находит выражение в каждой человеческой груди, в каждой отдельной человеческой душе. Оно выражается не просто в том, как мы сегодня научно рассматриваем мир, оно выражается также в том, как в художественном творчестве, в наслаждении искусством, мы воплощаем дух физической материи. Это выражается в том, как в социальной совместной жизни мы встречаем себе подобных, как мы их понимаем, что от них требуем. И, наконец, это выражается в том, как мы воспринимаем наши собственные нравственно-религиозные импульсы, как мы в собственной груди, в собственной душе, переживаем божественное, какое положение мы занимаем по отношению к тому, что Земля в самом глубочайшем смысле раскрыла как дух земного бытия: какое положение мы занимаем по отношению к глубочайшему смыслу христианства.

Таким образом, можно сказать: То, что тут ищется в самых широких кругах, вероятно, каким-то образом родственно этому становлению другим. И что же это, ставшее другим? - Ну, в последние столетия пришло время того, что очень часто называют эпохой интеллектуализма. Это был не тот интеллектуализм, не то абстрактное использование понятий, которое когда-то, в прошлые столетия, делало человека родственным со своим мировым окружением, вызывало доверие к нему, как я попытался в общих чертах это охарактеризовать. Только новый человек в продолжении развития человечества научился при рассмотрении мира, и даже при ощущении мира, с таким полным доверием обращаться к интеллекту, к разуму.

Теперь образовались два, связанные друг с другом, условия человеческой жизни: внутренне - интеллектуализм, доверие авторитету разума, понимания, и внешне - вера в явления природы, смысл для наблюдения явлений природы. Внутренне у современного человека возникла склонность всё подчинить власти разумного, понятийного,

интеллектуального рассмотрения. И тут само собой получилось так, что эта внутренняя способность оказалась применима, прежде всего, только к природным явлениям, ко всему тому, что может рассматриваться чувствами и анализироваться или комбинироваться в понятиях. Эти две вещи, я бы сказал, безупречное рассмотрение природного и формирование интеллектуального, были большими, значительными средствами воспитания последних столетий, которые оказали наибольшую власть на культурное человечество в 19-ом столетии, и плоды которых проявились в 20-ом столетии.

Присутствует, однако, та особенность, что когда человек предаётся понятийному, он становится в некотором смысле одиноким во внутренней жизни. Использование понятий имеет нечто такое, - что отчётливо проявляется в их образном характере, - что в определённом смысле становится чуждым непосредственному ощущению, что приобретает холодную, трезвую окраску, и что, в свою очередь, может правильно развиваться только, собственно, относительно внешней природы, относительно всего того, что окружает человека. И, благодаря такой связи, благодаря такому отношению человека к миру, вероятно, можно найти глубоко удовлетворяющее объяснение для природы, но таким образом нельзя, как раньше, найти самого себя во внешней природе. То, что в прошлые столетия излучалось для человека из цвета, из звука, из тепла и холода мира, из времён года, как духовно-душевное, он чувствовал, переживал как нечто родственное, как нечто, что живёт в собственном внутреннем. То же, что мы переживаем посредством интеллекта, всё внешне-природное бытие, я бы сказал, всё, что мы таким образом находим посредством интеллектуальных исследований в физике, химии и даже биологии, мы не можем непосредственно перенести своими чувствами в собственное человеческое. Конечно, мы можем стремиться биологически исследовать внутреннюю человеческую органическую структуру, мы можем попытаться даже исследовать химизм человеческого организма. Но мы никогда не сможем обнаружить, что то, что мы вносим из исследования внешней природы в понимание нашей собственной человечности, захватывает наше чувство, что оно в результате обобщается в некоем религиозном, этическом ощущении по отношению к миру, что в результате оно обобщается в некоем ощущении: Я есть член этого мира, он душевно-духовный и я душевно-духовный.

Это ощущение не высвечивается из того, что мы так великолепно смогли выучить в последние столетия посредством естествознания. И, таким образом, получилось так, что, как раз, то, что принесло человеку величайшие, важнейшие плоды, что преобразовало всё современное бытие, способствовало отчуждению человека от самого себя. То, что человек стоит так в мире, и может с восхищением смотреть на свои математические суждения о пространственном мире, о звездах и их движении, что он может с некоторым научным благоговением вникать в то, что живёт в растениях, животных и так далее, - всему этому, не смотря на все, ещё нерешенные проблемы, он обязан применению этого самого естествознания, использованию своего интеллекта, своего разума. Но к чему человек не мог прийти таким путём, так это к познанию самого себя. Та наука, которую мы имеем о звёздах, та наука которую мы имеем как физика и химия, та наука, которую мы имеем как биология, в наше время даже наука истории, ничего не говорят человеку о его глубочайшей тоске в отношении его собственного человеческого бытия. И поэтому всё больше и больше возникает этот поиск.

И этот поиск - ни что иное, как поиск современного человека самого себя. Если постараться обобщить ещё и то, чем является этот поиск в различных областях, то повсюду обнаружится: Собственно, люди ищут разгадку своего собственного Я, загадку человека. Это не просто то, что интересует, скажем, теоретика, а это нечто такое, что проникает вглубь всей человеческой душевной конституции. Конечно, для каждого, кто интересуется такими вещами, это порождает высшую степень тоски, когда исследование природы направляет его также к постижению того, что сокрыто за пределами природного бытия: существа человека, выходящего далеко за пределы того, что можно узнать во внешних царствах природы. И я хотел бы сказать: Здесь, собственно, только и начинается великая загадка.

Другое, что здесь имеется, заключается в том, что мы также и нашим чувствам, и всему нашему воспитанию позволили влиять на то, что проявилось таким образом в последние столетия. И внешняя жизнь является полным отражением этого. То, что произошло в духовной жизни в новейшем человеческом развитии описанным сейчас образом, отражается во внешней жизни больше, чем это принято считать.

Мы не только теоретически напрасно спрашиваем о человеке, о нет, мы сегодня проходим мимо человека, мимо друг друга, не достигнув под влиянием нашего современного образования способности понимать наших ближних внутренне, способности, со своего рода со-чувствием, как это было во многих древних культурах, заглядывать в то, что живёт в человеческой душе. Мы предъявляем к жизни много требований, но, как правило, мы проходим мимо друг друга. Благодаря вышеописанным причинам, мы потеряли не только теоретическое понимание человека, мы потеряли также осязающее понимание человека каждого часа дня, в продолжении которого мы соприкасаемся с другими людьми. И, возможно, ничто не может заставить нас больше обратить внимание на утрату этого понимания наших ближних, чем появление социального вопроса в его нынешней форме. Почему, собственно, так настойчиво звучит призыв к социальным реформам, к социальному обновлению? Он звучит так настойчиво по той причине, что мы, собственно, стали по-настоящему асоциальными людьми. По сути, человек всегда больше всего требует того, что ему больше всего не достаёт, и в громком призыве к социализму, для ушей, которые способны слышать непредвзято, собственно, сообщается то, что мы стали такими асоциальными людьми, что мы не понимаем друг друга, что мы не способны создать никакого социального организма, и что поэтому своим разумом, испытавшим такое развитие, своим интеллектуализмом, мы надеемся, что он, в свою очередь, всё же приведёт нас к такому социальному организму.

Именно, сам социальный вопрос показывает нам, насколько, собственно, чуждыми мы стали друг для друга. Религиозный вопрос выступает в наше время, да и в целый период новейшей истории, как раз, по той причине, что человек утратил непосредственное внутреннее переживание непосредственной связи с божественным ядром существа мира, переживание того, что то, что говорит в его собственном внутреннем, является выражением духовно-душевного. Из-за недостатка этого, в свою очередь, возникает призыв к религиозному обновлению.

Если мы с такой исходной точки взглянем теперь поглубже в жизнь, в нашу сегодняшнюю ищущую жизнь, то мы обнаружим, что интеллектуальная культура, интеллектуальное видение, которое постепенно позволило побледнеть даже человеческие чувства, по сути, есть нечто такое, что связано с определенным возрастом человека. Мы не должны впадать в иллюзию: отдельный индивидуальный человек пробуждается для интеллекта, по сути, только с половым созреванием, с возрастом юношества. Он пробуждается для интеллектуализма в то время своей жизни, из которого он должен выйти, чтобы работать в жизни. Но интеллектуализм - это не то, что может быть нашим собственным, что может приводить в движение нашу душу, когда мы являемся детьми, или когда, непосредственно после детства, мы находимся в школьном возрасте. В этом юношеском возрасте состояние души человека должно быть иным, чем оно может быть позже. И интеллектуальное, необходимое в жизни сегодняшнего человечества, не может изживаться, не должно изживаться в этом юношеском возрасте, поскольку оно должно было бы охлаждающим, убивающим, парализующим образом действовать на силы юношеского возраста. И, собственно, получилось так, - здесь нет необходимости рассматривать более интимные детали жизни, если мы хотим понять ищущую современность, - что мы растаем в культуру, которая, как ни парадоксально это не прозвучит, приносит нам в нашем зрелом возрасте прекраснейшие воспоминания нашего детства.

Если мы, в воспоминании, взглянем на то, что мы могли пережить как ребёнок, то то, что часто сидит в бессознательном, что может проявляться только в тёмных предчувствиях, воспоминаниях, иногда лишь в окраске мыслей и воспоминаний, мы не можем поднять в

сознание с необходимой степенью интенсивности, с необходимой степенью тепла. Мы приходим к тому, что мы не можем полностью понять самих себя. Мы смотрим на жизнь своего детства, как на загадку. Мы больше не понимаем, как говорить от нашего целого, от нашего полного человеческого бытия и вкладывать в язык, которым мы пользуемся как взрослые, те нюансы, которые позволяют этому языку взрослых пронизывать звуком то, что в своей живой мудрости переживает ребёнок, когда он направляет свой невинный взор на окружающий мир, когда в первые годы своего бытия он разворачивает свою волю.

Тот, кто не познает через историю, каким образом в более зрелом человечестве повсюду говорит его детское развитие, когда становится отзвучавшей речью зрелого человека, тот в действительности не изучает историю. Мы проводим детство бессознательно, но проводим его так, что в этой бессознательной жизни души ещё интенсивно присутствует то, что, посредством рождения, посредством связи с физической телесностью, мы приносим с собой, из духовно-душевной жизни, из предсуществующей жизни.

Тот, кто способен наблюдать за ребёнком, кто имеет душу и чувство для такого наблюдения, тому открывается величайшая тайна, когда он видит, как в этом ребёнке неделя за неделей проявляется то, что человек приносит с собой из духовно-душевного бытия в этот земной физической мир. То, что тут бессознательно воплощает и импульсирует в человеческие члены вечное, обеспечивает внутреннюю пронизанность душевно-духовным, позднее, однако, становится, как бы, охваченным охлаждающей субстанцией, когда на него накладывается то, что присутствует, собственно, только для земных дел, - когда на него накладывается интеллект.

Тот, кто сегодня в достаточной степени обладает самонаблюдением за этими интимными вещами, кто знает, что над тем, что хочет проникнуть из нашего детства в наше зрелое сознание, расстилается, словно тонкий туман, тот знает, как мы совершенно не можем вносить в свои ставшие старыми слова то, что так живо живёт в ребёнке, и что, - поскольку в этом действует душевно-духовное, - по сути, в ребёнке живёт больше духовно-душевного, нежели позже может жить в интеллектуализме.

Один известный писатель 18-19-го столетий сказал: В первые три года человек учится больше, чем за три академических года. - Я никак не хочу умалять академиков, поскольку я их очень ценю, только я тоже полагаю, что относительно всей нашей полной человечности в первые три года жизни, когда мы ещё сами, исходя из нашей бессознательной мудрости, формируем свой организм, мы учимся больше, чем когда-нибудь позже. Только в нашей нынешней культуре мы очень увлечены тем, чтобы забыть эти три наиболее важных года ученичества, по крайней мере, сделать их не такими живыми в том, что позже захочет выразить себя как выражение нашей зрелой культуры. Но это имеет глубочайшее воздействие на всю нашу культурную жизнь. Если мы не в состоянии придать нюансы, оживить, одухотворить нашу зрелую речь, наши мысли зрелой жизни тем, что пробивается из нашего собственного детства, поскольку интеллект, хоть и даёт образы, образы духовных миров, но не принимает саму духовную жизнь, - если мы не в состоянии это делать, то мы не можем также живым, интенсивным образом обращаться к юношеству. Тогда мы обращаемся из потерянного юношества к живому юношеству, которое нас окружает. И это то, что мы находим как ощущение сегодняшней молодежи, как - то чувство, которое молодёжь хочет выразить в своих поисках, и которое можно охарактеризовать примерно так: Вы, старики, говорите на непонятном для нас языке. То, что вы говорите, не находит никакого эха, никакого отклика в наших сердцах, в наших душах. - Поэтому такой призыв к культурному обновлению можно заметить именно в результате поисков нашей сегодняшней молодежи, и мы должны совершенно ясно понимать, что, возвращаясь к постижению духовного, мы должны также снова учиться правильно говорить с молодёжью, и даже уже с детьми.

Тот, кто пронизывает своё внутреннее тем, что антропософское духовное исследование хочет постичь не посредством абстрактных понятий, а в живом существе души, тот постигает то, что не стареет, он постигает то, что даже в зрелой жизни не лишает человека сил детства, и он ещё определённым образом чувствует более духовную стихию детства, юности,

проникающую в его зрелую жизнь. Тогда он находит также и слова для обращения к молодёжи, действия для того, чтобы быть с молодёжью. И, это, ведь, также то, что, благодаря констатации этого искания молодёжи, ведёт к тому, что было предпринято в штуттгартской вальдорфской школе, когда была сделана попытка осуществления школьной реформы, прежде всего, с помощью такого преподавательского состава, который находит возможность, исходя из духовного омоложения более поздних лет, снова говорить с детьми как с настоящими друзьями. Поскольку для того, кто кое-что приобрёл в жизни от действительной духовности, каждый ребёнок - это откровение, и он знает, что любой ребёнок, более юный или более зрелый, даст ему больше, - если он открыт для этого, - чем он может дать ребёнку. Как ни парадоксально это ни прозвучит, это, как раз, те нюансы, которые в этой области могут привести нас к, своего рода, культурному обновлению.

И если мы, как бы, позволим этому свету осветить нам то, что нам встречается в жизни помимо этого, то мы должны сказать: Если мы так ясно видим, что человек ищет и должен искать человека, а именно, ставший, благодаря интеллектуализму, односторонний человек, ищет целого, полного человека, то это сильно выступает перед нами сегодня и во многих других областях.

Если мы оглянемся, как раз, на то время, когда возникли великие достижения современной культуры, которые не могут быть оценены в достаточной мере, мы увидим, что эта культура могла быть достигнута, только благодаря тому, что человек что-то отдал от своей целостной человечности. Человек смотрел в мировое пространство. Он мог создать инструменты, посредством которых ему открывалось существо и движение звёзд. Только в продолжении столетий то, что при этом выступало перед человеком, стало, по сути, тем, что дало ему математически-физическую картину мира. Сегодня у человека уже нет никакого ощущения того, что когда-то он видел в движении звёзд откровения духовного в космосе, так же, как сегодня он видит откровение духовного, душевного, в человеческой физиогномике. Сухое, старое, хотя и недостаточно оценённое математически-механическое является нам в космосе. Мы смотрим наверх и видим, по сути, некий огромный мировой механизм. Всё больше и больше возникал идеал повсюду в нашем рассмотрении мира видеть этот огромный мировой механизм. И что же из этого получилось сегодня?

Возможно, многим нашим современникам это ещё покажется парадоксальным, только я думаю, что для непредвзятого наблюдения это бросается в глаза повсюду: Сегодня, исходя из социальной жизни человека, то, что окружает нас повсюду, что представляет собой наша современная культура, отвечает взгляду мирового механизма. Поскольку сегодня наша общественная жизнь, а также наша этическая жизнь, наша юридическая жизнь и даже наша религиозная жизнь до известной степени, как я вскоре покажу, стали механистическими.

Мы видим, как миллионы и миллионы людей живут с воззрением, что в историческом развитии человечества не существует духовных сил, а есть только экономические силы, и то, что живёт в искусстве, религии, морали, науке, праве и так далее, является в известной степени туманом, который поднимается из того, что разыгрывается в единственной исторической реальности, в экономической жизни. Реальностью являются хозяйственные формы, и в процессе воздействия на человека этих хозяйственных форм, - так говорят сегодня многие, и надо только иметь сердце, чтобы ощутить трагичность этого высказывания, - возникает то, что человек формирует как право, нравственность, религию, искусство и так далее, и это идеология. Таким образом, мы вступили на путь, который, хотя и принес нам великие вещи в европейской духовной жизни, но который сегодня пришел к противоположному полюсу того, что было в старые, лучшие времена в восточной культуре, - ведь, сегодня в упадке оказалась и восточная культура. Там - односторонность, но теперь односторонность и у нас.

Вспомним, однако, что когда-то в земной жизни, прежде всего на Востоке, существовало человечество, которое обозначало внешний чувственный мир как майю, как великую иллюзию, как просто кажущийся мир, а то, что человек пробуждает внутри себя, то, что он думает, что он чувствует, что он ощущает, что живет в его волевых импульсах,

рассматривал как единственную действительную реальность. Когда-то была эта другая односторонность, когда, заглядывая в своё внутреннее, в мире своих мыслей, чувств, ощущений человек видел истинное бытие, а снаружи - майю, великую иллюзию. Сегодня мы пришли к противоположному одностороннему рассмотрению. С точки зрения современной культуры мы повсюду в нашем окружении видим материальный чувственный мир, и называем его действительным бытием. И миллионы людей видят это действительное бытие только в чувственно воспринимаемых экономических процессах, а то, что живёт внутри человека, также как и то, что в качестве культурного развития человек позволяет выйти из своего внутреннего, называет идеологией. Это, по сути, то же самое: то, что Восток когда-то называл майей, иллюзией, миллионы и миллионы людей сегодня называют идеологией; это просто другое слово, используемое в противоположном смысле. Идеологией житель Востока мог бы обозначить внешний мир, а реальностью - своё внутреннее. В пределах нашей культуры мы пришли к тому, что несчётное количество людей настаивает на противоположной односторонности.

И таким образом, как раз, в нашей социальной жизни мы видим выраженным то, о чём мы можем сказать: Наука принесла значительный триумф мыслительному человеческой жизни, и трудности для нравственной, социальной жизни. Но то, что стоит перед нами, эта механизация жизни, она живёт не только в идеалах миллионов, она, ведь, присутствует также и в реальности. Наша внешняя жизнь механизировалась, и сегодня мы стоим с нашей культурой в том времени, которое даёт человеческий ответ в социальной, в этической, в религиозной жизни. То, что в великое время Галилея, Коперника, Джордано Бруно вначале образовалось как мировоззрение, в общем, однако, требует того, чтобы оно было пронизано человеческим иначе, нежели оно могло быть пронизано раньше. Поскольку механизм нашей человеческой жизни является, как бы, культурным ответом на механизм нашей мыслительной, нашей интеллектуальной и научной жизни.

И мы видим это во всех деталях. Мы изучаем сегодня естествознание. Мы изучаем ряд животных, от самых низких, самых простых, самых несовершенных до человека. Затем, научным образом, мы помещаем человека в конец этого ряда. Что мы узнаём о нём, благодаря этому? Благодаря этому, мы узнаём, что он является высшим животным. Конечно, в определённом смысле это важно, но, ведь, мы узнаём его только в его отношении к другим существам, мы не узнаём его так, как он переживает себя сам. То есть, мы узнаём то, что человек развил в отношении к другим существам, но не то, чем он является в отношении самого себя. Рассматривая новейшим образом внешний мир, человек теряет себя. Поэтому возникает поиск человека, поскольку человек, как раз, благодаря величайшим достижениям новейшего времени, определённым образом теряет себя. И если мы взглянем тогда на совместную жизнь людей в социальном организме, то мы, ведь, обнаружим, что в этом социальном организме люди должны вести совместную жизнь посредством того, что они друг для друга делают. Относительно этой необходимости новое время продвинулось очень далеко. В самых различных областях общественной жизни произошло разделение труда. Что касается внешней, механизированной жизни, то мы должны работать так, чтобы действовало: все за одного, один за всех! - В отношении внешней жизни мы должны были научиться работать друг для друга.

Но и здесь, в свою очередь, обнаруживается то, что для тех, кто не хранит старые традиции, а врос, как раз, в самую современную форму жизни, эта человеческая работа совершенно оторвалась от человека, что наше познание даёт нам, собственно, лишь природу внешнего человека. Таким образом, наше представление, наше восприятие человеческого труда, посредством которого мы должны помогать нашим ближним, посредством которого мы должны работать вместе с нашими ближними, стало внешним. Мы не смотрим на то, что достижения человека развиваются из его душевно-чувственно-духовного бытия, что работа отрывается от человека, который близок нам в отношении чувств, который является таким же существом, как и мы, мы не смотрим на них с тем чувством, что он делает для нас работу. Нет, мы смотрим сегодня в социальной жизни на продукт, мы смотрим на то, сколько

человеческого труда вложено в него, и судим о человеческом труде по тому, в какой мере мы находим его в продукте. Это настолько укоренилось, что Карл Маркс, развивая это великое заблуждение современности, вообще всё, что циркулирует как человеческая работа в товарах, в продуктах, и должно быть создано для использования и потребления человеком, назвал кристаллизованным, овеществлённым (vergegenständlicht) трудом. Мы судим о работе в отрыве от человека, так же, как мы приобрели способность наблюдать природу в отрыве от человека. В нашем суждении о человеческих достижениях мы действительно стали заражены тем, что мы научились знать о человеке, и рассматривать его, как природное существо. Мы добираемся лишь до природного в человеке, как бы, только до того, что человек есть высшее животное, мы не проникаем в глубины внутреннего человека.

Но даже когда мы смотрим на человека за его работой, мы не смотрим на то, как исходит из него эта работа, а мы ждём, пока не появится продукт, созданное, и в этом обособленном от человека ищем только работу. И тогда стоит тут среди нас человек как социальное существо, знающий, что он должен вкладывать в работу своё человеческое существо, да, часто и своё человеческое достоинство, и он видит, что ценится не это человеческое достоинство, не то, каким образом эта работа исходит из человека, а эта работа оценивается только тогда, когда она перетекла во внешнее достижение, которое потом выходит на рынок, когда эта работа, как нечто такое, что опустилось в товар, стала, как бы, покупаемой. Таким образом, мы видим, что человек потерял себя и в этом отношении, что в механизме сегодняшней культуры человек, как бы, теряет часть своего существа, своего труда.

Это мы, прежде всего, видим в правовой части социального организма. Если же мы посмотрим на то, как протекает наша духовная жизнь, то мы увидим, что дух присутствует только в абстрактных мыслях, что мы доверяем только этим абстрактным мыслям, что мы отошли от того, что дух живёт непосредственно в нас, что дух входит, когда мы им занимаемся, что наша душа наполнена не только мыслями, но реально пронизана духом, когда мы отдаёмся духовной деятельности. Эту связь с духом человечество утеряло с утверждением природного воззрения. - Это относительно духовной жизни.

Относительно правовой, социальной, государственной жизни, мы видим на примере с работой, как то, что связано с человеческим существом, оторвано от этого человеческого существа. Когда мы наблюдаем человеческую душу во взаимодействии человека с человеком, мы не видим, как загорается и согревается чувство, когда человек созерцает работу другого. Не возникает тепла по отношению к работающему человеку. Мы не видим, глядя на человека, развивающейся работы, нет, мы видим то, в чём уже не может разгореться и согреть совместное чувство, мы видим работу после того, как она покинула человека и перетекла в продукт. Так что мы теряем человека и в этой области, в области правового сосуществования.

Окинем теперь взглядом область экономической жизни. В области хозяйственной жизни человек, ведь, должен обеспечить себя тем, что ему нужно для своего потребления. То, что нужно человеку для своего потребления, есть, ведь, ни что иное, как то, для чего он развивает свои способности. Человек сможет вести дела для других людей, для себя, для всего человеческого общества тем лучше, чем больше он сможет развить свои способности. В хозяйственной жизни важны способности. Тот, кто является наемным работником, будет смотреть на того, кто является нанимателем, - если дело преимущественно идёт о людях, - так, чтобы найти свою собственную выгоду при усердном, способном нанимателе. Это уже вполне может быть достигнуто, поскольку тот, кто должен позволять собой физически и духовно руководить, очень скоро увидит, что ему лучше работать у более способного, нежели у менее способного. Но направлено ли наше нынешнее хозяйственное устремление на то, чтобы прежде всего смотреть на хозяйствующее человечество, и затем повсюду спрашивать: Где наибольшие способности? - Смотреть на это живое в человеке, на это чисто человеческое, и помещать человека в хозяйственную жизнь согласно его способностям, чтобы он мог делать лучшее для своих ближних, - этого смогла бы достичь культура,

воззрение, которое может найти человека в человеке. Но в том-то и особенность, что наша культура, как раз, не может найти человека в человеке, что мы постепенно — и это очевидно для непредвзятого взгляда - утратили возможность правильно судить о людях по их способностям.

Определённо, та сущность, через которую должны проявляться человеческие способности, система экзаменов, развилась в нашей современной культуре. Но речь здесь идёт не о том, чтобы действительно выяснить, каким образом человек лучше всего может действовать в жизни, поскольку ставшая механической жизнь вначале требует нечто другое. Ведь, сегодня часто звучит призыв, в соответствии с потребностями ставить лучших людей в нужное место. Только пока это остается благим пожеланием, и мы видим, что хозяйственная жизнь, прежде всего, - так же, как и другие области, такие как интеллектуальная жизнь и юридическая жизнь - обособляется от человека. Мы не смотрим в первую очередь на человека, на его живое внедрение себя в хозяйственную жизнь, а мы смотрим на то, как он лучше всего может соединить с собой нечто, что, собственно, не является человеческим. Хозяйственную жизнь мы также видим отдельной от человека. Поэтому неудивительно, что призыв к обновлению нашей современной культуры во всех областях жизни проистекает из поиска человека.

И, наконец, в культуре дело обстоит точно так же. Если мы оглянемся назад, на греческую культуру, то греческие трагедийные поэты кажутся нам сегодня такими, будто они сочиняли свои драмы так же, как это делают сегодня. Но взгляд на жизнь греков был совершенно не таким, как сегодня. Грек говорил о катарсисе, об очищении, которое должно происходить посредством драмы. И что же он понимал под этим катарсисом, под этим очищением? Он понимал это так, что человек, принимавший участие в представлении такой трагедии или какой-то другой пьесы, испытывает в своей душе нечто такое, благодаря чему переживаются притворные страсти. И это переживание оказывает очищающее и тем самым целительное действие на весь организм, вплоть до физического, но прежде всего на душу. И самое главное в греческой драме было нечто такое, что было таким же высоко духовным, как, я бы сказал, медицинский импульс. В том, что грек хотел дать своим ближним в своем высокохудожественном совершенстве, он видел своего рода целительный процесс. Разумеется, мы не можем снова стать греками. Это служит только иллюстрацией того, что мы действительно погрузились в механизацию жизни, которая определённым образом отрицает человека, и того, что вполне можно объяснить волны глубокой тоски, которые прокатываются по сегодняшнему миру в виде поиска самого человека.

Ни к чему иному, как к службе этому поиску, стремится, исходя из антропософской духовной науки, то, что называют «Трёхчленностью социального организма». Она во многих отношениях понимается неправильно. Но она ищет ни что иное, как пути, способные вести к тому, чтобы в духовной жизни снова смог быть найден не просто абстрактный дух, не только размышления о духе, не только бледный мыслительный мир, а живой дух; что в правовой государственной жизни снова смогло быть найдено не просто то, что, например, как работа перетекает в продукт, а человеческое признание работы, - то человеческое признание работы, которое возникает в совместной жизни людей, когда один человек предстаёт перед другим человеком в своей чистой человечности. И в хозяйственной области эта трёхчленность социального организма ищет такие ассоциации, где люди объединяются как потребители, как производители, а именно так, чтобы иметь возможность ассоциативно вести хозяйственную жизнь, исходя из своих различных, человечески интересов.

Мы оцениваем экономические потребности только согласно механизму рынка. Ассоциации должны образовывать связь живых людей, осознающих потребность, организм, способный регулировать условия производства, исходя из совместной жизни людей, и, исходя из знания потребностей этой совместной жизни. Таким образом, эта трёхчленность социального организма стремится привести эти три члена - духовную жизнь, правовую жизнь и хозяйственную жизнь - в такую связь, в такое соотношение, чтобы повсюду могло быть найдено человеческое: в свободной духовной жизни, которая не служит хозяйственным

интересам, и не должна из них исходить, которая совершенно не служит государственным интересам, и не должна из них исходить, а должна опираться на саму себя и наилучшим образом служить развитию человеческих способностей. Эта свободная духовная жизнь стремится показать человеку человека. Так, чтобы человек смог бы найти в этой свободной жизни человека, чтобы он снова пережил бы дух и, благодаря этому, гармонично развил бы свои способности, и с такими развитыми способностями он мог бы наилучшим образом плодотворно участвовать в государственной жизни и в экономической жизни. Если хозяйственная жизнь, если государственная жизнь диктует, какие способности должны быть развиты, то они и сами не смогут развиваться. Если они оставят духовную жизнь совершенно свободной, так чтобы она из своих собственных недр давала бы то, что каждая отдельная индивидуальность приносит в бытие из духовно-божественных миров, тогда в самом широком смысле могут быть оплодотворены и другие области жизни. Государственная жизнь должна формировать то, что может развиваться в виде правового чувства, моральной конституции, когда человек выступает перед другими как равный среди равных. Хозяйственная жизнь, с помощью ассоциаций, должна находить людей в экономической жизни в соответствии с их потребностями и способностями. Трёхчленность социального организма не имеет целью механистического разделения трёх областей, но пытается через относительную самостоятельность этих трёх членов достичь того, чтобы человек, посредством эти трёх областей жизни, снова смог обрести полную человечность, которую он, по сути, утратил, и в поисках которой он находится.

В таком смысле, конечно, можно говорить о необходимости культурного обновления, которая особенно проявляется при более глубоком взгляде на внутреннее человека, на то место этого человеческого внутреннего, где человек, если он хочет быть полным человеком, если он хочет в полной мере ощутить свое человеческое достоинство и свою мировую ценность как человека, должен соединиться с божественно-духовным, где он должен почувствовать и пережить своё вечное бытие, то есть, когда мы рассматриваем религиозную жизнь людей. Я просто хочу сказать, что это соответствует убеждениям антропософской духовной науки, я не хочу никому навязывать это особое решение, как раз, в отношении сегодняшней темы. Но в этой антропософской духовной науке прежде всего делается попытка узнать, каким образом в человеческое земное развитие поставлено христианство. То, что можно постигнуть в духовном мире антропософским путём, указывает на Мистерию Голгофы. Историческое развитие прослеживается в связи с этой Мистерией Голгофы.

Тут духовное рассмотрение человеческой истории показывает, что в древности человечество обладало, - однако инстинктивно, - своего рода, пра-откровением, некоей первобытной мудростью, и что эта мудрость постепенно все более и более угасала, бледнела, и эта бледность становилась всё больше и больше. И если бы ничего не произошло, если бы земная жизнь в определённой точке времени ни была бы оплодотворена внеземным, мы были бы сегодня внутри бледной, лишённой мудрости духовной жизни, которая не могла бы иметь ничего общего с теплом нашей душевной жизни. Тут духовная наука в антропософском смысле опять же может указать на человека Иисуса, который в начале нашего летосчисления жил на земле Палестины. Мы видим, что сегодняшнее внешнее христианство всё больше и больше рассматривает этого человека Иисуса как просто человека, в то время как в более ранние времена в этом человеке Иисусе видели существо, которое соединилось с этим человеком Иисусом из духовных, внеземных миров и, благодаря этому, стало Иисусом Христом. Желая исследовать внеземное посредством духовного рассмотрения, духовная наука стремится указать не только на человека Иисуса, но на Христа, который в качестве внеземного принципа спустился с небесных высот в человеческую жизнь посредством Мистерии Голгофы. И развитие человечества на Земле со времен Мистерии Голгофы стало другим по сравнению с тем, что было раньше. Произошло оплодотворение через небесные миры.

Глядя все больше и больше только на человека Иисуса, сегодняшний человек из его сегодняшней культуры, по сути, теряет то единственное, что может удовлетворить его

правильную религиозную склонность, когда он смотрит на Христа Иисуса. Глядя только на человека Иисуса, он теряет также и то, что могло бы иметь для него особую ценность в этом человеке. Поскольку, ведь, человек потерял человека. Он не знает также и то, как правильным образом религиозно искать этого человека в Иисусе из Назарета. Однако, антропософская наука, углубляя духовно-религиозную жизнь, и тем самым, в свою очередь, открывая также источник религиозного благочестия, то есть, позволяя искать в человеке божественное человека, - эта антропософская наука снова находит в человеке Иисусе сверхземного Христа и, в истинном смысле этого слова, проникает к Христу. Это не умаление Мистерии Голгофы, когда она говорит: То, что прежде было внеземным, спустилось на Землю. - И что же переживает человек с таким устремлением в период сегодняшней культуры?

Ну, как раз, относительно этой склонности антропософской духовной науки к внеземному рассмотрению приводится возражение: Эта антропософия не христианство и не может им быть, поскольку на место чисто человеческого в Иисусе Христе она ставит сверхземное существо, космическое существо. Это находят даже обидным, что Христос должен был спуститься в Иисуса из космических небес. Почему же это так? Это так по той причине, что, глядя в небесные дали, человек, вплоть до религии, вплоть до религиозного ощущения, видит только математически-механический космос, только огромную машину. И поэтому даже религиозный человек, даже тот, кто сегодня хочет изучать религиозное, полагает, что если он будет искать Христа до Мистерии Голгофы в мировых просторах, то этим он будет механизировать религию. Духовная наука не механизует религию, не дехристианизирует христианство, а, как раз, христианизирует внешнюю жизнь, показывая: Там, в космосе, не просто механизм, не просто то, что можно узнать посредством математики и естествознания, там - духовность. - В то время как сегодняшний теолог полагает, что антропософия представляет Христа, сходящим к Иисусу из холодного мирового пространства, с Солнца, правда заключается в том, что антропософия, как раз, хочет видеть духовное также во внеземном, и считает, что Земля была осчастливлена тем, что небо оказало на неё такое влияние, что это существо, придавшее Земле смысл посредством Мистерии Голгофы, спустившись с небесных высот, соединилось с земной человеческой эволюцией.

Фактически, духовная наука как антропософия пытается снова оплодотворить религиозную жизнь, пронизать её теплом, вернуть человека к первоисточнику божественного. И она пытается сделать это, прислушиваясь к тому, что лежит в этом призыве к обновлению нашей культуры.

Сегодня у нас есть великолепная наука, мы с восхищением стоим перед этой великой наукой нового времени, которая достигла таких великих вещей по отношению к нашей современной культуре. Но мы видим, как рядом с этой наукой звучит призыв к религиозному обновлению, к новому религиозному углублению. Таким образом, мы хотим, собственно, с одной стороны, иметь науку, которая не хочет иметь ничего общего с религией, и наряду с этой наукой у нас должно быть религиозное обновление. Это мечта многих. Но это напрасные мечты. Поскольку содержание религии никогда не сможет появиться из чего иного, кроме того, что когда-то считалось знанием. И если мы оглянемся назад, на времена, когда религии жили полной жизнью, то в этих религиях всегда содержалось то, что в соответствующее время одновременно служило содержанием науки, только особым образом, в виде почитания, дыхания благочестия, дыхания самоотдачи, и обычно, - что чрезвычайно важно, - в виде почитания, прежде всего, своего особого основателя религии. Поэтому наше время, наша культура, также не будет счастлива с религиозным содержанием, которое не находится в гармонии с тем, что оно может знать.

Поэтому антропософская духовная наука ищет не религию рядом с наукой, а она пытается поднять саму науку настолько, что эта наука снова сможет стать религиозной. Она ищет не лишённую религии науку и, наряду с ней, лишённую научности религию, она ищет науку, которая из самой себя, из своего собственного источника, сможет осуществлять религиозную жизнь, поскольку она ищет науку, не покоящуюся односторонним образом на

интеллекте, а покоящуюся на полном целостном человеке, на всём, что живёт в человеке. Такая наука не действует на религиозную жизнь разрушающим образом, и, прежде всего, она не действует разрушающим образом на христианскую жизнь, наоборот, оно осветит её так, что в том, что вошло в земную эволюцию как Мистерия Голгофы, можно будет увидеть вечный, сверхчувственный смысл, которым человечество было одарено этим событием. И из рассмотрения Мистерии Голгофы, чувственно, и моральным образом в воле, будет исходить религиозный энтузиазм, а также внутреннее религиозное ощущение счастья, которые не могут быть разрушены, но могут быть правильным образом освещены тем, что можно узнать о вхождении Иисуса Христа в земное развитие человечества.

Так эта духовная наука пытается прийти на помощь в поисках человека. Как уже было сказано, это должно было лишь в некоторой степени послужить внесению крошечного вклада к поставленному сегодня вопросу о культурном обновлении. Это должно было послужить лишь представлению того, какой смысл, глубокий внутренний, человеческий смысл имеют те стремления, которые могут быть выражены в таком вопросе, как обновление нашей культуры.

И это рассмотрение должно было также показать, что этот призыв к культурному обновлению является в то же время призывом к познанию, к обновленному чувству того, что является подлинно человеческим, и насколько правильно то, что вопрос о сущности этого поиска культурного обновления, по сути, заключается в том, что мы стремимся к полному ощущению человека, к полному переживанию человека. И можно считать, что мы придём к интерпретации сегодняшнего, во многом неопределённого призыва к обновлению культуры, если скажем себе, что этот призыв действительно значительным образом соответствует сегодня призыву, звучащему нам ещё из древней Греции: Человек, познай самого себя.

Конечно, к этому вопросу приложили свои благороднейшие устремления века и тысячелетия. Однако, сегодня это в большей степени величайший вопрос судьбы. И отдельный человек - полагаю, что я немного пояснил это - может ответить на вопрос: Как должна быть обновлена культура? - примерно в следующем направлении: Каким образом, исходя из этого стремления к полному человеку, мы можем найти самого человека, чтобы этот человек мог полностью посвятить себя миру и своим ближним, чтобы он мог снова найти своё удовлетворение в моральном, социальном, в познании и в религии? - Мне кажется, это и есть вопрос обновления нашей культуры.

Иисус или Христос

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ
29 ноября 1921 года

Разумеется, я чувствую себя здесь, в Норвегии, гостем и, прежде всего, должен от всего сердца поблагодарить оратора, обратившегося ко мне с такими искренними словами, и всех вас, проявивших интерес к тем рассмотрением на заданные темы, которые я мог провести перед вами в это короткое время. Предварительно я хотел бы отметить, что в рамках теологического движения я чувствую себя, собственно, гостем вдвойне, поскольку в рамках антропософского движения я всегда должен был подчеркивать, что антропософия совершенно не хочет быть каким-то новым религиозным движением, а тем более какой-то

сектой, что она хочет развиваться в настоящем времени из общего научного движения. Она хочет найти соответствующие методы для исследования сверхчувственных фактов человеческой или мировой жизни. И только настолько, насколько область теологии принадлежит области исследования вообще, она также в определённом смысле побуждается, когда её об этом просят, привести в теологическое исследование то, что, по её мнению, она может привести в этом направлении с помощью методов сверхчувственного исследования. Поэтому также, когда ко мне сейчас в Германии обратилось большее количество молодых теологов, я сказал: я хочу служить только тем, что могу предложить, исходя из антропософии. Но то, что необходимо сегодня в теологически-религиозном движении, должно осуществляться теми личностями, которые стоят внутри этой теологической или религиозной жизни.

Но, как раз, стороны этой жизни против антропософии выдвигаются обвинения, что она со своими исследовательскими методами хочет подняться в сверхчувственные миры, что она хочет развить определённые, иначе скрытые в человеке познавательные силы, чтобы с исследовательскими целями проникнуть в эти сверхчувственные миры. Как раз, со стороны теологии слышатся голоса, что она против религиозного настроения, против религиозного благочестия, и что она должна быть отвергнута, прежде всего, христианской теологией. И в последнее время то, что здесь имеется в виду, выражается таким особым образом, что говорится: Религия должна работать с иррациональным, с тайной, которую непозволительно обнажать посредством рационализма. Она должна работать с тем, что не хочет быть понятым, а хочет быть почитаемым в глубоком, полном доверия благочестии, как раз, как не постигаемое. Использовались даже слова: Христианству нужен парадокс, чтобы иметь возможность достаточно интимно и, исходя из непосредственного человеческого доверия, вести и формировать истинно христианско-религиозную жизнь.

Если бы антропософия стремилась к рационализации иррационального, особенно в вопросе о Христе-Иисусе, к опусканию до трезвого понимания того, что содержится в Мистерии Голгофы, то возражения, сделанные в этом направлении, вероятно, были бы правильными. И эти возражения дополняются ещё и другим. Антропософия, поскольку она не является ни гнозисом, ни мистицизмом, ни не историческим ориентализмом, смотрит только на историческое становление в человеческом развитии. Гнозис неисторичен, мистицизм неисторичен, все восточные мировоззрения в определённом смысле неисторичны. Относительно этой методологической точки зрения, антропософия является насквозь западным мировоззрением, и она принимает историческое развитие как нечто реальное, как к этому привыкли в европейской научной жизни. И поэтому она считает абсолютно необходимым поместить личность Иисуса в историческую жизнь человечества. Она знает, что содержится для человечества в историческом Иисусе, и ей нужно только, по причинам, которые я хотел бы обсудить сегодня, от наблюдаемого в земной жизни человека, Иисуса, подняться к надземному, внеземному, космическому существу Христа, которое воплотилось в человеке Иисусе, и говорить об Иисусе Христе в определённом смысле как о действительно двойном существе.

Там говорится, что то, что антропософия говорит о космическом, даже теллурическом Христе, не имеет отношения к религиозному чувству современного человечества, поскольку современное человечество, если речь идёт об историческом развитии, хочет ограничить свое восприятие земным, и в космическом Христе, наряду с историческим Иисусом, уже просто не нуждается.

Поэтому, первое, что мне предстоит показать, так это то, как антропософия со своей стороны вообще должна вести себя по отношению к фактам мира, и как она, исходя из своих методов исследования, приходит к совершенно особой позиции по отношению к Мистерии Голгофы.

Ведь, прежде всего, антропософия пытается совершенно конкретным, лишённым иллюзий и ясно очерченным образом понять то, что сформировалось в европейском человечестве, особенно с середины 15-го столетия, в виде, как я хотел бы это назвать,

«объективного познания». Посредством этого объективного познания уже великолепным образом была объяснена, систематизирована и исследована в своих закономерностях природа, - а идеал естествознания по праву идёт гораздо дальше, - и побочным эффектом, субъективным параллельным явлением расширенного естествознания оказалось то, что человек по отношению к этому познанию стал рационалистичным, я бы мог также сказать, абстрактным. Мыслительный мир всё больше и больше приобретает просто характер картинки. Если мы вернемся назад, за пределы 15-го века, то повсюду обнаружим, что мир идей не имел ещё того образного характера, того абстрактного характера, лишь обозначающего реальность, не желая вмещать её в себя, какой он принял затем с середины 15-го столетия, особенно со времен Галилея, Джордано Бруно и так далее. Сегодня идеи значат для нас не больше, чем картину реальности. Если мы вернемся во время до 15-го столетия, то тогда у человека ещё было ощущение, что когда он предаётся мыслям идей, в него самого входит действительная духовная реальность. Человек имел не только абстрактный мир идей, он имел наполненный духом, пронизанный реальным духовным, мир идей.

В отношении рационализма, в отношении естествознания новейшие века достигли грандиозных результатов. И мы всё больше и больше видим, как и другие науки, исторические науки, становятся подвержены влиянию того настроения, того способа мышления, которые действуют там. И тот, кто в продолжении последних столетий проследит за изменением методов исследования также в теологии, сможет увидеть, что исследовательские установки определенно сдвигались в сторону естествознания, поскольку история в новейшее время стала определенно носить печать естественнонаучного способа мышления. Так христология постепенно превратилась в историческое «исследование жизни Иисуса». Это прекрасно видно из всего хода духовного развития нового времени. Надо понимать, что это должно было случиться. Но нужно также понимать, что это направление, если проследить его дальше, в то же время подходит для того, чтобы забрать Христа из христианства, и всё больше и больше приближаться к тому, что может дать религии нейтральный историк, вроде Ранке (Ranke), который вписал личность Иисуса в историческое становление как благороднейшее существо, когда-либо ступавшее по земле. Теология всё больше и больше приближается к историческому исследованию, и сегодня мы находим большое количество теологов, которые по своим исследовательским установкам и методам исследования мало отличаются от историка ранга Ранке.

В противоположность этому антропософия утверждает, что определённые силы познания, которые у людей в обычной жизни и в обычной науке остаются скрытыми, которые не осознаются, но которые имеются у каждого человека, могут быть извлечены из сознания, что эти познания затем выводят из простого мира чувств и ведут к тому, что человек своим познанием может постичь сверхчувственные миры так же, как человек, одаренный чувствами, может постичь мир чувств. Тогда, посредством рассмотрения, которое теперь не является больше объективным, и которое также не имеет больше ничего общего с обычным рационализмом, но которая гораздо больше приближается к реальному переживанию, человек подступает к сверхчувственному миру.

Но очень часто встречается заблуждение, когда полагают, что характерные свойства познания, в том виде, в каком они содержатся в естествознании и в рационализме, антропософия хочет перенести также в сверхчувственную область, то есть, что она сама есть нечто рациональное, что она искореняет иррациональное, парадоксальное, тайное, и требует логического одобрения для того, что она хочет рассматривать как Мистерию Голгофы, а не того добровольного доверительного одобрения, основанного на почитании, которое должно оставаться в религии. Но когда из естественнонаучного, исторического познавательного слоя, если так можно выразиться, поднимаются к сверхчувственному познавательному слою, вся картина мира, а также сам человек, полностью меняются. Если мы хотим представить важнейшие характеристики - я могу здесь только упомянуть эти вещи, - этих обычных объективных, признанных сегодня научных методов, то они таковы, что для того, кто

действительно честно и последовательно, вплоть до окончательных выводов, практикует это естествознание и этот рационализм, мир раскалывается на две области. На эти две области не всегда обращают внимание, потому что присутствует некий внутренний бессознательный страх перед тем, чтобы сделать эти окончательные выводы. Но тот, кто, подобно мне, встречал людей, глубоко страдавших от этой, я бы сказал, двухчленности человеческой природы, которые также своей душой, своим религиозным ощущением дошли до окончательных выводов современного мышления, и кто видел, какая душевная боль, какая духовная дезориентация, как раз, в отношении глубочайшего религиозного чувства, может быть связана с этим дуализмом современного рационалистического естествознания в его отношении к человеку, тот всё же будет склонен подумать над тем, как из этого дуализма, как раз, на религиозной почве, возникло знание. Поскольку естествознание оказывает слишком большое влияние на человеческую душу (Gemüt). Человек чувствует слишком большую ответственность по отношению к взглядам этого естествознания, чтобы не желать копировать другие естественнонаучные методы, если уж они должны быть надёжными, а именно, естественнонаучно-исторически-реалистические методы.

Но к чему ведут окончательные выводы этих методов? Они ведут к глубокому разрыву, к действительно непреодолимому внешним объективным познанием разрыву, между тем, что мы должны признать как естественнонаучную необходимость, и тем, что мы постигаем в морально-этической жизни, - тем, что только и даёт нам наше истинное человеческое достоинство. И эта морально-этическая жизнь, если она правильно переживается, является нам как непосредственное истечение божественного, то есть, ведёт нас к религиозному благочестию, к самой религиозности. Но глубокий разрыв между этой этически-религиозной жизнью и тем, что для физического человека открывает познание природы, хотя и может быть скрыт за туманом для человеческого взгляда, поскольку присутствует некий внутренний бессознательный страх, но для того, кто честно подходит к человеческой природе, его всё же нельзя преодолеть самим естествознанием. Поскольку, с одной стороны, имеется обоснованная естественнонаучная гипотеза возникновения Земли, теория Канта-Лапласа; сегодня она модифицирована. Я, конечно, не буду говорить о ней подробно. Но и в этом модифицированном виде она стоит там как нечто такое, что в начале мира безразлично к человеческой эволюции, в которой возникают этико-божественные идеалы, которым отдаются как некой определённости, которая, однако, живет только в образах. И если, в свою очередь, с естественнонаучной точки зрения взглянуть на конец Земли, то нам предлагается обоснованная естественнонаучная гипотеза, учение об энтропии, которое говорит о тепловой смерти Земли. То есть, исходя из естественнонаучной необходимости, мы поставили человека между Кант-Лапласовским мировым туманом и тепловой смертью. Он живёт в этом промежутке, предаётся своим этически-религиозным идеалам, в конце концов находя их разоблачёнными как иллюзии, поскольку в конце земного развития стоит тепловая смерть, огромный труп, который похоронит в себе не только всё земное физически-эфирное, но и всё то, что содержится в этических идеалах.

Воистину, не из религиозного рационализма, а из знания, которое приходит ко мне элементарно-познавательным путем, я должен причислять к туману, - благодаря которому приходят в заблуждение относительно того, с чем сталкивается человек, и с самыми болезненными душевными переживаниями, которым он только может подвергаться, - также и то, что искали как отговорку, которой ещё не было во всех старых религиях, а также в первые времена христианского развития: различие знания и веры. Поскольку знание, посредством той власти, которую оно должно оказывать на человеческую душу (Gemüt), постепенно становится молохом, который, в конце концов, должен поглотить веру, если эта вера не сможет опереться на реальное сверхчувственное знание, которое, в свою очередь, может приблизиться и к чему-то такому, как Мистерия Голгофы.

И тогда антропософия должна обратить внимание на то, как то, что даёт жёсткая естественнонаучная необходимость, становится для сверхчувственного познания простым феноменом, как мир, который мы видим глазами и слышим ушами, восходит к

феноменализму. Сегодня я могу эти вещи лишь более или менее реферировать, но антропософия пытается доказать, что в том, что мы видим, мы вовсе не имеем дела с материальным миром, а мы имеем дело с миром феноменов. И в сверхчувственном познании чувственный мир, как бы, утрачивает свою жёсткость, плотность, но, с другой стороны, и этически-религиозный мир утрачивает свою абстрактность, отрешённость от своей чувственной необходимости. Оба мира приближаются друг к другу. Этически-религиозный мир становится более реальным, чувственный физический мир становится более феноменальным. И не посредством какой-то спекуляции, не посредством какого-то абстрактного философского метода, а посредством действительного переживания будет построен мир, лежащий за пределами нашего обычного чувственного мира. И этот искомый мир, больше не будет иметь противоположность между идеальным и реальным. Оба приблизятся друг к другу. Природные законы станут, так сказать, моральными в этом мире, а моральные законы уплотнятся до природных событий. И только для упоминания: В конце Земли антропософия также ставит нечто вроде тепловой смерти, но для неё то, что человек несёт в себе как моральные, религиозные идеалы, становится реальным семенем, который, как у растения, переносит жизнь этого года в следующий. Антропософия, в отличие от новейшего естествознания, наталкивается здесь на парадокс. Но, поскольку я верю, что в кругу теологов это вызовет не такое сопротивление, как в кругу закоренелых естествоиспытателей, я всё же осмелюсь высказать то, что антропософская духовная наука знает, что в том мире, который здесь описывается как сверхчувственный, так называемый, закон сохранения силы и материи больше не действителен, так же как и то, что этот закон сохранения силы и материи имеет лишь относительную действительность в мире, который выступает как мир природы и который постигается рационализмом.

Как раз, на примере человеческого организма антропософия учит нас познавать, что имеется и преобразуется не только материя, учит нас познавать не только метаморфозу материи. Вне человеческого организма, в прочей природе, - там действует закон сохранения силы и вещества; в самом же человеке происходит полное исчезновение материи и воскрешение новой материи просто из пространства. И антропософская духовная наука может, если мне будет позволительно использовать тривиальное сравнение, указать на то, что обычное представление о материи и силе в человеческом организме подобно тому, что кто-то говорит, что он подсчитал, сколько банкнот вносится в банк и сколько выносится, и, если рассматривать достаточно длительный промежуток времени, то их сумма равна. Примерно так же, ведут себя и при изучении закона сохранения вещества и силы: видно, сколько энергии и веществ вошло, и сколько вышло. Но как не следует предполагать, что в банке преобразуются сами банкноты, а что там должна производиться самостоятельная работа, - эти банкноты могут быть даже перештампованы и могут быть выпущены совершенно новые, - так и в человеческом организме: в нём происходит уничтожение веществ и сил, и создание веществ и сил.

Это не то, что безответственно фантазируется, а это то, что познается в рамках строгого антропософского исследования. Верно, что закон сохранения вещества и силы применим ко внешнему миру, - правда, для средней стадии его развития; но если мы дойдём до времени конца Земли и позволим себе с определённым обоснованием принять тепловую смерть, то мы не увидим огромного кладбища, а мы увидим, что всё, что выработал человек в плане нравственно-этических идеалов, божественно-духовных убеждений, действительно может в нём соединиться с вновь возникающим веществом, и, следовательно, здесь мы имеем дело с настоящим зерном дальнейшего развития. Как раз, благодаря тому, что возникает в человеке, преодолевается смерть внешнего вещества.

В антропософской духовной науке мы находим нечто такое, что несомненно показывает, что этически-нравственные силы действительны также и в непосредственно вещественном. Для обычного сознания человека это остаётся поначалу подсознательным. Но, повторим ещё раз, в том сознании, которое достигается в антропософском исследовании, человек определенно приходит к познанию того, что этико-морально-религиозное сгущается до реальности, и что

то, что живёт во внешнем материале, растворяется в простой феноменальности. Благодаря этому, оба этих мира сближаются. Но они сближаются также и тогда, когда видят таким образом, как человек делает это в этом высшем познании. Применяя обычный рационализм к внешнему природному миру, мы привыкли говорить и судить логически, и, таким образом, мы исходим из логических категорий, которые совершенно обоснованы для внешнего чувственного мира. Но антропософская духовная наука уходит и от этого, - просто по объективной необходимости. Оно должно уходить, поскольку своими методами познания оно переживает другое, наблюдает другое. А именно, выступают два понятия - выступает, конечно, и множество других понятий, но эти два должны для нас сегодня быть особенно важными, - которые иначе известны только косвенно, как объекты, но которые не используются так, как используются логические понятия. То есть, в познании приближается к реальности также выражение, откровение того, что иначе является формальным, идеальным.

Два понятия, которые здесь выступают, - это здоровый и больной. Вы согласитесь со мной, что в логических категориях обычного внешнего мира, собственно, невозможно говорить о «здоровом» и «больном», о том, что не просто истинно, а признаётся, что оно является здоровым. В органической природе мы признаём здоровым принцип роста и развития, мы признаём больным деформацию, препятствия для нормального развития. Но, применяя логические категории, мы не говорим о здоровом и больном. Если же мы переходим от обычного объективного познания к тому, что применяет антропософская духовная наука, то мы должны начать говорить о здоровом и больном. Поскольку наблюдение принуждает нас к тому, чтобы мы нашли такие, теперь не идеи и понятия, а переживания, - поскольку здоровое и больное являются переживаниями, - в сверхчувственном мире, в который мы вступаем. То, что в чувственном мире мы обозначаем простой абстракцией «истинное», в сверхчувственном мире мы должны найти как здоровое. А то, что в чувственном мире мы обозначаем как «не истинное», «не правильное», в сверхчувственном мире мы должны найти в переживании как больное.

И тут антропософия предлагает возможность, - не принуждая, а посредством совершенно честного, добросовестного хода самого исследования, - связать исследования непосредственно настоящего с Новым и Ветхим Заветом. Тогда будет также устранён и разрыв между этими исследованиями и Ветхим и Новым Заветами. Тогда создаётся новый путь для понимания Мистерии Голгофы. Тогда обнаруживается нечто совершенно парадоксальное. Как уже было сказано, я могу сегодня только более или менее реферировать, но то, что я представляю вам вкратце, является результатом многолетнего исследования, - исследования, которое, - позвольте мне это отметить, - исходило не из религиозных предпочтений. Я сам отталкивался от естественнонаучного образования, рос, насколько это возможно, свободомыслящим, и из своей юности не принёс никаких религиозных чувств. Благодаря исследованиям, благодаря тому, что является конечным следствием научных исследований, я, как мне кажется, пришёл к возможности говорить о происхождении религиозных проблем, также и с антропософской точки зрения. Таким образом, здесь нет никаких предубеждений, в том числе и субъективных. Но, посредством антропософского исследования, - как раз, если исследовать полностью в стиле и смысле естествознания, - знакомишься с природой более точно. Даже если не всегда соглашаться и желать, как бы, загрязнить естествознание всякой мистикой, что неоправданно: с природой действительно знакомишься более точно, и не только относительно её проявлений и законов, но и посредством того, что можешь составлять определенные представления о её качестве, о том, чем она, собственно, является. И тогда говоришь себе: То, что происходит там, снаружи, в природе, продолжается также в человеке. То, что происходит за поверхностью кожи, происходит и в пределах кожи человека. Природные процессы мы находим внешним путём. Природные процессы мы находим внутренним путём. Однако, - и тут появляется парадокс, который показывает антропософское исследование, - : все поднимающиеся (aufsteigenden), направленные на плодородие природные процессы в человеке имеют ограниченную

действенность, в человеке они становятся разрушительными процессами. И великие, мощные слова вытекают из действительно разнообразного рассмотрения природы и из разнообразного антропософского рассмотрения человека: природе позволено быть природой вне человеческой кожи; внутри человеческой кожи то, что является природой, становится тем, что противостоит природе.

Поднявшись теперь к сверхчувственным методам исследования, видно, что те силы, которые во внешней природе являются созидательными, в человеке становятся разрушающими, что эти разрушающие силы в человеческой природе становятся носителем зла. Это то различие, на которое антропософия должна указать простому идеализму, говоря: Природе позволено оставаться природой; внутреннему человека не позволено оставаться природой, в том числе и телесно. Поскольку и природное, действующее в человеке как продолженная природа, становится болезненным, и, тем самым, - злом. И мы, как снова показывает антропософское воззрение, защищаемся от царящего в нас зла только тем, что находимся в таком отношении к внешней природе в жизни между рождением и смертью, что позволяем внешней природе входить в нас только в виде отражения, что мы не осознаём того, что органически царит в глубине нашего человеческого существа как первопричина зла. Наше сознание мы наполняем так, что принимаем чувственные восприятия снаружи. Мы принимаем внешние чувственные впечатления, но мы доводим их только до определённого пункта, откуда они не должны опускаться ниже. Там эти внешние природные впечатления, - что показывает сверхчувственное познание, - действуют, словно, отравляющим образом. Мы излучаем их назад. Таким образом создается граница между органами сознания в человеке, которые воспринимают внешнюю природу, и тем, где находит своё продолжение собственно природа, где она ещё разворачивает свои созидательные силы в человеке. Сознательные процессы не опускаются ниже этой границы, а они вместо этого отражаются назад и формируют нашу память, наши воспоминания. И то, что живёт в наших воспоминаниях, - это отражённая внешняя природа, которая не проникла в нас глубже. Как луч света отражается зеркалом назад, так назад отбрасывается и образ природы, - не сама природа. Поскольку, если бы человек осознал, что находится за его внутренним зеркалом, что лежит там, внизу, где природа в нём становится злом, то, благодаря действию в нём природы, он стал бы злым существом.

Но это совершенно ясно показывает нам, что если мы ограничимся отраженными представлениями, воспоминаниями, простым отблеском внешней природы, то мы не можем достичь полного Я-сознания, замкнутого в себе самосознания. То, что мы обобщаем как самосознание, что живёт в нас как Я, может выйти только из нашей телесности, оно берет свое начало в природе человека. Поэтому рационализм сам по себе так же нейтрален по отношению к добру и злу, как и природные законы. Но если бы то, что конституирует человеческое самосознание, распространилась на другую часть человеческой душевной жизни, то в теперешнем периоде человеческой жизни с пробуждением Я мы непременно должны были бы иметь непреодолимую склонность ко злу, к тому, что присутствует в нас как разрушающие природные силы.

И тут возникает важное познание, которое переносит нас в область религии. Тот человек, - это показывает, как раз, взгляд на обычный физический мир с точки зрения сверхчувственного, - который ясно предоставляет себя тому, что является действием природы, тем силам, которые пронизывают природные явления, приходит к тому, чтобы сказать себе: Атеизм - это не просто логическая ошибка, атеизм - это болезнь. Не та болезнь, которую можно констатировать обычно, но антропософская духовная наука может говорить, что, исходя из своего видения сверхчувственного, для простых понятий «правильного и неправильного» она получает понятия «здоровое и больное», получает понимание того, что в составе соков в человеке, которые больше не доступны внешней физиологии и биологии, присутствует нечто болезненное, когда человек убеждён в том, что Бога нет. - Поскольку здоровая человеческая природа, - хотя она и может быть злой, но это зло остаётся в подсознании, - говорит: Бог есть.

Но в этом сознании: Бог есть, - которое является непосредственным выражением действительного человеческого здоровья, - лежит только вера в то, что я хотел бы назвать верой в Бога-Отца. Из углубления в природу, из переживания природы в самих себе, мы достигаем ничего другого, как осознания Бога-Отца.

Поэтому для того, кто остаётся на позициях современного естествознания, не происходит ничего, кроме того, что он приходит к осознанию Бога-Отца, а Сын более или менее выпадает для него из ряда божественных существ, теряется осознание Христа, даже если он сам это и не признаёт. И основной характер гарнаковской⁶ «Сущности христианства» состоит в том, что он говорит, что к Евангелиям принадлежит не Сын, а только Отец, и что Сын является только тем, кто через Евангелия послал в мир учение Отца.

Но такое понимание постепенно уводит от действительного, реального христианства. Поскольку для того, чтобы сохранить христианство, к отдельному переживанию Отца, достигаемого таким образом, необходимо быть способным, - если действительно имеешь здоровую человеческую природу, - прибавить переживание Сына. Однако, это переживание Сына есть ни что иное, как то, что возникает не из переживания природы, а из переживания чего-то в человеке, что в нём выше природы, переживание, относящееся к тому, что не имеет ничего общего с природой, по отношению к которому природа стирается до простой феноменальности. И тогда есть возможность к переживанию Отца добавить переживание Сына.

Подобно тому, как переживание Отца является просто переживанием совершенного, гармоничного здоровья, переживание Сына является тем фактом, который прodelывается внутренне, когда человек замечает, что, поднимаясь к полному Я-сознанию, он, собственно, должен развить это Я-сознание в земной жизни, что само это Я-сознание носит вполне природный характер. И если он не хочет отдать его злу, то это Я должно в самой земной жизни пробудиться к тому, чтобы быть пронизанным божественно-духовным содержанием. Это должно стать истиной: Не я, но Христос во мне.

Это должно стать истиной потому, что то, что переживается ещё в рамках переживания Бога-Отца, должно стать этим Я полностью преобразованным, метаморфозированным. Человек заболевает не от того, что внешняя природа просто отражается, где она входит в его сознание не сама, а только в виде отброшенных назад образов, в виде отражений. Но больным человек должен был бы стать по отношению к своему истинному человеческому существу, если бы, исходя из своей свободы, он не смог бы найти ту мировую силу, которая действовала бы не просто как первопричина того, что существует как здоровая природа, а которая стала бы в человеке больным существом, если бы он не мог подняться к тому, что признаёт необходимость заболевания из-за возникновения Я. Остальная душевная жизнь, в зависимости от обстоятельств, могла бы оставаться здоровой, но крепость Я всё же должна была бы сделать эту душевную жизнь больной, если бы человек не мог встретить в жизни, во внутреннем, свободном от чувственности переживании, то существо, которое может быть найдено здесь, на Земле, но которое имеет неземную природу, которое может быть найдено только посредством свободного действия души, и поиск которого поэтому совершенно отличен от поиска Отца.

В Западной Европе на различие этих двух переживаний, Бога-Отца и Бога-Сына, обращается очень мало внимания. Если вы ещё сегодня перенесётесь на Восток и будете изучать нечто вроде философии русского философа Соловьева, то, как раз, у него, вы обнаружите, что он говорит, собственно, как человек первых христианских веков, только то, что он говорит, исходя из этого настроения, он облачает в современные философские формулы. Он говорит так, что ясно замечаешь: Он обладает особым переживанием Отца и особым переживанием Сына. Инстинктивно у него есть то, что, в свою очередь, должны признать

---

⁶Карл Густав Адольф фон Гарнак (нем. Carl Gustav Adolf von Harnack, 7 мая 1851, Дерпт, Российская империя — 10 июня 1930, Гейдельберг, Веймарская республика) — немецкий лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории раннехристианской литературы и истории догматов (Википедия, прим. пер.)

современные духовные исследования: что человек рожден от Отца, что не признавать Отца - это болезнь, но что Я-одарённому человеку должен быть дан процесс исцеления, должен быть дан сверхземной целитель, и это - Христос. Не иметь переживания Отца - это болезнь; не иметь переживания Сына - это несчастье в жизни. Вопрос Отца - это вопрос познания. Вопрос Сына - это вопрос судьбы, вопрос счастья и несчастья. И только в те времена могло быть получено достаточно представлений о том, как Христос входит в нашу жизнь, которые рассматривали его как врача, как универсального целителя. Для сверхчувственного антропософского исследования это не фраза, не нечто такое, что имеет аллегорический и символический смысл: Христос - врач, Христос - спаситель (Heiland) или целитель, тот, кто освобождает Я от опасности, от которой не может освободить Отец, поскольку здоровое может быть и больным. А, благодаря сознанию Я, здоровье должно быть утеряно. То, что не мог сделать Отец, он передал Сыну. Христос вступает в человеческое сознание, наряду с Отцом, как обособленное переживание.

И духовно-научное антропософское исследование может обосновать это переживание совершенно научно и методично. Но вначале здесь возникнет то, что я хотел бы назвать: вечно присутствующий Христос. Мы находим его, только если ищем достаточно глубоко в своём душевном существе, мы находим его как существо, которое мы не можем извлечь из своей собственной души. Мы находим его так, как объективно находим внешнее природное явление вне нас. Мы встречаемся с ним после нашего рождения в ходе нашего человеческого развития. Мы должны извлечь его из нашего морального восприятия. Он там, вечно присутствующий Христос.

Но если этот вечно присутствующий Христос найден, если он обоснован антропософским исследованием, то нечто другое появляется также и в историческом исследовании. Поскольку своеобразие заключается, как раз, в том, что, когда поднимаешься к более высокому сознанию, необходимо вначале снова опуститься к обычному сознанию. В более высоком сознании нельзя исследовать чувственный мир. Это привело бы только к простой болтовне. Тот, кто развил бы только высшее сознание, то есть, тот, кто знал бы только то, чем является антропософия, не должен был бы говорить о естествознании, поскольку тот, кто хочет говорить о естествознании, должен знать природу научно, так, как её исследует естествознание. Только тогда то, что дает естествознание, он сможет пронизать сверхчувственным исследованием. Любителю, дилетанту в естествознании, непозволительно говорить о естествознании, даже если он далеко продвинулся в познании сверхчувственных миров. Сверхчувственные миры, по сути, имеют для чувственных миров то же значение, что кислород, находящийся за пределами лёгких. Лёгкие здесь - это природа. Духовную науку надо вначале влить в естествознание, если это естествознание должно быть оплодотворено.

Но теперь возникает другая область, опять же, исходя не из религиозного предубеждения. К ней можно прийти поначалу без исторического рассмотрения, не прибегая к помощи Евангелий. Это то, что я хотел бы назвать эпохой человеческого развития, которая для нас, как раз, внешне совпадает с Мистерией Голгофы.

Если тот, кто не проникает в сверхчувственные понятия и идеи, сможет приблизиться к Мистерии Голгофы, то он будет всё больше и больше пытаться действовать чисто внешним, натуралистически-историческим образом, и превращать Христа Иисуса в простую личность Иисуса. Тот же, кто поднялся до антропософского духовного исследования, повсюду будет находить необходимость вначале узнать то, что предлагается ему в области природы и в области обычной истории. Только в отношении исторической Мистерии Голгофы он ничего не обнаружит. В отношении неё непосредственно и без предвзятости применимы более высокие понятия. То, что разыгрывалось в чувственном мире, так, как это имело место быть, можно понять непосредственно сверхчувственным исследованием. И тогда приходят к следующему. Тогда видно, что то развитие Я, о котором я вам говорил, в действительности имело место в развитии человечества не всегда. Тогда, например, находят оправданным то, что, чем дальше мы уходим в прошлое развития языка, тем больше обозначение Я было интегрировано в глаголы, что само по себе обозначение Я появилось лишь позже. Но это

только внешняя стороны вопроса. Тот, кто изучает историческую психологию, пронизывая её сверхчувственным видением, тот обнаружит, что Я-переживания не было ещё вплоть до приблизительно восьмого-седьмого столетия до Христа, что затем оно постепенно появляется, что историческое развитие человеческой истории действительно склоняется к тому, что необходимо обозначить как рассвет Я.

Я полагаю, что, как раз, в греческой жизни рассвет этого Я ощущался в полной мере, и не только потому, что сознавали, что это Я происходит из природы и потому подчиняется ей, то есть, природа убивает человека, когда он развивается сам по себе. Поэтому в Греции человек чувствовал себя так, что «лучше быть нищим в верхнем мире, чем королём в царстве теней». Это было вполне искреннее чувство. Но он чувствовал это ещё и другим образом. Тот, кто по-настоящему изучает великих греческих драматургов, - не с той поверхностностью, которая так часто имеет место в наши дни, - тот знает, что они в то же время хотели быть врачами, что они хотели организовать представление драмы так, чтобы, посредством катарсиса, человек мог исцелиться. Греки чувствовали в искусстве что-то исцеляющее.

И если в этом периоде исторического развития мы перейдём к римскому миру, мы почувствуем, как человеческое душевное содержание в религиозной жизни, в государственной жизни, и вообще в публичной жизни застывает в абстрактных понятиях. Мы обнаруживаем в человечестве большую опасность заболеть в смысле Я-развития. И мы чувствуем, что это, собственно, означало, - при этом я не провожу игру аналогий, как бы это не выглядело, а это результат антропософского исследования, - что на Востоке появились «терапевты», некий орден, которые ставили себе целью действительное выздоровление становящегося больным человечества.

Но, как мы видим из хода исторического развития, человечество не исчезло, не стало больным, как это можно было бы предположить, если действительно непредвзято взглянуть на продолжение того, что в качестве импульса имелось в человечестве перед седьмым-восьмым столетиями до Христа. Он не исчезло, не стало больным, оно принимает в себя некий ингредиент, который оздоравливающим образом действует изнутри. Разыгрывается некая историческая терапия.

Кто не чувствует того, что Ветхий Завет, а также другие древние религии указывают на то, что процесс развития человечества есть процесс становления больным в грехе, кто не видит этого становления больным в грехе, тот не чувствует также излучения того, что приходит из внеземного, вне теллурического, и что даёт Земле новый толчок, подобно тому как почва получает новый толчок посредством семян плодов. Мы учимся понимать, что оттуда, как целебное семя, изливается оплодотворяющее семя из сверхземных миров, поскольку земное человечество действительно грозило заболеть. И мы учимся видеть, как то, что является космическим, не просто теллурическим, захватывает земную эволюцию. И вооружившись этим видением, видением существа, которое вмешалось в историческое развитие как великий невидимый терапевт, мы прослеживаем личность Иисуса из Назарета. Тогда она появляется, и мы находим её без влияния Евангелий, если искать её без предубеждений с помощью звезды, свет которой сияет изнутри.

Действительно идут двумя путями: во-первых, собирают вместе всё научное, в том числе то, что не просто абстрактно правильно и неправильно, но что выявляет здоровое и больное в историческом развитии, и приближаются к Мистерии Голгофы так, как к ней с древней наукой, исходя из понимания звёзд, приближались три волхва или мага Востока. Но к нему приближаются также и, исходя из простого человеческого сердца, из человеческого чувства.

Если вечно присутствующего Христа встречают, вооружившись тем органом, благодаря которому, вечно присутствующий Христос, как в случае с Павлом, говорит: Не я, но Христос во мне делает меня здоровым и возвращает мне жизнь, вырывая от смерти, - тогда в истории человечества находят человека Иисуса, в котором действительно жил Христос. Таким образом для ищущего сливаются сверхземное существо Христа, целителя, великого

терапевта, и простого человека из Назарета, которому, ведь, не нужно было быть кем-то иным, который мог простыми словами говорить с нищими и бедняками, а также с грешниками, - то есть, всё же с больными, - который, однако, говорил им слова, которые были наполнены не только тем, что действовало в человечестве до этого, - поскольку тогда они остались больными, так же, как они постепенно стали больными в Риме из-за того, что были пронизаны только абстракцией, - а говорил им слова вечной жизни, которым не было необходимости обращаться к разуму, которые могли обращаться к чувству, к тому, что иррационально.

То есть, человек проникает в личность Иисуса из Назарета, знакомится со всеми её прекрасными сторонами, представленными в Евангелии от Луки. Но он приходит также ко всему тому, что из внутреннего опыта о целителе, о терапевте, представляет Евангелие от Иоанна, говорящего также о живом Логосе, исцеляющем Логосе. Он учится соединять синоптические Евангелия с Евангелием от Иоанна в тот момент, когда уходит от рациональных понятий того, что формально правильно или неправильно в историческом исследовании, и подходит к историческому развитию с более высокими понятиями о здоровом и больном. Тогда он не теряет «человека Иисуса». Поскольку, являясь тем Иисусом, который был избран внеземным для того, чтобы принять в себя импульс Христа, ему не нужна вся мудрость древности, которая, ведь, развилась только в процесс болезни, чтобы отныне человечество могло познавать божественное не посредством мудрости, а могло бы посредством мудрости познавать, только болезненным образом, внешне-природное. Человек учится познавать того, кто только посредством оплодотворения сверху стал существом, которое жило на палестинской земле. Он учится смотреть на личность Иисуса как на внешнюю оболочку для внеземного существа Христа. Он учится познавать, что Земля потеряла бы смысл, погибла бы из-за болезни, если бы посредством Мистерии Голгофы не пришло оздоровление.

Тогда от христианства не отнимается ничего иррационального, парадоксального, тогда человек снова, только правильным образом, возвращается к тому, чего нельзя достичь никаким рациональным пониманием, но лишь посредством того оживлённого познания, которое пытается донести до человека антропософские исследования. Но, в противоположность этому, видно, что исследование жизни Иисуса постепенно стало рационалистичным, что «Простой человек из Назарета» для многих стал единственным, что Христа снова найти невозможно. Христа нельзя найти с помощью простой логики, даже если это историческая логика. Христа можно найти только, проследив исторический процесс, в этой связи, более высокими понятиями здорового и больного. Тогда действительно можно прийти к видению того, что болезнь, которая постепенно вошла бы в человечество, благодаря развитию Я, должна была бы привести к смерти духа. Поскольку человек, благодаря этому расширению Я, исходящему, кстати, из тела, стал бы всё больше и больше принадлежать природе. Природа излилась бы на его душу. Человек постепенно подпал бы тому, что затем стало бы его земной смертью и, наконец, тепловой смертью Земли.

Если понимать толчок Мистерии Голгофы как толчок, который придал Земле новый смысл, то, как раз, в историческом развитии, посредством человека Иисуса, посредством его смерти на кресте и воскресению, можно найти то, что совсем недавно было дано Земле небом. Тогда становится понятным изречение: Это мой любимый Сын, который сегодня у меня родился. - Становится понятным, что тут для Земли действительно наступает новое время. Мы учимся познавать, как постепенно люди должны воспитывать в себе понимание того, что, собственно, пришло в развитие человечества посредством Мистерии Голгофы. И тогда спрашивается: Как эта Мистерия Голгофы действует дальше?

Ну, в то время, когда на Земле разыгрывалась Мистерия Голгофы, ещё имелось нечто из того, что вообще имелось в древние времена: определённое инстинктивное знание. Оно существовало в человеке и без развития Я. Древние люди не имели чётко выраженного Я, но зато они имели инстинктивное знание. Человек получал его посредством инстинктивной, божественной инспирации. Эта инспирация была в древние времена целебной, она была

терапевтическим пра-откровением. Это пра-откровение постепенно всё больше и больше исчезало. Человек распространяет своё Я по своему существу. И, как раз, благодаря этому, он заболевает всё больше и больше. Но оставались ещё последние остатки этого древнего ясновидческого, инстинктивного знания духовных миров. Такие остатки древнего видения были у Апостолов, у гностиков, у некоторых других, хотя и в недостаточно совершенном виде. Поэтому случилось так, что Христос ещё был узан последними остатками действительного древнего ясновидения, что ещё смогли узнать, что в Иисусе явилось внеземное существо, которого до этого на Земле не было.

Сильнее всего это переживание имел Павел. Как Савл он был определённым образом посвящён во все тайны, в которые можно было посвятить, исходя из затухающего света древней мудрости. Исходя из этого затухающего света древней мудрости, он боролся с Иисусом Христом. В тот момент, когда изнутри него поднялось видение, в тот момент, когда ему явился Христос как вечно присутствующий, в этот момент он также обратился к кресту на Голгофе. Внутреннее переживание Христа привело его к внешнему переживанию Христа. Таким образом, наряду с другими, он мог называть себя Апостолом, последним Апостолом. Так, как Апостолы и Ученики, благодаря наследованию из древних ясновидческих времён, ещё могли подняться к переживанию Христа, как они могли понять Воскресенье, точно так же они ещё могли понять и Павла. Но с развитием Я такое понимание всё больше и больше уходило. Я бы сказал: Теософия всё больше и больше становится теологией. Благодаря логике, человек выходит из природного бытия, но входит в развитие Я, которое, однако, ведёт к болезни, о которой было сказано.

Это развитие должно снова вернуться, - если оно не потеряет понимание Христа, - к возможности познать Христа как сверхчувственное, сверхземное существо, чтобы личность Иисуса была оценена правильно. Поэтому мы также понимаем, что разыгрывалось во времена Апостолов, апостольских отцов. Мы понимаем ту борьбу, ту живую борьбу в продолжении столетий, которая происходила под влиянием угасающего древнего познания и постепенно приходящего Я-сознания, чтобы всё же получить возможность видения исторического Христа.

Антропософия не хочет основывать новую религию, не хочет быть сектой, но если она просто идёт своим путём, поднимаясь к сверхчувственным познаниям, то среди прочих фактов она сталкивается также с тем фактом, что Земля получает свой смысл только посредством Мистерии Голгофы. И посредством видения она учится также снова познавать то, что должно быть потеряно для простого рационального мышления (Ratio). Она снова, - также путём познания, но уже путём не рационального познания, - сможет дополнить историческую личность Иисуса внутренним божественным существом Христа. И человек приходит к тому, чтобы снова наполнить понятие Иисуса Христа его полным содержанием, только таким, который должен быть завоёван человечеством, посредством свободы.

Это может произойти, я бы сказал, на пути бедных пастухов, которые вначале внутренне предчувствовали в себе вечного Христа, и затем искали его внешним образом, в младенце Иисусе. Но можно прийти ко Христу не только этим путём бедных пастухов, как думают многие, поскольку тогда наука возникла бы как молох, который поглотил бы эту наивную веру. Можно также, действительно формируя науку, снова найти звезду, ведущую в Вифлеем. Так же, как простая человеческая душа может найти Христа в глубочайшем внутреннем переживании, если он поднимется не просто к рассудку, а к чувствованию внутренней болезни, так же из этого сознания болезни, которое является в основном реальным чувствованием греховного сознания, совершенно наивным образом может образоваться переживание Христа, встреча с Христом. Но наука не может увести от этого переживания, поскольку, если эта наука поднимется, как она должна это сделать во всех других областях, к сверхчувственному видению, то эта высшая наука, как и простая человеческая душа, найдёт в Иисусе Христа.

И антропософия хочет сделать это самым скромным образом. Она совсем не хочет забрать тайну, которую в благоговейном доверии ищет простая человеческая душа, поскольку

путь, которым идёт антропософия, хотя и поднимается в высшие регионы познания, но не ведёт к рационализму. Он, как раз, должен обогнуть скалу иррационального, парадоксального, как я это описал. Он даже должен к абстрактным правильно и неправильно присовокупить полные жизни здоровое и больное. Он должен к простой физической терапии прибавить великую историческую терапию.

Тогда это антропософское исследование, если оно поднимется к знанию, к которому оно хочет подняться, приведёт к тому же, что поначалу можно достичь в доверительном благоговении как истинную тайну, как раз, как то, что должно оставаться неизвестным. Поскольку, ведь, почему говорят об этом неизвестном? Ну, если знать человека не просто из описаний, если не просто верить в его существование, а поставить его перед собой, то приходишь к видению. Но из-за этого это видение не становится рациональным. Иррациональное человека, который стоит перед нами, не прекращается. Этот человек остаётся для нас тайной, поскольку он несёт в себе нечто интенсивно-бесконечное. Мы не могли бы исчерпать его никаким разумом. Так же мало исчерпывает Христа и антропософское познание, хотя она всеми силами, всеми средствами познания и стремится увидеть этого Христа, а не просто верить в него. Он не перестаёт стоять тут в виде существа, которое остаётся не высосанным также и в видении, посредством разума (Ratio). И как нет нужды отнимать у человека что-либо из земного почитания, которое мы оказываем каждому отдельному человеку, который всё же остаётся тайной даже тогда, когда стоит перед нами, так нет нужды отнимать тайну и у Мистерии Голгофы; посредством антропософии она не будет сведена к сухой и трезвой логике рационального. Иррациональное, парадоксальное должно быть не стёрто антропософским пониманием Иисуса Христа, а иррациональное, парадоксальное должно быть увидено. И это увиденное можно встретить с таким же детским, глубоким, даже с ещё более глубоким, благоговением, что и то, во что надо только верить. Поэтому антропософия является не смертью веры, а оживителем веры. И это особенно хорошо видно в разгадке, которую антропософия хочет дать Мистерии Голгофы, связи между Христом и личностью Иисуса.

Но всё это, конечно, является предметом обширных многолетних исследований, которые сегодня, тем не менее, только в самом начале. И я должен извиниться за то, что в этой слишком долгой лекции я лишь обозначил некоторые общие установки. Но эти установки по крайней мере могут указать на то, что антропософия не хочет опускаться в рационализм обычного познания и превращать Мистирию Голгофы в лишённую благоговения, разоблачённую тайну, а, наоборот, хочет вести к ней со всем благоговением, со всем религиозным благочестием, даже с углублённым религиозным благочестием, - углублённым потому, что настоящий трепет мы ощущаем только тогда, когда стоим перед крестом Голгофы в непосредственном созерцании.

Таким образом, антропософия хочет внести свой вклад не в какое-либо умерщвление христианства, а в оживление, одушевление христианства, которое болезненно страдает от рационализма, вполне оправданного для внешнего естествознания.

Кардинальный вопрос хозяйственной жизни

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ
30 ноября 1921 года

Вначале я хочу поблагодарить уважаемого председателя за его добрые слова, и, в свою очередь, уверить вас в моём сердечном, глубоком удовлетворении тем, что мне так же и здесь позволено представить некоторые руководящие принципы из социальных устремлений, которым я посвятил большую часть времени. И, конечно, я должен сразу же извиниться, поскольку говорить сегодня о социальном вопросе - дело чрезвычайно трудное. Ведь, в такой короткой лекции можно дать, собственно, лишь некоторые установки и, возможно, стимулы, и я прошу вас это учитывать. Возможно, могло бы возникнуть мнение, что тот, кто, по существу, посвящает себя популяризации и распространению антропософской духовной науки, занимаясь социальными областями, может представить только нечто забытое, может быть, фантастическое или даже утопическое. Однако, то, что дал мне антропософский способ мышления по социальному вопросу, всё же отличается от многого из того, что говорится в этом направлении сегодня, - возможно, тем, что оно хочет полностью окунуться в практику жизни, а не обсуждать социальные теории.

Я сам в течение десятилетий, исходя из самых различных оснований, приобрёл то видение социального вопроса, относительно которого я хотел бы обозначить сегодня некоторые руководящие принципы, а именно, посредством непосредственного наблюдения за общественной жизнью. Я приобрёл это видение, исходя из того, что наш социальный вопрос, включая и экономический вопрос, является сегодня, по сути, совершенно общечеловеческим. Если изучать его в соответствии с жизнью, не теоретически, он выражается как вопрос, который, собственно, совершенно не состоит из экономических точек зрения, а выбрасывается в наше время таким вулканическим образом из чисто человеческих оснований. И подступиться к этому вопросу в практическом смысле также можно будет только в том случае, если подходить к решению, - конечно, речь может идти только о попытке частичного решения, - с чисто человеческой точки зрения. И тут я вначале должен буду обозначить в качестве кардинального экономического вопроса нечто совершенно другое, нежели обычно ожидают. Да, я даже не смогу, - поскольку жизнь богаче, чем теории и идеи, - каким-то образом дать ответ на этот кардинальный экономический вопрос в коротком предложении, а я смогу вначале только позволить ему появиться как нечто пронизывающее мои сегодняшние рассуждения.

Однако, если бы я хотел, прежде всего, дать совершенно абстрактную точку зрения с самого начала, то она состоит в том, что мы живём в то время, когда человек в значительной степени отчуждён от того, что он думает, что он формирует в виде принципов, от жизни вообще, и особенно от экономической жизни. Это воззрение укрепилось во мне, особенно благодаря тому, что в продолжении многих лет я работал учителем в среде пролетарского рабочего класса, в различных областях познания и обучения, как в сфере истории, так и в сфере экономических вопросов. И, прежде всего, я мог познакомиться с современным пролетариатом, благодаря тому, что в течение многих лет я имел честь преподавать рабочим свободную речь⁷ и упражняться в этом с ними. Здесь видно, как человек мыслит, что он чувствует. И, зная, что экономический вопрос сегодня прежде всего связан с созданием для пролетариата условий работы, соответствующих экономическим потребностям человека, необходимо рассматривать эти экономические вопросы, прежде всего, с этой человеческой стороны. И тут мне стало очевидно, что если пытаться сегодня пробудить у пролетариата интерес к тому или иному, то собственно конкретные экономические вопросы, понимание действительно практической экономической жизни, по сути, не вызовут у этого пролетариата никакого интереса. Людей совершенно не интересуют конкретные отдельные экономические вопросы. В пролетариате сегодня, - а к этому пролетариату, о котором я говорю, принадлежат сегодня в интернациональной жизни миллионы людей, - живёт только экономическая абстрактная теория, такая абстрактная теория, которая формирует жизненное содержание в самом этом пролетариате. Его работа, то есть, собственное содержание его работы, для

---

⁷Свободная речь - высшая дисциплина для лектора. Искусство свободы слова состоит в том, чтобы говорить так, будто вы говорите перед публикой - непринуждённо, не читая с листа, но при этом бегло (прим. пер.).

пролетарского рабочего с его сердцем является, по сути, совершенно чуждым. Ему всё равно, что он делает. Его интересует только то, как с ним обходится его предприятие, и, когда он говорит об этом обхождении с ним, он всё же говорит об этом с совершенно общих абстрактных точек зрения. Его интересует отношение его заработной платы к тому, что составляет доход от продуктов, в производстве которых он участвует, в то время как качество производимых им продуктов совершенно не входит в круг его интересов. Я попытался, как раз, в пролетарском обучении, с привлечением истории и естествознания интерес к конкретным отраслям производства и эксплуатации. Но всё это является тем, что как таковое пролетария не интересует. Его интересует положение классов, классовая борьба, его интересует то, - что, ведь, мне вам здесь не надо характеризовать, - что он называет добавленной стоимостью (Mehrwert). Развитие хозяйственной жизни его интересует настолько, насколько он приписывает ей причины всей человеческой исторической жизни, и он говорит, собственно, о некоем теоретическом регионе, находящегося полностью над тем, в чём он копошится с утра до вечера, и хотел бы в согласии с ним формировать свою реальность. Позволительно сказать: То, что он признаёт в качестве своей теории о хозяйственной жизни, в свою очередь, также происходит из теоретического способа рассмотрения. Ведь, большинство пролетариев сегодня являются в большей или меньшей степени модифицированными или прямыми марксистами, то есть, приверженцами теории, которая, собственно, полностью занята не условиями экономической жизни как таковой, а действует в том направлении, которое я, как раз, охарактеризовал.

Это можно сегодня узнать в широких кругах пролетариата, посредством практического общения с этим пролетариатом, посредством деятельности среди пролетариата. Но это всё же в некотором смысле только отблеск в последние столетия всё больше и больше выступающего отчуждения чисто человеческих интересов от интересов практической жизни. Хотелось бы сказать: Усложнение нашей хозяйственной жизни вызвало, своего рода, отупение, так что нельзя больше погружаться в отдельные усложнённые области хозяйственной жизни с тем, что считается этически хорошим, и тем, что считается правовым. Если же говорить не с точки зрения практики, а исходить из общих, абстрактных точек зрения, то то, что всегда выдвигается в качестве требований, в качестве принципов, почти совсем не касается того, что является делом дня, задачами дня.

Так же, как я смог проиллюстрировать вам это из своей собственной жизненной практики, так это можно подкрепить и всевозможными примерами из исторической жизни. Для того, что я хочу сказать, я хотел бы привести один гротескный пример. Это было в 1884-ом году, когда Бисмарк заявил в немецком Рейхстаге, желая заложить основу для своего дальнейшего решения кардинального экономического вопроса, что он признает право каждого на труд. И затем он объяснил это членам рейхстага таким образом, что сказал: «Обеспечьте каждого здорового человека работой, которая может его прокормить, позаботьтесь о том, чтобы те, кто болен или слаб, получили обеспечение за счёт общественных средств, проследите за тем, чтобы были обеспечены старые люди, и вы можете быть уверены, что пролетариат покинет своих пролетарских вождей, что социал-демократические теории, которые будут распространяться, больше не найдут себе сторонников. - Ну, так сказал Бисмарк, в котором, хотя он и признал в своих мемуарах, что в юности имел республиканские наклонности, вы всё же непременно признаете подлинного монархиста, от которого вы определённо не станете ожидать, что он согласился бы, если к концу дня пролетарское собрание проголосовало бы за международную социал-демократию.

Я хотел бы указать на другую личность, которая то же самое высказала теми же словами, но которая всем своим настроем, всем своим человеческим ощущением стояла на другой общечеловеческой почве. Это Робеспьер. Робеспьер, издав свои «Права человека», сказал примерно то же самое, нет, я бы сказал, он сказал точно то же самое, что в 1884-ом году в немецком Рейхстаге сказал Бисмарк: Это обязанность общества каждого здорового человека обеспечить работой, за счёт общества позаботиться о больных и слабых, обеспечить старых, если они больше не могут работать. Те же самые слова, но на совершенно различной

человеческой почве! И к этому добавляется третье, что также небезынтересно добавить: Бисмарк, произнося свои «робеспьеровские слова», - которым он совершенно точно не научился у Робеспьера, - ссылаясь на тот факт, что эти требования уже были в прусском государственном праве с 1794-го года. Ну, из этого, конечно, нельзя делать вывод, что прусский государственный закон включил эти права человека в свой свод законов через год после того, как Робеспьер написал «Права человека», и, совершенно определённо, нельзя полагать, что прусское государство в соответствии со своим земельным правом захотело реализовать идеи Робеспьера через почти столетие, когда Бисмарк снова высказал это требование в 1884 году. Тут в отношении исторических фактов возникает вопрос: Каким, собственно, образом два таких разных человека, как Робеспьер и Бисмарк, могут говорить слово в слово одно и то же, и при этом оба абсолютно точно совершенно по-разному представляют себе ту социальную среду, которую они хотят затем создать?

Я не могу смотреть на это иначе, чем так, что, когда мы говорим о конкретных вопросах так усложнившейся в новое время жизни, то мы говорим о них так абстрактно, что все мы, с точки зрения общих принципов, собственно, приходим к гармонии, глядя на Бисмарка справа, со стороны крайне правых, а на Робеспьера со стороны крайне левых. С точки зрения общих принципов мы находим всех нас вместе. В жизни же мы тут же начинаем распадаться в крайней дисгармонии, поскольку наши общие принципы далеки от того, что мы должны делать по отдельности весь день. Как раз, что касается практики жизни, у нас нет никакой возможности то, что мы думаем в общем, также и осуществить в деталях. И самым абстрактным является то, что в качестве хозяйственных требований выступает в пролетарской теории, - по причинам, которые я пытался охарактеризовать.

Ведь, с таким положением дел мы сталкиваемся сегодня. И надо сказать: Это положение дел сложилось в результате всего развития нового времени. Мы видим, что та часть хозяйственной жизни, которую мы охватываем взглядом как производственный процесс, благодаря сложности технической жизни, постоянно становится всё более и более разнообразной. И если обозначить это одним словом, которое, ведь, уже стало лозунгом, - надо только такие слова использовать, - то можно сказать: Мы видим, что производственная жизнь становится всё более и больше коллективистской.

Что же, по сути, может сегодня сделать в пределах нашего социального организма отдельный человек? Он повсюду интегрирован в то, что должно быть сделано в обществе с другими. Наш способ производства стал настолько сложным, что отдельный человек словно интегрирован в большой производственный механизм. Производственная жизнь стала коллективистской. Именно на это и смотрит пролетарий, и в своём экономико-фаталистическом способе видения он обещает себе, что этот коллективизм будет всё больше и больше усиливаться, что отрасли производства будут всё больше и больше сливаться, и что затем придет время, когда международный пролетариат сам сможет взять на себя это производство. Этого ждёт пролетариат. Он впадает в то огромное заблуждение, что коллективизм в производстве является природной необходимостью, - поскольку он воспринимает экономическую необходимость почти как природную необходимость, - и что это коллективизм должен развиваться дальше, что пролетариат, прежде всего, призван к тому, чтобы затем сесть в кресла, в которых сидят сегодняшние производители, и что это ставшее коллективным теперь будет управляться коллективно. Насколько сильно пролетариат, исходя из своих экономических интересов, держится за такие идеи, мы видим из печальных событий экономического эксперимента на Востоке, поскольку там, правда, не так, как об этом мечтали теоретики пролетариата, а, исходя из обстоятельств войны, - была сделана попытка организации экономической жизни таким образом. И уже сегодня можно видеть, - и это можно будет видеть всё больше и больше, - что эта попытка, - совершенно независимо от её этической или какой-либо ещё оценки, или от симпатий или антипатий по отношению к ней, - благодаря собственным внутренним разрушительным силам, с треском провалится и принесёт человечеству несказанные страдания.

Производственная жизнь стоит напротив жизни потребления. Но эта жизнь потребления сама никогда не станет коллективистской. В потреблении, благодаря естественной необходимости, стоит, как индивидуальность, отдельный человек. Потребности всего потребления исходят из личности человека, из человеческого индивидуума. Таким образом, наряду с коллективистским производством оставалось индивидуалистическое потребление. И эта пропасть между стремящимся к коллективизму производством и утверждающими себя всё более и более бурно, - именно в силу контраста, - интересами потребления, становилась всё глубже. Для того, кто может пронизывать сегодняшнюю жизнь непредвзятым взглядом, видно, что ужасная дисгармония, в которую мы поставлены, является не абстракцией, а реальностью, основанной именно на этом несоответствии между импульсами производства и потребностями потребления.

Однако, обозреть всё это бедствие, овладевшее сегодня в этом отношении самыми глубинами душ людей, можно лишь в том случае, если не посредством изучения, а посредством жизненной практики, в продолжении десятилетий углубляться в то, из чего эта дисгармония образовалась в отдельных областях жизни. Поэтому то, что я изложил в своей книге «Основные пункты социального вопроса», возникло, не исходя из каких-либо принципов или теоретических измышлений, а исходя из этого жизненного опыта. Я был очень далёк от того, чтобы, исходя из этого жизненного опыта, попытаться найти какое-либо утопическое решение социального вопроса. Хотя мне и пришлось испытать, что сегодняшнее человеческое мышление совершенно произвольно склоняется к такому утопическому. Разумеется, то, что мне открылось из великого многообразия жизни, и что я предпочел бы объяснить на отдельных конкретных примерах, я должен был обобщить, - я должен был обобщить это в общих предложениях, которые затем, в свою очередь, свелись к ключевым словам «Трёхчленность социального организма». Но то, что там есть, должно было всё же, по меньшей мере, проиллюстрировано, посредством некоторых рекомендаций. Надо было представить какие-то мысли о том, как обходиться с этими вещами. Поэтому я привёл некоторые примеры того, как капитализм будет развиваться дальше, скажем, как будет регулироваться вопрос рабочих и так далее. Там я попытался дать отдельные, конкретные указания. Между тем я принял участие во многих дискуссиях об этих «Основных пунктах социального вопроса», и я постоянно сталкивался с тем, что люди со своими сегодняшними утопическими взглядами постоянно спрашивают: Как же в будущем будет выглядеть то или иное? - При этом они опирались на указания, которые я давал об отдельных вещах, но исключительно только в качестве примера. Ведь, в конкретной жизни дело обстоит так, что то, что человек делает, что он совершает, исходя из своих знаний, он может вписать в какую-либо форму в действительности, при этом, разумеется, эта форма могла бы оказаться и другой. Действительность не такова, что к ней подходит только отдельное теоретическое. Разумеется, всё можно было бы сделать и по-другому. Однако, утопист хотел бы всё охарактеризовать совершенно определённо, вплоть до мелочей. И поэтому эти «Основные пункты социального вопроса» во многом были интерпретированы другими в утопическом смысле. Они во многом были преобразованы в утопию, в то время как они совершенно не были задуманы как утопия, а исходили из рассмотрения, образовавшегося в производственном процессе коллективизма, исходили из видения того, что со стороны производства действительно возникает определённая необходимость двигаться в направлении этого коллективизма, но, с другой стороны, также и из того, что вся мощь производства всё же зависит, в свою очередь, от способностей человеческой индивидуальности.

Таким образом, как раз, из рассмотрения современного производства, перед душевным оком ужасно интенсивно выступает то, что основной импульс, который должен лежать в основе всякого производства, личная способность, по сути, собственно, абсорбируется, поглощается коллективизмом, который возникает и будет возникать из самих экономических сил. Перед нами выступает, с одной стороны, то, к чему экономическая жизнь имеет склонность, а, с другой стороны, также само собой разумеющееся требование, как раз, в

рамках этой экономической жизни, дать проявиться индивидуальным силам отдельной человеческой личности. И о социальном организме надлежит думать в следующем направлении: Как это основное требование экономического прогресса, - забота об индивидуальных способностях, - может существовать в этих, посредством технических условий постоянно усложняющихся процессах производства. Это то, что живо выступает перед душой, - действительное развитие экономической жизни, и необходимые требования, которые необходимо ставить этой экономической жизни, чтобы она могла развиваться, - с одной стороны.

С другой стороны, ведь, всё то, что мы сегодня называем социальным вопросом, по сути, практически совершенно не исходит из интересов производства. Если в сфере производства возникают поиски коллективизма, то они, собственно, вытекают из технических возможностей хозяйственной жизни, а также из технической необходимости. То, что обычно называют социальным вопросом, собственно, полностью обуславливается интересами потребления, которые, в свою очередь, могут опираться только на человеческую индивидуальность. И возникает странная вещь, что - хотя на первый взгляд происходит нечто другое - призыв к социализации прокатывается по миру, исходя из чисто потребительских интересов. Это видно также из наблюдения за дискуссиями и практической жизнью. На моих лекциях, которые я начал читать в апреле 1919-го года и на следовавших после них дискуссиях, я видел, с какой антипатией воспринимались эти дискуссии о том, что называют социальным вопросом, в том смысле, в каком он проповедуется, исходя из потребительских интересов, теми, кто вовлечен в практическую экономическую жизнь в качестве производителей или предпринимателей.

И, напротив, там, где звучит призыв к социализму, повсюду принимаются во внимание только интересы потребителей. Так что, как раз, в идеалах социализма в качестве волевого импульса действенным является индивидуализм. По сути, все социалисты стремятся к социализму, исходя из совершенно индивидуальных эмоций. И стремление к социализму, по сути, представляет собой лишь теорию, которая сопровождает индивидуальные эмоции. Но, с другой стороны, посредством очень серьезного рассмотрения того, что всё больше и больше на протяжении столетий развивалось в нашей экономической жизни, раскрывается полное значение того, что в национальной экономике, в экономическом учении, обобщается под названием разделение труда.

Я не сомневаюсь, что об этом разделении труда сказано и написано чрезвычайно много всяких умных вещей, но я не верю, что оно уже продумано в своём полном значении для практической хозяйственной жизни вплоть до его окончательных последствий. Я не верю в это по той причине, поскольку в противном случае пришлось бы признать, что из этого принципа разделения труда вообще следует, что в социальном организме, в котором господствует полное разделение труда, никто - я даже говорю - не может производить что-либо для себя. Ведь, сегодня мы видим уже последние остатки собственного производства, например, когда мы смотрим на мелкие сельские хозяйства. Здесь мы видим, что тот, кто производит, собственно, оставляет себе то, что необходимо для его нужд и нужд его семьи. И как действует то, что он ещё может быть, так сказать, обеспечителем собственных нужд? Это действует так, что внутри социального организма, который в остальном основан на разделении труда, он занимается производством, собственно, совершенно неправильным образом. Каждый, кто сегодня сам изготавливает себе одежду, или сам с собственного участка земли обеспечивает себя продуктами питания, обеспечивает себя слишком разорительно, поскольку из-за господства разделения труда, любой продукт изготавливается дешевле, чем тогда, когда он изготавливается для себя самим. Достаточно обдумать этот факт, чтобы в качестве окончательного следствия увидеть, что, по сути, никто не может производить так, чтобы его работа каким-то образом вливалась в производимый им продукт. И всё же, например, Карл Маркс считает продукт кристаллизованной работой. Это, однако, относится к теперешнему положению дел в наименьшей степени. Продукт, относительно своей цены, - а только она входит в рассмотрение в экономической жизни, - определяется работой лишь в

наименьшей степени. Он определяется своей полезностью, - то есть, потребительскими интересами, - полезностью, которую он имеет в основанном на разделении труда социальном организме.

Всё это ставит сегодня большие вопросы в экономической сфере. И из этих вопросов я вижу, что в сегодняшнем моменте развития человечества мы стоим перед необходимостью формировать социальный организм так, чтобы он всё больше и больше проявлял свои три естественных члена. И одним из этих трёх членов мы должны признать, прежде всего, духовную жизнь, которая основывается в основном на человеческих способностях. Говоря о трёхчленности социального организма, я отношу к духовной области не более или менее абстрактную духовную жизнь или спиритуальную жизнь, а всё то, что основывается на человеческих, духовных или физических способностях. Я должен это ясно подчеркнуть, иначе разграничение духовной области в трёхчленном социальном организме может быть понята совершенно неверно. Тому, кто занимается только ручным трудом, нужна сноровка для этого ручного труда, но ему нужно также ещё многое другое из того, что он в этом отношении проявляет не как принадлежащий к чисто экономической жизни, а как принадлежащий к духовной области.

Другая область социального организма - чистая хозяйственная жизнь. В чистой хозяйственной жизни мы имеем дело только с производством, потреблением и циркуляцией между производством и потреблением. Но это означает ничто другое, как: в чистой хозяйственной жизни мы имеем дело только с циркуляцией произведённых изделий, которые в процессе этой циркуляции, становятся товарами, то есть, мы имеем дело с циркуляцией товаров. Имущество, которое в социальном организме, благодаря своему использованию приобретает определённую ценность, которая затем влияет на его цену, - такое имущество в указанном мною смысле является товаром.

Но отсюда выходит и дальнейшее. Разумеется, на эти вещи, которые я хочу обрисовать, я указываю лишь в общих чертах, лишь афористически, иначе дискуссия затянулась бы слишком надолго. Отсюда выходит, что всё то, что является товаром, может иметь реальную объективную ценность не только в связи с экономической жизнью, но и в связи со всей социальной жизнью. Уже просто посредством того, что продукт значит в рамках потребительской жизни, он получает определённую ценность, которая имеет вполне объективное значение. Теперь мне надо объяснить то, что я сейчас имею в виду по словами «объективное значение».

Под «объективным значением» я не подразумеваю, что эта стоимость товара, о которой я сейчас говорю, может быть установлена непосредственно, например, посредством статистики или чего-то подобного. Для этого обстоятельства, исходя из которых товар получает свою стоимость, слишком сложны, слишком разнообразны. Но независимо от того, что о них поначалу может быть известно, любой товар имеет определённую ценность. Когда товар имеет определённую рыночную цену, то эта цена может быть слишком высокой или слишком низкой по сравнению с объективной ценностью, или может ей соответствовать. Но какой бы мало определяющей ни была цена, которая представляется нам извне, - поскольку она может быть фальсифицирована посредством каких-либо других обстоятельств, - верно всё же, с другой стороны, то, что если бы можно было учесть все эти тысячи и тысячи отдельных условий, исходя из которых производится и потребляется, можно было бы установить объективную стоимость товара. Отсюда выходит, что то, чем является товар, стоит в хозяйственной жизни совершенно особым образом. То есть, то, что я называю объективной экономической ценностью, можно применить только по отношению к товару; это не может быть применено к чему-то другому, что сегодня в подобном смысле стоит в нашей экономической жизни. А именно, это нельзя применить к земельным участкам, и нельзя применить к капиталу.

Я не хочу быть неправильно понятым, вы, например, никогда не услышите от меня характеристики капитализма, которые вы так часто слышите сегодня и которые исходят из всевозможных избитых фраз. Это, ведь, настолько само собой разумеется, что совершенно

нет нужды далее разьяснять, что в сегодняшней экономической жизни без капитала нельзя сделать ничего, и что метать громы и молнии против капитализма есть не что иное, как экономический дилетантизм. То есть, в том, что я сейчас должен сказать о капитале и земельных участках, лежит не то, что так часто сегодня можно услышать, а всё же нечто другое. Если для любого товара действительно то, что его цена лежит выше или ниже, правда, не без дальнейших рассуждений данной середины, но которая объективно существует, и которая только и является целительным фактором, хотя она поначалу может быть и не признанной, то это не может быть действительным для того, с чем сегодня обращаются как с товаром: для земли. Цена земли, стоимость земли сегодня полностью подчинена тому, что можно назвать человеческой спекуляцией, что можно назвать чем угодно, только не социальным импульсом. И в экономическом смысле нет никакой объективности для установления цены или установления стоимости для земельного участка. Это так по той причине, что товар, после своего появления, - независимо от того, хорош он или плох, от того, в какой степени он годен для использования, - может сам установить свою объективную ценность посредством того, каким образом и как часто в нём есть необходимость.

Этого нельзя сказать в отношении земли, и этого нельзя сказать также в отношении капитала. В случае с землей и капиталом, то, как они вписаны в общие социальные и экономические отношения, то, что они в себе несут, полностью зависит от человеческих способностей. Они никогда не представляют собой нечто законченное, готовое. Если у меня в управлении находится земля, то я могу ей управлять только в соответствии со своими способностями, и, благодаря этому, её ценность есть нечто полностью переменное. То же относится и к капиталу, которым я управляю. Тот, кто изучает эти вещи в их полном значении практически, должен будет сказать: Это радикальное различие между товаром, с одной стороны, и землей и капиталом, с другой стороны, действительно существует. - И из этого возникает то, что в нашей хозяйственной жизни выступают определённые симптомы, которые в социальном организме однозначно являются симптомами болезни, что эти симптомы находятся в какой-то связи с тем, что в хозяйственной жизни одинаково, - с теми же деньгами, а именно, с той же оценкой стоимости, - обходятся с тем, что, собственно, совершенно несоизмеримо друг с другом, и что, таким образом, сваливаются в одну кучу и, посредством денег, обмениваются, приводятся в экономическое взаимодействие совершенно различные вещи, с которыми в хозяйственной жизни надо и обращаться по-разному.

И если теперь продолжить это практическое изучение, - то, как, собственно, в наш социальный организм проникло равное обращение, так сказать, платёж одними и теми же деньгами за товары, то есть, за предметы потребления, и за землю и капитал, что, ведь, по сути, тоже стало предметом торговли, как знает каждый, кто знает экономическую жизнь, - то есть, если вы спросите себя, как это, собственно, произошло, и проследите историческое становление человечества, то вы увидите, что сегодня в нашем социальном организме не органично взаимодействуют три области жизни, которые, по сути, имеют совершенно разные корни, и которые в социальной жизни имеют связь друг с другом только через индивидуального человека. Это, во-первых, духовная область, та область, в котором действуют человеческие способности, которые, собственно, человек приносит с собой на Землю из других миров в виде задатков, в виде того, чему он может научиться, исходя из этих задатков, которые определенно представляют собой нечто индивидуальное, и которые развиваются тем интенсивнее, чем больше отдельная человеческая индивидуальность может проявить себя в общественной жизни. Можно быть материалистом или кем-то ещё, но надо сказать: То, что действует в этой области, что человек приносит в этот мир посредством рождения, от физической сноровки работника ручного труда до высочайших высказываний и откровений сил изобретательности, это нечто такое, что полностью зависит от индивидуальности человека.

Нечто другое имеется в области хозяйственной жизни. То, что я хочу об этом сказать, я хотел бы пояснить одним фактом. Ведь, все вы знаете, что в определённое время в 19-ом

столетии возник идеал единого золотого стандарта. Если проследить за тем, что было сказано практическими экономистами, теоретиками экономики, парламентариями во время, когда то там, то здесь, стали стремиться к золотому стандарту, - я говорю это без всякой иронии, - то всё это звучало очень умно. Действительно можно было получить глубокое впечатление от той мудрости, которая исходила из парламента, торговых палат и прочих общественных организаций об этом золотом стандарте и его благословении для экономической жизни. Одним из того, что было сказано, и что было, как раз, подчеркнуто очень влиятельными и важными, а также и менее важными людьми, это то, что золотой стандарт приведёт к тому, что повсюду будет процветать благодатная свободная торговля, что политические границы, наносящие ущерб экономике, утратят своё экономическое значение. И основания, доказательства для такого утверждения, которые были приведены, тоже были чрезвычайно остроумны. И что же произошло в действительности? В действительности произошло, как раз, то, что в областях, где ожидалось, что, благодаря золотому стандарту, падут границы, последние всё же были признаны как необходимые, или, по крайней мере, многие настаивали на их необходимости. В действительной экономической жизни произошло противоположное тому, что было предсказано, исходя из теоретических рассуждений, как раз, умнейших людей.

Это очень важный исторический факт, лежащий не слишком далеко от нас, из которого лишь следует сделать необходимые выводы. И каковы же эти необходимые выводы? Это те выводы, которые всегда бросаются в глаза всякому, кто обращает внимание на действительную экономическую практику: что в области действительной хозяйственной жизни, которая состоит из товарного производства, товарного обращения, товарного потребления, - позвольте мне высказать парадокс, который я считаю истиной, действительно вытекающей из беспристрастного наблюдения, - ум отдельного человека совершенно бесполезен. Каким бы умным ни был человек, как бы умно он ни мыслил об экономической жизни, доказательства могут быть совершенно правильными, но в этой экономической жизни они не подтвердятся. Почему? Потому что экономическая жизнь вообще не может быть охвачена умом отдельного человека, потому что экономический опыт, экономическое познание могут прийти к правильным суждениям только посредством соглашения различным образом заинтересованных в экономической жизни людей. Отдельный человек никогда не сможет прийти к убедительному суждению, - даже с помощью статистики, - о том, как должна работать экономика, это может происходить только путем соглашения, скажем, между потребителями и производителями, которые объединяются в общества, посредством которых один сообщает другому, какие есть потребности, а другой сообщает первому, какие возможности имеет производство. Правильное суждение об экономической жизни может быть получено только в том случае, если из понимания экономической жизни внутри сообществ возникает коллективное суждение.

Правда, здесь мы касаемся чего-то такого, где внешнее экономическое познание сталкивается, я бы сказал, с экономической психологией. Ведь, жизнь есть нечто целостное, и, если мы действительно хотим говорить о практической жизни, мы не можем оставить в стороне души людей. Таким образом то, о чём здесь идёт речь, это то, что действительное экономическое суждение может следовать только из соглашения (*Verständigung*) людей, стоящих внутри этой экономической жизни, из знаний, которые отдельные люди приобретают как частичные знания, и которые становятся адекватными суждениями только, благодаря тому, что знание одного шлифуется знанием другого. Только дискуссия (*Auseinandersetzung*) может в экономической жизни привести к действенным суждениям. Таким образом, однако, мы имеем две радикально отличающихся друг от друга области человеческой жизни. И чем практичнее мы будем смотреть на жизнь, тем яснее нам будет становиться, что эти две области различны, что, например, производство, которое требует знаний о том, как нужно производить, как нужно работать, исходя из человеческих способностей, безусловно призывает к действию человеческую индивидуальность, но что всё, что происходит с продуктом, с имуществом, после того как оно произведено, подлежит

коллективному суждению. Между этими двумя областями существует третья, где отдельный человек стоит не для того, чтобы развивать свои способности, которые он привнёс в жизнь через рождение, где он также не может соединиться с кем-нибудь другим, чтобы с его помощью отшлифовать своё экономическое суждение и прийти к коллективному суждению, которое может быть применимо для оценки экономической жизни на практике, а где он стоит перед другим человеком так, что это противостояние является чисто человеческим отношением человека с человеком.

И эта область охватывает все отношения, в которых один отдельный человек непосредственно встречается с другим отдельным человеком, не как хозяйствующий, а как человек, где он также не имеет дела с врожденными или приобретенными способностями, а там, где он имеет дело с тем, что ему позволено делать в общественном организме или что он обязан делать, что он имеет право делать, что он значит в социальном организме, когда человек стоит перед другим человеком только как человек, независимо от его способностей и его экономического положения. Это третья область социальной жизни.

Может показаться, что эти три области - результат изоцирковой выдумки. Это не так. Может показаться, что они взяты не из практики. Но они взяты, именно, из практики. Поскольку то, что делает их особенными, это их действительность непосредственно в практике жизни. И если эти три области социального организма взаимодействуют неверно, то возникают повреждения этого социального организма. В своих «Основных пунктах социального вопроса» я использовал аналогию с человеческим организмом, - не для того, чтобы что-то доказать, поскольку я очень хорошо знаю, что посредством аналогий ничего доказать нельзя, но чтобы пояснить то, что я должен был сказать, - организмом, который определённо является целостностью, но такой целостностью, которая, если её проанализировать посредством настоящей психологии, также основывается на трёхчленности. В человеческом организме мы чётко разделяем нервно-чувственный организм, который, хотя и пронизывает всё тело, но в основном локализуется в голове. Затем, в качестве второго, относительно самостоятельного организма, мы имеем дыхательный и циркуляционный ритм, - ритмический организм. И, как третий, мы имеем организм обмена веществ и конечностей, всё то, что покоится или на внутренних функциях обмена веществ, или на использовании обмена веществ во внешней деятельности человека, которая, ведь, начинается с активации человеческих конечностей, благодаря чему в дело вступает обмен веществ.

Как сказано, человек является целостностью, единством, но он является единством, благодаря тому, что гармонично взаимодействуют эти три, относительно самостоятельные члена. И если бы мы пожелали, чтобы, вместо этого органического взаимодействия, человек был бы неким абстрактным единством, то такое желание было бы в высшей степени глупым. Каждый из этих членов имеет свои собственные двери во внешний мир, - чувства, - двери дыхания, двери питания; они имеют относительную самостоятельность. И, как раз, из-за этой относительной самостоятельности эти члены органически взаимодействуют друг с другом в гармонии, при этом каждый член развивает присущую ему собственную специфическую силу и, благодаря этому, возникает нечто целостное. Как я уже сказал, я знаю, что с помощью аналогий ничего доказать нельзя. С их помощью я хочу не доказать что-то, а лишь пояснить. Поскольку тот, кто так же объективно, как трёхчленность человека, рассмотрит социальный организм, тот обнаружит, что этот социальный организм, исходя из своих, присущих только ему качеств, требует относительно самостоятельного положения хозяйственного организма, государственно-политического, или правового организма и духовного организма, в том разграничении, которое я описал.

К этой трёхчленности социального организма из-за недопонимания часто выдвигались обвинения, что это разделение, по сути, вообще не может осуществиться, что, например, в экономическую жизнь постоянно вмешиваются правовые отношения, а также духовные способности, и что поэтому абсурдно стремиться к членению социального организма в смысле такой троичности.

Но все три члена работают вместе, образуя единое целое, и в природном организме человека, именно потому, что каждый из них может оказывать своё специфическое действие, и совершенно верно, что нервно-чувственный организм также питается, что он имеет свои особые пищевые процессы и что то, чем является нервно-чувственный организм, также имеет свое значение для организма обмена веществ. На то, что эти три члена являются всё же относительно самостоятельными, указывает здоровая физиология.

Здоровая социальная физиология также покажет, что, как раз, при относительной самостоятельности каждой из этих трёх отдельных областей, - духовной области, той области, где человек предстаёт перед другими просто как человек, то есть, государственно-политическо-правовой области, и экономической области, где человек должен стремиться к образованию ассоциаций, сообществ в указанном выше смысле, - эти области, если они относительно самостоятельно разовьют свои присущие только им качества, смогут в правильном смысле действовать как единство. То, что здесь описывается, ни в коем случае не является возрождением идеи, скажем, старой платонической трёхчленности: сословие учителей, сословие стражей, сословие снабженцев⁸, поскольку там люди разделяются на три сословия. О таком разделении, согласно нашему времени, не может быть и речи; в случае с трёхчленностью социального организма речь идёт только о разделении управления, внешней организации трёх областей жизни.

Духовная область должна управляться полностью из собственных основ. Те, например, кто, являются учителями, - они должны одновременно управлять процессом обучения, так, чтобы, не было разделения между педагогическо-дидактической наукой, с одной стороны, и предписаниями политического организма в отношении преподавания, с другой стороны. Всё управление в духовной области должно исходить из того, что является педагогическо-дидактической наукой, то есть, непосредственно из духовного. В политико-государственной области всё может происходить посредством соглашения (*Verständigung*) человека с человеком в соответствующих административных и конституционных органах. В экономической области, по причинам, вытекающим из того, что я говорил сегодня, необходимо формировать ассоциации, внутри которых люди будут стоять как субъекты экономики. Какие же задачи должны стоять перед этими ассоциациями в экономической сфере, прежде всего?

Ну, при формулировании этих задач может проявиться, как раз, то специфическое, что я попытался представить в своих «Основных пунктах социального вопроса». В этих «Основных пунктах социального вопроса» нигде не сказано, что социально учреждение должно возникнуть так-то и так-то, что то или иное является наилучшим. Это было бы для меня уже соприкосновение с утопическим. Поскольку тот, кто знаком с сегодняшней жизнью людей, знает, что даже если придумать самую лучшую теорию, то практика жизни получит от этой теории бесконечно мало. Практически я даже убеждён в следующем: Если собрать вместе двенадцать, - или больше, или меньше, - особенно умных людей, то можно создать прекрасные программы относительно всего, например, относительно создания школы, к которым совершенно нельзя придраться: пункт 1, пункт 2, пункт 3. Если выполнить всё, что стоит в этих пунктах 1, 2 и 3, то получилась бы идеальная школа. Но эта программа не может стать действительностью, поскольку, хотя человек и может выдумать самое что ни на есть идеальное, то, что может осуществиться, зависит от совершенно других условий.

Мы попытались, насколько это возможно сегодня, основать в Вальдорфской школе в Штутгарте нечто такое, что строится вовсе не на программах, а вытекает только из самой

---

⁸См. «Государство» Платона, о необходимости существования трёх сословий: 1. Высшее сословие: только мудрые могут нести заботу о правильном образе жизни всех граждан. По Платону во главе государства должны стоять философы (*φιλόσοφοι*) или философствующие цари. 2. Сословие стражей (*φύλαξις*): на этом сословии лежит забота о внутренней и внешней безопасности государства (сословие воинов). 3. Сословие прочих граждан (демос: ремесленники, дельцы, крестьяне): их задача обеспечить снабжение государства необходимым (сословие кормильцев). Прим. пер.

педагогики и дидактики. Свободная Вальдорфская школа имеет некоторое количество учителей. И они тоже, хотя я и не хотел бы их за это хвалить, если их собрать вместе, могли бы разработать идеальные школьные программы. Но мы обошлись без этого. Эти учителя - живые люди. И то, что они могут сделать, лучшее, что можно из них извлечь, это и следует развивать. При этом были отброшены все идеальные программы, все предписания, всё было подчинено непосредственному импульсу индивидуальной способности. Никакое предписание не вводит в заблуждение того, кто - и это задача индивидуального, персонального человека - работает в определённой области духовной жизни, исходя из педагогики и дидактики, то есть, исходя из своих собственных способностей.

Конечно, сегодня такие вещи можно осуществить лишь до определённой степени. Но, как раз, в практической жизни, нигде нельзя осуществить какой-либо идеал, а нужно делать то, что позволяют жизненные возможности. То же относится и ко всему остальному из моих «Основных пунктов социального вопроса». Нигде не была сделана попытка указать, каковы должны быть отдельные учреждения. Не как требование, не как идеал, а как наблюдение того, чего хочет человек в своём сегодняшнем историческом развитии, было обращено внимание на то, что люди, - хотя они и такие, какие есть, - поставленные на своё место, могли бы действовать иначе, нежели они действуют сегодня. Поэтому я не даю конкретных указаний относительно того, каким должно быть то или иное учреждение, а обращаюсь непосредственно к людям и говорю: если люди работают вместе правильным образом и находят правильную точку зрения, с которой они должны смотреть на социальный вопрос, тогда возникнет лучшее, из того, что может возникнуть. - И я считаю, что наилучшая форма социального организма, который исходит из человека, - это когда каждый отдельный человек, мыслит, работает и действует в духовной области, в государственной, правовой или политической области, и в хозяйственной области, я бы сказал, в рамках отдельного органа (*in gesonderter Körperschaft*). Каждый человек, - включённый в социальный организм не согласно сословий, - может при известных обстоятельствах стоять во всех трёх областях, если у него есть на это силы. Важно не то, чтобы тот или иной человек действовал именно в той или иной области, а то, чтобы эти три области жизни управлялись объективно, отдельно от человека, исходя из своих основных условий так, чтобы человек мог бы быть во всех трёх, или в двух, или в одной области, но теперь управлял бы, исходя из принципов этой области. Тот, кто подумает над тем, каким образом, благодаря этому, возникает гармония этих трёх областей, тот увидит, что, когда речь идёт об этой трёхчленности, речь идёт именно о единстве, а не о разделении, как это ошибочно полагают критики.

Так, в хозяйственной области особенно речь идёт о том, чтобы вещи находились не посредством каких-либо установлений, скажем, изучения статистики и прочего, а из непосредственной жизни. Я хочу сослаться на один пример. Не правда ли, каждый знает, что какой-то артикль, продукт в хозяйственном обращении становится слишком дешевым, когда слишком много людей производят одно и то же, то есть, когда производится слишком много, и каждый знает, что продукт становится слишком дорогим, когда его производит слишком мало людей. В этом мы имеем путеводную нить к тому, где объективно находится та середина, о которой я говорил. Это середина, эта объективная стоимость, эта объективная цена как таковая, зафиксирована быть не может. Но когда возникают ассоциации, которые видят свою деятельность в том, чтобы знакомиться с хозяйственной жизнью практически, изучать практически в каждый момент, в каждый период, тогда их основное внимание может быть направлено на наблюдение того, как повышаются и понижаются цены. И, благодаря тому, что ассоциации занимаются этим вопросом повышения и понижения цен, посредством переговоров может быть достигнуто то, что собирается достаточное количество людей, принадлежащих к определённому производству, достаточное количество людей, занятых в определённой отрасли производства, то есть, то, что, посредством договорённостей, в какую-то отрасль производства приводится необходимое число людей. Это нельзя определить теоретически, это можно определить только посредством того, что люди ставятся на правильные места, то есть, эти вещи определяются, исходя из человеческого опыта. Поэтому

также нельзя сказать: Объективная ценность такая-то и такая-то. Но если ассоциации в этом направлении хозяйственной жизни будут работать так, что сделают своей обязанностью постепенно сокращать производства, которые, согласно соответствующим порядкам, слишком снижают цены, и, вместо них, создавать другие, которые производят что-то другое, тогда в отдельных отраслях производства будет занято нужное количество людей. Это может происходить только посредством действительной жизни ассоциаций. И тогда то, что выступает в виде цены какого-то товара, будет приближаться к объективной цене. Так что мы никогда не сможем сказать: «По тем или иным причинам объективная цена должна быть такой-то и такой-то», а сможем лишь сказать: «Если возникает настоящая человеческая ассоциация, то, благодаря её работе в непосредственной жизни социального организма, постепенно может сформироваться правильная цена. - Речь идёт не о том, чтобы указать, какими должны быть социальные институты, чтобы происходило социально верное, а речь идёт о том, чтобы привести людей к таким социальным отношениям, в которых во взаимодействии людей постепенно возникают решения социальных вопросов. Поскольку тот, кто правильно понимает социальный вопрос, не может видеть его таким, что он однажды возник и мог бы быть разрешенным какой-нибудь утопией, а социальный вопрос является в новейшее время результатом взаимодействия и, собственно, всегда будет иметь место в будущем, - чем дальше, тем больше. То, однако, что необходимо, так это то, чтобы люди следовали за социальными течениями, исходя из своей экономической точки зрения, и исходя из ассоциаций, в которых только и может возникнуть экономическое суждение, необходимо направить экономическую жизнь на правильные пути не с помощью законов, а исходя из непосредственной жизни, посредством непосредственных договорённостей между людьми. Социальная жизнь должна опираться на человеческое практически.

Таким образом, «Основные пункты социального вопроса» направлены не на то, чтобы описать какую-либо социальную структуру, а на то, чтобы указать, как надо привести людей к отношениям, чтобы эти люди в своём взаимодействии от одной точки времени до другой делали то, что не решает социальный вопрос в том смысле, в каком это часто думают, а направляли его в нужное русло. Как видно уже из этого, эти ассоциации, таким образом, будут иметь дело с собственно хозяйственной жизнью. В собственно хозяйственной жизни циркулируют товары. Поэтому ассоциации будут формировать тенденцию, - предпочтительно исходя из непосредственной жизни, - поиска правильной цены, так чтобы каждый, действительно исходя из своей собственной потребности, мог бы купить то, что ему нужно. Однажды я попытался дать формулу того, как выглядела бы такая справедливая цена. Это не означает, конечно, что её следует определять абстрактно. Она будет определяться, как я уже сказал, исходя из реальной жизни. Но я сказал: Такая цена для какого-либо продукта социальной жизни, то есть, для товара, такова, что она даёт человеку возможность удовлетворить все свои потребности и потребности своей семьи, пока он снова не произведёт такой же продукт.

Я не представляю это как догму, Я не говорю: Так должно быть. Ведь, это никогда нельзя будет осуществить, потому что такие теории нельзя сделать реальностью, а я просто говорю, что то, что получается в виде правильной цены посредством ассоциативного взаимодействия, будет иметь тенденцию развиваться в этом направлении. То есть, я хочу дать сразу результат. Я не хочу устанавливать какую-либо экономическую догму. И я убежден, что именно это и важно в нынешнем экономическом мышлении, что оно повсюду ставится на человеческие основания, что человек, в свою очередь, узнаёт о том, что он везде должен быть двигателем экономической жизни, что он не думает о том, чтобы каким-то образом формировать социальный организм из институтов, организованных исходя из просто мыслей, теорий, а пытается выяснить, какова должна быть совместная жизнь людей, чтобы возникло правильное.

Я хотел бы пояснить это ещё посредством следующей аналогии. В области природы дело обстоит так, что в предпосылках, в условиях, создаваемых людьми, хотя и есть нечто такое, что исходит из элементарного ощущения человека, но оно не направлено на то, чтобы

фиксировать организованное снаружи в социальной жизни. А именно, в новейшее время много было сказано о том, каким образом можно было бы повлиять на эмбриональное развитие человека так, чтобы в некотором смысле сделать его управляемым, по желанию получать мальчика или девочку. Ну я не хочу, конечно, сегодня теоретически рассуждать об этом вопросе, но рассматривал бы это как удачу, если практически этот вопрос не будет решен до конца, поскольку, хотя люди и не могут абстрактно определить, каково наилучшее распределение мужского и женского полов в мире, оно всё же возникает приблизительно так, как должно быть, и без вмешательства людей. Существуют объективные закономерности, возникающие тогда, когда человек, исходя из совершенно других обстоятельств просто делает то, что соответствует его элементарным импульсам. И они возникают также тогда, когда ассоциации действуют правильным образом и, исходя из знания жизни, без догматического предвосхищения того, какова должна быть справедливая цена; эта цена возникает посредством работы ассоциаций, ассоциативного действия. Я называю это ассоциативным действием, поскольку в ассоциировании должна сохраняться человеческая индивидуальность, то есть, в соединении сил одного с силой другого, индивидуальность сохраняется. В коалициях, в товариществах индивидуальность гибнет. Это то, что, на мой взгляд, можно ввести в реальное, не догматическое экономическое мышление.

Можно представить себе и другие задачи этих ассоциаций. Если мы снова проведём аналогию с человеческим организмом, то мы сможем сказать: По тому или иному симптому мы замечаем, что человеческий организм болен. Исходя из симптомокомплекса, мы получим представление об этой болезни, о процессе болезни. Очень похоже обстоит дело и с социальным организмом. Сегодня мы видим в социальном организме отчётливые симптомы болезни. Ассоциации - это лекарство. Ассоциации воздействуют на гармонизацию интересов, так что интересы производителей и потребителей гармонизируются, благодаря взаимодействиям внутри этих ассоциаций; гармонизируются и другие интересы, прежде всего, интересы между работодателями и работниками по найму. Сегодня же мы видим, как из больного тела экономики возникает противоположность ассоциативной жизни, мы видим, как возникает пассивное противодействие, локауты и забастовки, саботаж и восстания. Никто, кто думает здраво, не может думать иначе, чем то, что всё это работает в противоположном направлении по отношению к ассоциативному принципу, и что всё это, - саботаж, локауты, восстания и так далее, - является симптомами болезни социального организма, которые необходимо преодолеть посредством того, что действует гармонизирующим образом. Но для этого нужно действительно осмысленное формирование этого общественного организма, такое же осмысленное, как устройство природного трёхчленного организма человека.

А теперь я возвращаюсь к тому, что я сказал, что земля и капитал сами по себе никак не сравнимы с товарами, так как их стоимость зависит от человеческих способностей. Если мы имеем абстрактное единство, как оно всё больше и больше формировалось в новейшее время, но которое также содержит симптомы болезни как описанного типа, так и другие, то это абстрактное единство действует так, так что почва, а также капитал и, наконец, работа оцениваются так же, как товар.

Если мы имеем трёхчленный социальный организм, то в области духовной жизни действует индивидуальность, действуют силы индивидуальности. Поэтому всё то, что в экономической жизни связано с развёртыванием индивидуальности, что, таким образом, связано с землёй и капиталом, должно, собственно, быть отнесено к духовной части социального организма. Поэтому я показал, что управление капиталом, управление землёй должно происходить в духовной части социального организма.

Тот, кто теперь критикует, что я якобы разрываю эти три области, не учитывает, что - как я описал это сам - духовный организм, образованный на основе индивидуальной силы, сам по себе берёт на себя управление капиталом, управление землёй, если люди поставлены на правильные места. Но то, что выступает в социальном организме как работа, является результатом (Leistung) действий, которые один человек выполняет для другого, - это нечто

такое, что никогда не сможет процветать, будучи частью просто экономической жизни. Поэтому то, что является регулированием работы, принадлежит правовому государству, политическому государству. И именно потому, что совсем на иной основе, чем сегодня, время и объем работы может регулироваться отношениями человека к человеку, отдельно от экономических договоров, определяемых в экономической жизни ассоциациями, произойдет нечто такое, что будет иметь исключительную важность: Благодаря этому, экономическая жизнь будет поставлена на здоровую основу, так что, с одной стороны, она будет иметь природу с её условиями, а, с другой стороны, человека, с его условиями.

Было бы, определённо, очень странным, если бы мы сегодня собрались в маленький комитет и стали бы обдумывать, сколько дождливых дней должно быть в 1922 году, чтобы хозяйственные дела шли так, как мы хотим. Природа должна быть включена, и лишь на основе этой включённой природы можно строить хозяйственную жизнь. Это с одной стороны. На другой стороне хозяйственной жизни в трёхчленном социальном организме, по отношению к основанным на самих себе, относительно самостоятельным, - относительно самостоятельным, вплоть до формирования денежной системы, - ассоциациям, человек стоит перед другим человеком как человек, а не как экономический субъект, и как человек он формирует законы для работы. И тогда человеческая работа будет определяться, не исходя из экономических оснований, из которых должны определяться только цены товаров, взаимные ценностные условия, не исходя из экономических требований, подобно тому, как не из экономических условий определяется рентабельность природы, а только тогда экономическая жизнь будет поставлена как на чисто человеческие, так и на чисто природные основания.

Правда, тогда не сможет стать реальностью утопия. Но что бы мы выиграли от того, что захотели бы создать человека лучше, чем он есть? Ведь, его можно только изучать такого, какой он есть. Поэтому можно сказать, что было бы замечательно поговорить о каких-то будущих мирах, в которых люди могут жить так, как они хотят, но это было бы бесплодно; поскольку можно придумать всё, что угодно, относительно того, как должен выглядеть социальный организм. Но это никогда не может быть вопросом. Вопрос может быть только такой: Каким этот социальный организм может быть? Как должны взаимодействовать его члены, чтобы он был не лучшим, а, благодаря своей собственной силе, лучшим из возможных, чтобы он был одарён как можно меньшим количеством симптомов болезни в указанном смысле, и, насколько это возможно, развивался здоровым образом?

Вы, вероятно, как я полагаю, как раз, исходя из действительного познания социальных условий жизни, постепенно сможете прийти к пониманию этого кардинального вопроса экономической жизни, который я наметил, который жил во всех моих рассуждениях, и который я не хочу определять абстрактно, догматически, шаблонно. Но сегодня наши самые ужасные схватки, изнуряющие экономическую жизнь, происходят в конечном счёте от того, что экономическая жизнь изучается не с той же доброй волей, её условия не исследуются в рамках социального организма так же, как это делается в случае с природным организмом. И только если по отношению к социальному организму мы будем учиться действовать так же, как в биологии, физиологии и терапии, только тогда мы узнаем, какие есть возможности, и только тогда вопросы, которые сегодня называют социальными, смогут быть поставлены правильным образом. Этим мы сможем вернуться к человеческому. Поэтому самым важным мне кажется, прежде всего, то, чтобы как можно больше голов и чувств были задействованы в таком природном понимании социального организма, в таком понимании, которое способно рассматривать социальный организм в смысле здоровья и болезни, как естествознание пытается делать это по отношению к человеческому организму. И я думаю, что сегодня также и в отношении кардинального вопроса экономической жизни необходимо сказать, что эта трёхчленность социального организма может правильным образом осветить область чистой хозяйственной жизни, область правовой или государственной или политической жизни, и духовную область. Эти три области должны быть не разделены, но каждая из них может гармонически взаимодействовать с другими, как раз, благодаря тому, что она может развивать свои силы в относительной самостоятельности.

А кардинальный вопрос экономической жизни таков: Как, в отношении капитала, земли, измерения и оценки человеческой работы, в чисто экономическую жизнь должны самостоятельно вмешиваться государственная жизнь и духовная жизнь, чтобы в этой экономической жизни, посредством образования ассоциаций, был создан, хотя и не земной рай, но, насколько это возможно, лучший социальный организм? - И можно полагать, что если этот вопрос, который, вероятно, должен быть назван кардинальным вопросом экономической жизни, обдумать таким соответствующим природе образом, то он может быть поставлен правильно, практически и жизненно. И в жизни в большинстве случаев дело обстоит так, что самые большие ошибки совершаются не из-за того, что находят неверные решения, - как правило, они являются утопиями, - а из-за того, что неверно ставится сам вопрос, что вопросы ставятся не на основе действительного наблюдения за жизнью и действительного знания жизни. И это кажется мне сегодня важнейшим именно в экономической жизни, чтобы вопросы ставились верно, и чтобы жизнь организовывалась таким образом, чтобы приходили не теоретические ответы, а чтобы на правильно поставленные вопросы ответы давала сама жизнь, сама полная человеческая и историческая действительность. Вопросы ставятся на основе исторических оснований, и непосредственно жизнь должна давать настоящий ответ. Никакая теория не сможет дать этот ответ, но только полная практическая действительность жизни.